

МОЛОДОЙ УЧЁНЫЙ

ISSN 2072-0297

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

25 2026
ЧАСТЬ IV

16+

Молодой ученый

Международный научный журнал

№ 25 (628) / 2026

Издается с декабря 2008 г.

Выходит еженедельно

Главный редактор: Ахметов Ильдар Геннадьевич, кандидат технических наук

Редакционная коллегия:

Жураев Хусниддин Олтинбоевич, доктор педагогических наук (Узбекистан)
Иванова Юлия Валентиновна, доктор философских наук
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук
Лактионов Константин Станиславович, доктор биологических наук
Сараева Надежда Михайловна, доктор психологических наук
Абдрасилов Турганбай Курманбаевич, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Авдеюк Оксана Алексеевна, кандидат технических наук
Айдаров Оразхан Турсункожаевич, кандидат географических наук (Казахстан)
Алиева Тарана Ибрагим кызы, кандидат химических наук (Азербайджан)
Ахметова Валерия Валерьевна, кандидат медицинских наук
Бердиев Эргаш Абдуллаевич, кандидат медицинских наук (Узбекистан)
Брезгин Вячеслав Сергеевич, кандидат экономических наук
Данилов Олег Евгеньевич, кандидат педагогических наук
Дёмин Александр Викторович, кандидат биологических наук
Дядюн Кристина Владимировна, кандидат юридических наук
Желнова Кристина Владимировна, кандидат экономических наук
Жуйкова Тамара Павловна, кандидат педагогических наук
Игнатова Мария Александровна, кандидат искусствоведения
Искаков Руслан Маратбекович, кандидат технических наук (Казахстан)
Калдыбай Кайнар Калдыбайулы, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Кенесов Асхат Алмасович, кандидат политических наук
Коварда Владимир Васильевич, кандидат физико-математических наук
Комогорцев Максим Геннадьевич, кандидат технических наук
Котляров Алексей Васильевич, кандидат геолого-минералогических наук
Кузьмина Виолетта Михайловна, кандидат исторических наук, кандидат психологических наук
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Кучерявенко Светлана Алексеевна, кандидат экономических наук
Лескова Екатерина Викторовна, кандидат физико-математических наук
Макеева Ирина Александровна, кандидат педагогических наук
Матвиенко Евгений Владимирович, кандидат биологических наук
Матроскина Татьяна Викторовна, кандидат экономических наук
Матусевич Марина Степановна, кандидат педагогических наук
Мусаева Ума Алиевна, кандидат технических наук
Насимов Мурат Орленбаевич, кандидат политических наук (Казахстан)
Паридинова Ботагоз Жаппаровна, магистр философии (Казахстан)
Прончев Геннадий Борисович, кандидат физико-математических наук
Рахмонов Азизхон Боситхонович, доктор педагогических наук (Узбекистан)
Семахин Андрей Михайлович, кандидат технических наук
Сенцов Аркадий Эдуардович, кандидат политических наук
Сенюшкин Николай Сергеевич, кандидат технических наук
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Титова Елена Ивановна, кандидат педагогических наук
Ткаченко Ирина Георгиевна, кандидат филологических наук
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры
Фозилов Садриддин Файзуллаевич, кандидат химических наук (Узбекистан)
Яхина Асия Сергеевна, кандидат технических наук
Ячинова Светлана Николаевна, кандидат педагогических наук

Международный редакционный совет:

Айрян Заруи Геворковна, кандидат филологических наук, доцент (Армения)
Арошидзе Паата Леонидович, доктор экономических наук, ассоциированный профессор (Грузия)
Атаев Загир Вагитович, кандидат географических наук, профессор (Россия)
Ахмеденов Кажмурат Максutowич, кандидат географических наук, ассоциированный профессор (Казахстан)
Бидова Бэла Бертовна, доктор юридических наук, доцент (Россия)
Борисов Вячеслав Викторович, доктор педагогических наук, профессор (Украина)
Буриев Хасан Чутбаевич, доктор биологических наук, профессор (Узбекистан)
Велковска Гена Цветкова, доктор экономических наук, доцент (Болгария)
Гайич Тамара, доктор экономических наук (Сербия)
Данатаров Агахан, кандидат технических наук (Туркменистан)
Данилов Александр Максимович, доктор технических наук, профессор (Россия)
Демидов Алексей Александрович, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Досманбетов Динар Бакбергенович, доктор философии (PhD), проректор по развитию и экономическим вопросам (Казахстан)
Ешиев Абдыракман Молдоалиевич, доктор медицинских наук, доцент, зав. отделением (Кыргызстан)
Жолдошев Сапарбай Тезекбаевич, доктор медицинских наук, профессор (Кыргызстан)
Игисинов Нурбек Сагинбекович, доктор медицинских наук, профессор (Казахстан)
Кадыров Кутлуг-Бек Бекмурадович, доктор педагогических наук, и.о. профессора, декан (Узбекистан)
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Козырева Ольга Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Россия)
Колпак Евгений Петрович, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Кыят Эмине Лейла, доктор экономических наук (Турция)
Лю Цзюань, доктор филологических наук, профессор (Китай)
Малес Людмила Владимировна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Нагервадзе Марина Алиевна, доктор биологических наук, профессор (Грузия)
Нурмамедли Фазиль Алигусейн оглы, кандидат геолого-минералогических наук (Азербайджан)
Прокопьев Николай Яковлевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Прокофьева Марина Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Казахстан)
Рахматуллин Рафаэль Юсупович, доктор философских наук, профессор (Россия)
Ребезов Максим Борисович, доктор сельскохозяйственных наук, профессор (Россия)
Сорока Юлия Георгиевна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Узаков Гулом Норбоевич, доктор технических наук, доцент (Узбекистан)
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры (Россия)
Хоналиев Назарали Хоналиевич, доктор экономических наук, старший научный сотрудник (Таджикистан)
Хоссейни Амир, доктор филологических наук (Иран)
Шарипов Аскар Калиевич, доктор экономических наук, доцент (Казахстан)
Шуклина Зинаида Николаевна, доктор экономических наук (Россия)

На обложке изображен Тадао Андо (1941), японский архитектор.

Тадао Андо появился на свет в Осаке 13 сентября 1941 года, на пару минут раньше своего брата-близнеца. Когда мальчишкам исполнилось два года, Андо забрала на воспитание прабабушка. От нее он унаследовал любовь к искусству и трепетное отношение к природе. А еще, прежде чем окончательно посвятить жизнь архитектуре, Андо на протяжении нескольких лет занимался боксом.

Андо — архитектор-самоучка. Искусство проектирования он постигал на практике, изучал по книгам и самостоятельно, посещая памятники в Киото и Наге. Собственное бюро Tadao Ando Architects and Associates Андо основал в 1968 году в возрасте 28 лет, за короткий срок освоив то, на что у студентов архитектурных вузов уходят годы. Сегодня за его плечами более 300 проектов — частные резиденции, музеи, храмы и реконструкции — для Фонда Франсуа Пино в Венеции и Париже. В 1995 году Андо получил Притцкеровскую премию, самую престижную награду в мире архитектуры. Призовые деньги он передал жертвам землетрясения 1995 года, произошедшего в Кобэ. И да, его дома, построенные в этом городе, выдержали подземные толчки и не пострадали.

Часовня Света в Ибараки, небольшом пригороде Осаки, пожалуй, самая известная работа Андо. Крест в центре бетонного строения — единственный источник света, символ надежды в христианской религии. Это соединение традиций японской архитектуры и одновременная отсылка к архитектуре римского Пантеона, который Андо посетил во время своей поездки в Рим в юности.

Дом Адзума в Сумиёси — одна из ранних работ архитектора, которая вывела его на мировой рынок. Решение построить бетонный блок в окружении традиционных деревянных домов Нагая было достаточно смелым. На фасаде здания нет ни одного окна, оно полностью закрыто со стороны улицы и обращено исключительно во внутренний двор, благодаря чему пространства наполняются светом и воздухом — так Андо подчеркивает ощущение безопасности и отсоединенности от внешнего хаотического мира. Дом Кошино архитектор спроектировал как продолжение природного пейзажа: часть здания уходит под землю, чтобы ничто не нарушало естественный ландшафт. Вписанный в склон холма дом состоит из двух бетонных блоков, а из больших окон открываются живописные виды на сад.

Окулус Пантеона возвращается еще в одной работе Андо 2017 года — молитвенном доме на холме Будды на кладбище в Саппоро. Подземный туннель приводит

в центральный зал, где статую Будды окружает нимб голубого неба, контрастирующий с холодным и грубым бетоном. Здесь Андо вновь демонстрирует виртуозную работу со светом, пространством, перспективой. Последовательность в использовании материалов, поэзия света, сценически выстроенное повествование — все это неотъемлемые части его стиля.

Церковь на воде стала олицетворением еще одной природной стихии. Она представляет собой бетонный параллелепипед, одна из граней которого полностью выполнена из стекла. Обращенное к гладкой поверхности водного бассейна здание будто парит в невесомости, а крест, окруженный водой, кажется одновременно близким и недосягаемым, будто отражая в этом всю суть религии как таковой.

Андо проектирует как режиссер, ориентируясь на новый опыт от пребывания в пространстве, — с каждой точки открывается новая захватывающая перспектива, в его домах и общественных пространствах можно часами наблюдать за тем, как меняется свет и тени ложатся на стены в сложной сценографии. Манера Андо получила название «критический рационализм»: несмотря на однообразие материала, работы архитектора, в которых японская философия тесно сплетена с модернизмом, обращены к культуре и традициям места. Исследуя региональное, Андо воплощает его «душу», и даже бетон, созданный из локальных компонентов, будет каждый раз немного другим. Архитектора завораживает сама текстура и возможности работы с материалом, так что неудивительно, что свой метод работы с бетоном Андо совершенствовал много лет.

В том, что касается интеграции в природу, архитектор, кажется, достиг совершенства. В итоге, кроме вездесущего бетона, его средства — свет и пустота. Он управляет стихиями, будто они — гибкий и податливый, еще не застывший материал, он придает им форму, направляет, заставляет работать вместе с архитектурой.

Дома Андо никогда не были ориентированы на удобство и комфорт: своих состоятельных клиентов он заставляет жить в критических условиях — в холоде и влажности. Когда владелец дома, в котором не предусмотрено отопление, пожаловался на холод, Андо посоветовал ему надеть свитер, а если станет холоднее — еще один. В некоторых помещениях во время дождей вода течет по стенам — все, как задумал архитектор.

*Информацию собрала ответственный редактор
Екатерина Осянина*

СОДЕРЖАНИЕ

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Монахов А. А., Хенчель Д. К., Ильичев М. В.
Институт президентства в Российской Федерации 213

Монахов А. А., Хенчель Д. К., Ильичев М. В.
Правовые основы и организация деятельности органов внутренних дел при чрезвычайных ситуациях в Российской Федерации 215

Намнан М. О.
Посредничество во взяточничестве: уголовно-правовой анализ и вопросы квалификации 217

Нестерова У. Е.
Анализ необходимости введения маркировки «Честный знак» на протеиновую продукцию 219

Пак А. О.
Актуальные проблемы возмещения вреда, причиненного преступлением, в уголовном судопроизводстве 221

Поваляева Ю. И.
Аутсорсинг диагностических услуг как альтернативный способ выполнения лицензионных требований в медицинской деятельности 225

Протасов Е. А.
Позитивная роль реформы института публичной власти 227

Пулин А. О.
Контрабанда результатов интеллектуальной деятельности, которые могут быть использованы при создании вооружения или военной техники: уголовно-правовой анализ состава преступления 229

Пунева А. Е.
Криминалистические проблемы изучения личности преступника 233

Русакова У. А.
Правовая неопределенность смарт-контракта: дефиниция, язык алгоритма и анонимность 234

Рыбочкина Д. О.
Показания эксперта как источник доказательств 236

Сарвадий И. А.
Роль прокурора в защите прав и интересов несовершеннолетних 239

Синицына Ю. А.
Трансформация налоговой нагрузки субъектов малого и среднего предпринимательства в условиях изменения параметров специальных налоговых режимов 242

Соколова Е. Д.
Состав административного правонарушения: понятие и элементы 246

Стругова Е. Д.
Способы обеспечения исполнения обязательств по договору купли-продажи 247

Тарасова И. А.
Проблемы правовой природы государственного (муниципального) контракта 250

Тулешов Р. А., Аксенов В. Н.
Влияние бракоразводного процесса и раздела совместно нажитого имущества на процедуру банкротства: межотраслевые коллизии, правоприменительная практика и доктринальные подходы 253

Тупица С. Г.
Криминалистическая профилактика: современное состояние и перспективы 257

Ужонкова М. Ю.
Понятие, предмет тактики судебного следствия как частного криминалистического учения 259

Филиппов Д. Ю., Малинин А. А.
Проблема определения предмета роскоши при разделе имущества супругов 261

Фролов Т. В.
Отдельные вопросы выселения и прекращения права пользования жилым помещением, занимаемым по договору социального найма 263

Цымбал Д. С.

Характеристика современного
законодательства о спорте и труде
профессиональных спортсменов 267

Шаяхметов И. Р.

Источники международного таможенного
права: современные тенденции 271

Шипунов Е. И.

Добросовестность при совершении
экстраординарных сделок в корпоративных
правоотношениях 274

Шипунов Е. И.

Обеспечительные меры как способ
защиты прав участников корпоративных
правоотношений 276

Яковенко С. Д.

Материальная ответственность
работодателя перед работником в условиях
дистанционной работы 278

ИСТОРИЯ

Рыков Н. В.

Поведенческие практики Н. С. Хрущева
в его публичных выступлениях (на основе
материалов периодической печати)..... 283

Симбирева П. К.

Древние цивилизации: колыбель
современной государственной службы 286

ПОЛИТОЛОГИЯ

Мелян В. Г.

Как антикитайские настроения
в Центральной Азии усугубляют отношения
между КНР и странами Центральной Азии 290

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Институт президентства в Российской Федерации

Монахов Александр Александрович, студент магистратуры;

Хенчель Дмитрий Константинович, студент магистратуры;

Ильичев Михаил Вячеславович, студент магистратуры

Курский государственный университет

В статье рассматривается институт президентства в Российской Федерации в контексте классической теории разделения властей и конституционной реформы 2020 года. Анализируются противоречия конституционного толкования (статьи 10 и 80 Конституции РФ), а также три основных научных подхода к определению правовой природы Президента РФ: как главы исполнительной власти, «суперпрезидентская» модель и как «интегратора» государственной власти. Особое внимание уделяется анализу поправок 2020 года, выявляется их системный эффект: расширение контроля Президента над Правительством (общее руководство, право отстранения членов кабинета, прямое руководство силовыми министерствами) и усиление влияния на судебную ветвь власти. Автор обосновывает тезис о переходе от модели «арбитра» или «гаранта» к президентоцентристской модели организации публичной власти, где Президент фактически является центром принятия ключевых государственных решений. В статье также проводится сравнительно-правовой анализ с зарубежными моделями (президентская республика США, парламентская республика Германии, смешанная республика Франции). В заключении делается вывод об уникальности российской модели, которая тяготеет к смешанной (полупрезидентской) форме правления с ярко выраженным доминированием президентской составляющей, не имеющей полных аналогов в мире, при этом конституционная реформа 2020 года окончательно закрепила данную тенденцию.

Ключевые слова: институт президентства, конституционная реформа 2020 года, полномочия Президента, пост Президента, обнуление президентских сроков, разделение властей, глава исполнительной власти, механизм сдержек и противовесов.

Классическая теория разделения властей, разработанная Дж. Локком и Ш. Л. Монтескье, предполагает распределение государственной власти между тремя независимыми ветвями: законодательной, исполнительной и судебной. Эта модель призвана исключить возможность узурпации власти и установить систему «сдержек и противовесов». Однако применительно к российской модели организации публичной власти вопрос о месте Президента в этой системе до сих пор остается дискуссионным.

Непосредственное толкование Конституции Российской Федерации дает противоречивые ориентиры. Статья 10 Конституции РФ закрепляет, что государственная власть в Российской Федерации осуществляется на основе разделения на законодательную, исполнительную и судебную. При этом органы законодательной, исполнительной и судебной власти самостоятельны. В то же время статья 80 (часть 1) определяет Президента как главу государства, который не отнесен ни к одной из трех ветвей власти. Как справедливо отмечает М. В. Баглай,

это создает уникальную конституционно-правовую конструкцию, когда глава государства возвышается над ветвями власти, выступая в роли арбитра, обеспечивающего их согласованное функционирование. [1]

В отечественной науке сформировалось несколько подходов к определению правовой природы института президентства. Сторонники первого подхода (М. Б. Агаев) настаивают на том, что Президент РФ фактически является главой исполнительной власти, поскольку он определяет основные направления внутренней и внешней политики, формирует Правительство и имеет право председательствовать на его заседаниях. [2] Второй подход (Г. В. Дегтев) обосновывает «суперпрезидентскую» модель, в рамках которой Президент занимает особое, доминирующее положение по отношению ко всем ветвям власти, а механизм сдержек и противовесов практически не работает. [3] Третий подход (В. И. Кайнов) предлагает рассматривать Президента как «интегратора», обеспечивающего единство государственной власти в условиях федеративного устройства и многопартийности. [4]

Конституционная реформа 2020 года внесла в этот дискурс новые аргументы. Поправки, одобренные в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 года, существенно расширили контрольные полномочия Президента по отношению к исполнительной власти. Во-первых, было уточнено, что Президент осуществляет общее руководство Правительством (статья 83, пункт «б»). Во-вторых, Президент получил право отстранять Председателя Правительства, его заместителей и федеральных министров от должности без роспуска всего кабинета (новая редакция статьи 117). В-третьих, Президент напрямую руководит деятельностью силовых министерств и ведомств (МВД, МЧС, МИД, Минобороны, Минюста) и закрепляет это в структуре федеральных органов исполнительной власти. [5]

Кроме того, поправки 2020 года усилили влияние Президента на судебную ветвь власти. Президент получил право направлять в Совет Федерации предложения о приостановлении полномочий судей Конституционного и Верховного судов (статья 83, пункт «е2»), а также принимать участие в формировании единого правового пространства в части синхронизации законодательства субъектов РФ с федеральным.

Таким образом, анализ конституционных норм в редакции 2020 года позволяет сделать вывод, что Президент РФ не просто «арбитр» или «гарант», а полноценный центр принятия ключевых государственных решений. Он фактически возглавляет исполнительную вертикаль (через Правительство и полпредов), обладает рычагами воздействия на законодательную власть (право вето, право роспуска Государственной Думы) и влияет на судебную (участие в назначении судей). Как верно отмечает М. В. Баглай, «российская форма правления близка к «президентской» с элементами «суперпрезидентской» в периоды политической нестабильности». Конституционная реформа 2020 года эту тенденцию лишь усилила, окончательно закрепив президентоцентристскую модель организации публичной власти.

Для понимания особенностей российской модели президентской власти необходимо сопоставление ее с аналогичными институтами в зарубежных странах с различными формами правления. Мировой практике известны три основные модели организации института главы государства: президентская (США), парламентская (Германия, Италия) и смешанная (полупрезидентская) (Франция).

Президентская республика на примере США. Соединенные Штаты Америки являются классическим образцом президентской республики, где Президент одновременно является главой государства и главой исполнительной власти (администрации). Как отмечает Г. В. Дегтев, американская модель основана на жестком разделении властей: Президент не имеет права распускать Конгресс, а Конгресс не может отправить Президента в отставку иначе, чем через процедуру импичмента. Президент США избирается путем косвенных выборов (через Кол-

легию выборщиков) на 4 года, при этом максимальный срок полномочий ограничен двумя сроками (поправка XXII к Конституции США). В отличие от России, американский Президент лишен законодательной инициативы (хотя и может влиять на Конгресс через послания и право вето) и не формирует судебную систему полностью — он назначает судей, но с одобрения Сената.

Парламентская республика на примере Германии. В Федеративной Республике Германия действует парламентская форма правления, при которой Президент выполняет преимущественно церемониальные и представительские функции. Федеральный президент избирается Федеральным собранием (специальным органом, состоящим из депутатов Бундестага и представителей земель) сроком на 5 лет и может быть переизбран лишь один раз. Реальная власть сосредоточена в руках Федерального канцлера, который формирует правительство и несет ответственность перед Бундестагом. Германский Президент не обладает правом вето на законы в полном объеме, не является верховным главнокомандующим (эта функция принадлежит министру обороны в мирное время и канцлеру в военное) и не играет самостоятельной роли в законотворческом процессе.

Смешанная (полупрезидентская) республика на примере Франции. Наиболее близкой к российской модели является французская Пятая республика. В соответствии с Конституцией Франции 1958 года Президент избирается прямым всенародным голосованием на 5 лет (до 2002 года — на 7 лет), является главой государства, обеспечивает нормальное функционирование публичной власти и выступает как арбитр. Однако, в отличие от России, во Франции существует сильная должность Премьер-министра, ответственного перед парламентом. При этом в зависимости от того, поддерживает ли парламент Президента или оппозицию, возможны два режима: президентский (когда Президент и Премьер из одной партии) и «сосуществование» (cohabitation), когда Президент вынужден делить власть с премьером от оппозиции.

Место России в типологии форм правления. Проведенный сравнительный анализ позволяет сделать следующие выводы. Российская модель (особенно после конституционной реформы 2020 года) тяготеет к смешанной (полупрезидентской) форме правления с явным доминированием президентской составляющей.

Отличительными чертами российской модели являются: отсутствие института вице-президента; право Президента распускать Государственную Думу в случаях, предусмотренных Конституцией (ст. 111, 117); прямое руководство Президентом силовыми министерствами; возможность для бывшего Президента получить пожизненный иммунитет и статус сенатора (поправки 2020 года). Таким образом, российский институт президентства представляет собой уникальный феномен, не имеющий полных аналогов в мире, что подтверждает тезис о формировании в России особой «президентоцентристской» модели республики.

В заключение можно отметить, что государство играет ключевую роль в создании правовой базы для борьбы с экстремизмом и терроризмом в информационной среде. Важно, чтобы при разработке программ и выделении финансирования учитывались особенности целевой аудитории, а также обеспечивалось тесное взаимодействие между психологией, социологией и юриспруденцией. С учетом стремительного развития информационной среды в России, процесс обновления и создания нормативно-правовой базы по борьбе с терроризмом продолжается.

Терроризм остаётся одной из самых серьезных проблем XXI века. Однако победа над ним возможна только в случае устранения причин его возникновения. Россия создала эффективную нормативно-правовую базу для противодействия террористической угрозе, несмотря на это невозможно констатировать полноценное решения всех проблем, связанных с террористической деятельностью. Важно продолжать работать над совершенствованием подходов, включая более точные определения терроризма, его целей и методов.

Литература:

1. Баглай М. В. Конституционное право Российской Федерации: учебник. — 8-е изд. — М.: Норма, 2022. — С. 482–485.
2. Агаев М. Б. Президентская власть в системе государственной власти. — М.: ЛУЧ, 2024. — С. 11–13.
3. Дегтев Г. В. Конституционно-правовой статус Президентов Российской Федерации и США: Сравнительно-правовой анализ. — М.: Юрист, 2023. — С. 78–80.
4. Кайнов В. И. Институт президентства: конституционно-правовой статус. Диссертация, докт. юрид. наук. — СПб.: Питер, 2021. — С. 154–156.
5. Федеральный конституционный закон от 06.11.2020 № 4-ФКЗ «О Правительстве Российской Федерации» (ред. от 21.12.2021) // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_366950/

Правовые основы и организация деятельности органов внутренних дел при чрезвычайных ситуациях в Российской Федерации

Монахов Александр Александрович, студент магистратуры;
Хенчель Дмитрий Константинович, студент магистратуры;
Ильичев Михаил Вячеславович, студент магистратуры
Курский государственный университет

В статье анализируются правовые основы и организационные механизмы деятельности органов внутренних дел Российской Федерации в условиях чрезвычайных ситуаций. Рассматривается нормативно-правовая база, включая Конституцию РФ, федеральные конституционные законы «О чрезвычайном положении» и «О военном положении», Федеральный закон «О полиции». Раскрываются полномочия и правовой статус сотрудников МВД в условиях кризиса. Выявляются ключевые проблемы межведомственного взаимодействия между МВД, МЧС, Росгвардией, а также недостаточный уровень социальной защищённости сотрудников полиции, участвующих в ликвидации последствий ЧС. На основе проведённого анализа формулируются предложения по совершенствованию законодательства, включая разработку унифицированного нормативного акта о межведомственном взаимодействии и расширение социальных гарантий для сотрудников ОВД.

Ключевые слова: чрезвычайная ситуация, органы внутренних дел, правовой статус, межведомственное взаимодействие, социальные гарантии, МВД России, чрезвычайное положение.

Деятельность органов внутренних дел при чрезвычайных ситуациях является одним из приоритетных направлений обеспечения национальной безопасности Российской Федерации. Рост числа природных и техногенных катастроф, а также сохраняющиеся угрозы террористического характера обуславливают необходимость постоянного совершенствования правовых и организационных механизмов работы МВД России в кризисных условиях. Эффективное функционирование системы пра-

вового регулирования в условиях ЧС напрямую влияет на защиту жизни и здоровья граждан, сохранение общественного порядка и стабильности в обществе [1].

Основным источником правового регулирования деятельности органов внутренних дел в условиях ЧС выступает Конституция Российской Федерации, закрепляющая в статьях 71 и 72 основы функционирования системы национальной безопасности. Ключевыми федеральными конституционными законами в данной сфере яв-

ляются Федеральный конституционный закон от 30 мая 2001 года № 3-ФКЗ «О чрезвычайном положении» и Федеральный конституционный закон от 30 января 2002 года № 1-ФКЗ «О военном положении». Указанные акты наделяют органы внутренних дел расширенными полномочиями по охране общественного порядка, контролю за соблюдением режимных ограничений, обеспечению безопасности объектов инфраструктуры. Помимо этого, деятельность МВД в условиях ЧС регулируется Федеральным законом от 7 февраля 2011 года № 3-ФЗ «О полиции», Федеральным законом от 30 ноября 2011 года № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел», Указом Президента РФ от 1 марта 2011 года № 248 «Вопросы Министерства внутренних дел» и Военной доктриной РФ [2; 3; 4].

В условиях чрезвычайных ситуаций органы внутренних дел приобретают особый правовой статус. Их полномочия включают: обеспечение правопорядка в зонах ЧС; осуществление ограничений на передвижение граждан и транспортных средств; охрану эвакуационных пунктов и мест временного проживания; контроль за соблюдением санитарных и эпидемиологических ограничений; обеспечение безопасности объектов критической инфраструктуры. Правовой статус сотрудника ОВД в этих условиях представляет собой совокупность прав, обязанностей и юридических гарантий, при этом важное значение приобретают принципы законности, соразмерности применяемых мер и соблюдения прав граждан. Любое превышение должностных полномочий влечёт юридическую ответственность вплоть до уголовной [5].

Одной из ключевых проблем является отсутствие скоординированной работы между МВД, МЧС, Росгвардией и другими структурами. Причиной этого выступает фрагментарная нормативная база и недостаток единых регламентов действий. Для решения данной проблемы целесообразно разработать и внедрить единый федеральный нормативно-правовой акт, регламентирующий межведомственное взаимодействие в условиях ЧС, включая протоколы обмена информацией и алгоритмы реагирования. В частности, необходимо законодательно закрепить порядок совместного оперативного реагирования, разграничение зон ответственности и механизмы взаимного информирования.

Сотрудники МВД несут высокие риски при ликвидации последствий ЧС, однако действующее законодательство не в полной мере обеспечивает их социальную и правовую защиту. Предлагается расширить перечень социальных гарантий и компенсаций при получении увечий или гибели сотрудников в зоне ЧС, ввести механизм экстренного страхования и закрепить нормы о предоставлении жилья для сотрудников, участвовавших в ликвидации последствий ЧС. Целесообразно установить в законодательстве особый правовой статус сотрудников МВД, задействованных в зонах ЧС, приравненный по объёму гарантий к статусу военнослужащих, исполняющих обязанности в боевой обстановке.

Анализ практики показывает, что наиболее показательными примерами являются ликвидация последствий наводнений на Дальнем Востоке (2013 год) и в Краснодарском крае (2014 год), а также действия МВД в период пандемии COVID-19. В указанных случаях органы внутренних дел успешно обеспечивали эвакуацию населения, охрану общественного порядка в пунктах временного размещения, контроль за соблюдением карантинных мер, а также защиту объектов критической инфраструктуры. Однако были выявлены недостатки в координации действий различных ведомств, оперативности реагирования и информационном обеспечении. Например, в ходе наводнения на Дальнем Востоке органы МВД столкнулись с проблемами при организации эвакуации из-за несвоевременного получения данных о динамике уровня воды.

Государство играет ключевую роль в создании правовой базы для деятельности органов внутренних дел в условиях чрезвычайных ситуаций. Россия создала эффективную нормативно-правовую основу для реагирования на ЧС, однако невозможно констатировать полноценное решение всех проблем. Важно продолжать работу над совершенствованием законодательства, улучшением взаимодействия между различными государственными структурами и внедрением инновационных технологий для повышения качества и оперативности реакции органов внутренних дел на чрезвычайные ситуации. Только комплексный подход, объединяющий правовые, организационные и социальные меры, позволит обеспечить надёжную защиту населения и территорий от чрезвычайных ситуаций.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята на всенародном голосовании 12 декабря 1993 г.) // Российская газета. 1993. 25 дек.
2. Федеральный конституционный закон от 30.05.2001 № 3-ФКЗ «О чрезвычайном положении» // Собрание законодательства РФ. 2001. № 23. Ст. 2277.
3. Федеральный конституционный закон от 30.01.2002 № 1-ФКЗ «О военном положении» // Собрание законодательства РФ. 2002. № 5. Ст. 375.
4. Федеральный закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ «О полиции» // Собрание законодательства РФ. 2011. № 7. Ст. 900.
5. Федеральный закон от 30.11.2011 № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2011. № 49. Ст. 7020.

Посредничество во взяточничестве: уголовно-правовой анализ и вопросы квалификации

Намнан Майя Окур-ооловна, студент магистратуры
Уральский государственный экономический университет (г. Екатеринбург)

В статье анализируются уголовно-правовые признаки посредничества во взяточничестве (ст. 291.1 УК РФ), рассматриваются проблемы квалификации данного преступления, связанные с отграничением от соучастия в даче или получении взятки, а также с определением момента окончания преступления. На основе анализа судебной практики и доктринальных подходов предлагаются критерии разграничения посредничества и соучастия, а также рекомендации по квалификации отдельных видов посреднических действий.

Ключевые слова: посредничество во взяточничестве, взяточничество, коррупционные преступления, квалификация, соучастие, судебная практика.

Mediation in bribery: criminal law characteristics and issues of qualification

The article analyzes the criminal law features of mediation in bribery (Article 291.1 of the Criminal Code of the Russian Federation), examines the problems of qualification of this crime related to distinguishing it from complicity in giving or receiving a bribe, as well as determining the moment of completion of the crime. Based on the analysis of judicial practice and doctrinal approaches, the author proposes criteria for distinguishing mediation from complicity and recommendations for qualifying certain types of mediation actions.

Keywords: mediation in bribery, bribery, corruption crimes, qualification, complicity, judicial practice.

Противодействие коррупции является одной из приоритетных задач современной уголовной политики Российской Федерации. В системе мер, направленных на борьбу с коррупционными проявлениями, особое место занимает уголовно-правовой запрет посредничества во взяточничестве, введенный в Уголовный кодекс РФ Федеральным законом от 4 мая 2011 г. № 97-ФЗ. Выделение данного состава в самостоятельную норму (ст. 291.1 УК РФ) стало важным этапом в развитии антикоррупционного законодательства, позволившем более эффективно противодействовать лицам, способствующим совершению коррупционных сделок, но не являющимся ни взяткодателями, ни взяткополучателями.

Несмотря на более чем десятилетний период применения ст. 291.1 УК РФ, вопросы квалификации посредничества во взяточничестве продолжают вызывать сложности в правоприменительной практике. Спорными остаются вопросы отграничения посредничества от соучастия в даче или получении взятки, определения момента окончания преступления, квалификации действий посредника, действующего по поручению взяткодателя или взяткополучателя, а также оценки действий лица, лишь создавшего условия для передачи взятки, но не участвовавшего непосредственно в ее передаче.

Цель настоящей статьи — комплексный анализ уголовно-правовой характеристики посредничества во взяточничестве, выявление проблем квалификации данного преступления и разработка рекомендаций по их разрешению.

Объективная сторона посредничества во взяточничестве, предусмотренного ч. 1 ст. 291.1 УК РФ, включает три альтернативных деяния:

1) непосредственная передача взятки;

2) иное способствование взяткодателю и (или) взяткополучателю в достижении либо реализации соглашения между ними о получении и даче взятки;

3) обещание или предложение посредничества во взяточничестве [1, Ст. 291.1, ч. 1.].

Непосредственная передача взятки представляет собой фактическое вручение предмета взятки (денег, ценных бумаг, иного имущества, услуг имущественного характера) взяткополучателю либо по его указанию иному лицу. Данное деяние охватывает как физическое перемещение предмета взятки, так и его символическую передачу (например, перечисление денежных средств на банковский счет). При этом посредник может действовать как по поручению взяткодателя, так и по поручению взяткополучателя.

Иное способствование взяткодателю и (или) взяткополучателю в достижении либо реализации соглашения между ними о получении и даче взятки представляет собой оценочное понятие, включающее широкий спектр действий. Как разъяснил Пленум Верховного Суда РФ в постановлении от 9 июля 2013 г. № 24, к таким действиям относятся: сведение заинтересованных лиц, ведение переговоров о размере взятки, предоставление информации о способах передачи взятки, создание условий для передачи или получения взятки [2]. Важно отметить, что данные действия могут совершаться как до, так и после передачи взятки, если они направлены на реализацию достигнутого соглашения.

Обещание или предложение посредничества во взяточничестве является наиболее сложным для квалификации деянием, поскольку оно представляет собой приготовление к посредничеству, которое в силу прямого

указания закона криминализировано. Для признания преступления оконченным достаточно самого факта обещания или предложения посредничества, независимо от того, последовала ли реальная передача взятки. При этом обещание или предложение должны быть конкретными, обращенными к взяткодателю или взяткополучателю и выражать намерение лица выступить посредником.

Субъективная сторона посредничества во взяточничестве характеризуется прямым умыслом. Лицо осознает, что оказывает посреднические услуги по передаче взятки или иному способствованию достижению коррупционного соглашения, и желает совершить эти действия. Мотивы преступления могут быть различными (корыстные, личные и др.), но они не влияют на квалификацию.

Субъект преступления — физическое вменяемое лицо, достигшее 16-летнего возраста. Закон не содержит специальных требований к субъекту, однако судебная практика исходит из того, что посредником может быть любое лицо, включая должностных лиц, если их действия не образуют самостоятельного состава получения взятки.

Квалифицирующие признаки посредничества во взяточничестве (ч. 2–4 ст. 291.1 УК РФ) существенно усиливают ответственность. Часть 2 предусматривает ответственность за посредничество, совершенное группой лиц по предварительному сговору или организованной группой. Часть 3 — за посредничество в крупном размере (свыше 25 000 рублей). Часть 4 — за посредничество в особо крупном размере (свыше 1 000 000 рублей), а также за посредничество, совершенное с использованием своего служебного положения.

Одной из наиболее сложных проблем квалификации посредничества во взяточничестве является его отграничение от соучастия в даче или получении взятки. В доктрине уголовного права выделяются два основных подхода к решению данной проблемы.

Согласно первому подходу, посредничество во взяточничестве является самостоятельным составом преступления и не требует дополнительной квалификации как соучастие. Сторонники данного подхода указывают на то, что законодатель, выделив посредничество в отдельную норму, тем самым исключил необходимость квалификации таких действий по правилам соучастия [3, с. 245].

Согласно второму подходу, посредничество во взяточничестве и соучастие в даче или получении взятки соотносятся как специальная и общая нормы. В связи с этим действия посредника, который действует в интересах взяткодателя или взяткополучателя, подлежат квалификации по ст. 291.1 УК РФ, а дополнительная ссылка на ст. 33 УК РФ не требуется [5, с. 24].

Представляется, что более обоснованным является второй подход. Как разъяснил Пленум Верховного Суда РФ, посредничество во взяточничестве (ст. 291.1 УК РФ) не требует дополнительной квалификации как соучастие, поскольку законодатель выделил его в самостоятельный состав [2, П. 13]. Однако в случаях, когда лицо не явля-

ется посредником, а выступает соучастником (организатором, подстрекателем, пособником) дачи или получения взятки, его действия подлежат квалификации по соответствующей части ст. 33 и ст. 290 или 291 УК РФ.

Критериями разграничения посредничества и соучастия выступают:

1. Характер выполняемых функций. Посредник действует как независимая сторона, содействующая обеим сторонам коррупционной сделки либо одной из них, но не идентифицирующая себя полностью с ее интересами. Соучастник (пособник) действует исключительно в интересах взяткодателя или взяткополучателя.

2. Наличие собственного интереса. Посредник может действовать из корыстных побуждений (получение вознаграждения за посредничество), но этот интерес отличается от интереса взяткодателя или взяткополучателя. Соучастник разделяет интерес той стороны, которой он способствует.

3. Объем выполняемых действий. Посредник выполняет действия, выходящие за рамки простого содействия (ведение переговоров, согласование условий, организация встречи). Соучастник-пособник оказывает содействие советами, указаниями, предоставлением информации.

Другой проблемой квалификации является определение момента окончания посредничества во взяточничестве. Применительно к непосредственной передаче взятки преступление считается оконченным с момента передачи предмета взятки, независимо от того, получил ли взяткополучатель фактическую возможность распорядиться им. Применительно к иному способствованию — с момента совершения действий по сведению сторон, ведению переговоров или созданию условий для достижения соглашения. Применительно к обещанию или предложению посредничества — с момента высказывания такого обещания или предложения.

Судебная практика свидетельствует о наличии сложностей при квалификации действий посредника, который одновременно является должностным лицом и получает взятку за совершение действий по службе. В таких случаях содеянное требует квалификации по совокупности преступлений: как получение взятки (ст. 290 УК РФ) и как посредничество во взяточничестве (ст. 291.1 УК РФ), если должностное лицо выступает посредником в передаче взятки другому должностному лицу.

Особого внимания заслуживает вопрос о квалификации действий лица, которое, не являясь посредником, лишь создало условия для передачи взятки (например, предоставило помещение для встречи взяткодателя и взяткополучателя). В таких случаях содеянное подлежит квалификации как пособничество в получении или даче взятки, если лицо осознавало, что способствует совершению преступления, и желало этого [6].

Проведенный анализ позволяет сформулировать следующие выводы и предложения по совершенствованию практики квалификации посредничества во взяточничестве.

1. Посредничество во взяточничестве является самостоятельным составом преступления, не требующим дополнительной квалификации по правилам соучастия. Критериями отграничения посредничества от соучастия выступают характер выполняемых функций, наличие собственного интереса у посредника и объем выполняемых действий.

2. При квалификации посредничества во взяточничестве необходимо учитывать, что действия лица, выступающего посредником, охватываются ст. 291.1 УК РФ независимо от того, действует ли оно по поручению взяткодателя или взяткополучателя. Дополнительная квалификация как соучастие не требуется.

3. В случаях, когда посредник одновременно является должностным лицом и получает взятку за совершение действий по службе, содеянное требует квалификации по совокупности преступлений, предусмотренных ст. 290 и

291.1 УК РФ, если его действия не охватываются единым составом получения взятки.

4. Представляется целесообразным внесение в постановление Пленума Верховного Суда РФ от 9 июля 2013 г. № 24 дополнительных разъяснений, касающихся отграничения посредничества во взяточничестве от соучастия в даче или получении взятки, а также уточнения перечня действий, образующих иное содействие достижению или реализации коррупционного соглашения.

Таким образом, правильная квалификация посредничества во взяточничестве требует тщательного анализа объективных и субъективных признаков деяния, отграничения от смежных составов и соучастия. Выработка единообразных подходов к квалификации будет способствовать повышению эффективности противодействия коррупционным преступлениям.

Литература:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 23.03.2024) // Собрание законодательства РФ. — 1996. — № 25. — Ст. 2954.
2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2013 № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» (ред. от 24.12.2019) // Бюллетень Верховного Суда РФ. — 2013. — № 9.
3. Волженкин Б. В. Служебные преступления. — М.: Юрист, 2019. — 368 с.
4. Бриллиантов А. В. Коррупционные преступления: уголовно-правовая характеристика. — М.: Проспект, 2022. — 144 с.
5. Яни П. С. Взяточничество и посредничество: проблемы квалификации // Законность. — 2020. — № 5. — С. 21–27.
6. Кассационное определение Верховного Суда РФ от 15.06.2023 № 5-УД23-18. — Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

Анализ необходимости введения маркировки «Честный знак» на протеиновую продукцию

Нестерова Ульяна Евгеньевна, студент

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского

В статье проведен анализ состояния рынка сывороточного протеина в России, рассмотрены действующие нормативно-правовые требования к маркировке спортивного питания, а также обобщены результаты независимых лабораторных экспертиз пяти наиболее популярных отечественных и иностранных торговых марок. На основании выявленных нарушений обосновывается необходимость введения обязательной маркировки «Честный знак» как инструмента защиты прав потребителей и обеспечения прослеживаемости продукции.

Ключевые слова: протеин, спортивное питание, маркировка, «Честный знак», фальсификация, прослеживаемость.

Рынок спортивного питания в России демонстрирует устойчивый рост, обусловленный распространением культуры здорового образа жизни и фитнеса. Сывороточный протеин занимает лидирующую позицию в сегменте спортивных добавок, поскольку обеспечивает высокую скорость усвоения, полный аминокислотный профиль и удобство применения. Вместе с тем расширение каналов сбыта, прежде всего за счёт маркетплейсов,

существенно осложняет государственный контроль качества продукции и создаёт условия для реализации фальсифицированных товаров.

Производство и оборот сывороточного протеина в России и государствах-членах ЕАЭС регулируются рядом документов:

– ГОСТ Р 53456–2022 «Концентраты сывороточных белков сухие. Технические условия» — устанавливает тре-

бования к производству, транспортировке и маркировке данного вида продукции [4];

– ТР ТС 021/2011 «О безопасности пищевой продукции» — определяет критерии безопасности для всех видов продовольствия [1];

– ТР ТС 022/2011 «Пищевая продукция в части её маркировки» — содержит обязательные требования к маркировке продовольственных товаров [2];

– ТР ТС 027/2012 «О безопасности отдельных видов специализированной пищевой продукции» — устанавливает специальные требования к спортивному питанию [3];

– Постановление Правительства РФ № 811 от 31.05.2025 «Об утверждении Правил маркировки пищевой продукции для питания спортсменов средствами идентификации»... — закладывает правовые основы для создания государственной информационной системы мониторинга оборота спортивного питания и проведения эксперимента по маркировке «Честный знак» [5].

Принятие последнего документа свидетельствует об осознании государством проблемы неудовлетворительного контроля на данном рынке и о намерении перейти к систематическому мониторингу продукции.

Согласно результатам мониторинга продуктов на торговых онлайн-площадках, проведённого Роскачеством, из 1 637 карточек товара категории «спортивное питание

(протеин)» на крупнейших маркетплейсах (Wildberries, Ozon, Яндекс Маркет) были выявлены следующие закономерности:

– лишь 10 % товаров (161 позиция) имеют свидетельство о государственной регистрации на пищевую продукцию для спортсменов;

– 22 % (356 позиций) реализуются как биологически активные добавки, не как спортивное питание;

– 29 % (469 позиций) продаются с нарушениями: с чужим, аннулированным СГР или с декларацией на пищевые добавки;

– 29 % (473 позиции) реализуются без каких-либо подтверждающих документов;

– 10 % (178 позиций) имеют документы, не относящиеся к категории спортивного питания [7].

Такое положение свидетельствует о системном провале механизмов контроля как на уровне регуляторов, так и на уровне самих торговых площадок.

В целях оценки достоверности маркировки были проанализированы результаты независимых количественных химических анализов пяти наиболее популярных производителей сывороточного протеина, представленных на первых позициях крупнейших маркетплейсов по числу заказов и отзывов. Данные систематизированы в таблице 1 [7].

Таблица 1. Сравнительный анализ заявленного и фактического содержания белка в протеиновых добавках

Производитель / продукт	Цена, руб./900 г	Заявлено белка на 100 г, г	Выявлено по экспертизе, г	Отклонение, %
Soul Way Whey Protein	1 300	65	18	–72,3
PWR Ultimate Power Whey Protein	1 800	60	60	0 (соответствует)
Bombbar Pro Whey	1 500	78	74,2	–4,9
Levels Matrix Protein (США)	1 900	90	19	–78,9
Первый Русский Протеин Protein	3 000	80	69	–13,8

Анализ данных таблицы 1 позволяет сформулировать следующие выводы:

– Только один из пяти исследованных производителей (PWR Ultimate Power) полностью соответствует данным, заявленным на упаковке. Примечательно, что наибольшие отклонения зафиксированы у импортного бренда Levels (США), этикетка которого декларировала 90 г белка на 100 г продукта, тогда как лабораторный анализ выявил лишь 19 г.

– Анализ также показывает, что высокая цена не является гарантом качества: протеин от «Первого Русского Протеина» при стоимости 3 000 руб./кг демонстрирует отклонение на 13,8 %. Аналогичным образом, популярность торговой марки и объём отзывов не коррелируют с точностью маркировки.

Выявленные нарушения укладываются в несколько типичных схем фальсификации, характерных для данного сегмента рынка:

– замена дорогостоящего сывороточного белка дешёвыми растительными концентратами (соевым, ри-

совым, подсолнечниковым) или углеводными наполнителями (крахмал, мальтодекстрин, деминерализованная сыворотка);

– искусственное завышение показателя азота путём добавления свободных аминокислот, что создаёт видимость высокого содержания белка при стандартном методе определения (метод Кьельдаля);

– нарушение условий хранения и транспортировки, приводящее к деградации белковых фракций.

Употребление фальсифицированной продукции создаёт прямые угрозы для здоровья потребителей: риск микробиологического заражения, накопление токсичных примесей и тяжёлых металлов. Для профессиональных спортсменов отдельную проблему представляет возможное присутствие незадекларированных веществ, входящих в реестры запрещённых допинговых препаратов.

Совокупность выявленных проблем обуславливает необходимость создания единой системы прослеживаемости оборота протеиновой продукции. Введение мар-

кировки «Честный знак» соответствует данному требованию и даёт следующие преимущества:

- идентификация каждой единицы товара с привязкой к конкретному производителю, что позволяет оперативно выявлять и изымать фальсифицированную продукцию;
- обеспечение прослеживаемости на всех этапах товародвижения -от производства до конечного потребителя, включая продажи через интернет-площадки;
- формирование инфраструктуры для автоматической проверки подлинности продукта потребителем посредством сканирования кода маркировки;
- повышение ответственности производителей и продавцов за счёт документального фиксирования каждой транзакции;
- создание доказательной базы для надзорных органов при установлении фактов нарушения обязательных требований.

Литература:

1. Технический регламент Таможенного союза ТР ТС 021/2011 «О безопасности пищевой продукции» — Решение Комиссии Таможенного союза от 09.12.2011 № 880.
2. Технический регламент Таможенного союза ТР ТС 022/2011 «Пищевая продукция в части её маркировки» — Решение Комиссии Таможенного союза от 09.12.2011 № 881.
3. Технический регламент Таможенного союза ТР ТС 027/2012 «О безопасности отдельных видов специализированной пищевой продукции». -Решение Совета ЕЭК от 15.06.2012 № 34.
4. ГОСТ Р 53456–2022. Концентраты сывороточных белков сухие. Технические условия. — М.: Стандартинформ, 2022.
5. Постановление Правительства РФ от 31.05.2025 № 811 «Об утверждении Правил маркировки пищевой продукции для питания спортсменов средствами идентификации, особенностях внедрения государственной информационно-аналитической системы мониторинга за оборотом товаров, подлежащих обязательной маркировке средствами идентификации в отношении пищевой продукции для питания спортсменов, и о проведении на территории Российской Федерации эксперимента по маркировке средствами идентификации пищевой продукции для питания спортсменов»
6. Спортивное питание на маркетплейсах: что выявил мониторинг? [Электронный ресурс] // Роскачество. -URL: <https://rskrf.ru/tips/spetsproekty/protein/> (дата обращения: 13.11.2025).
7. Спортивное питание (протеин) [Электронный ресурс] // Роскачество. -URL: <https://rskrf.ru/ratings/krasota-i-zdorove/body/sportivnoe-pitanie-protein/> (дата обращения: 13.11.2025).
8. Рейтинг протеинов № 1, 2025 г. [Электронный ресурс] // BodyBuildingRussia / Яндекс.Дзен. -URL: <https://dzen.ru/a/ZR0kNw7Jl5NoxFp> (дата обращения: 16.11.2025).
9. Типы сывороточного протеина -концентрат, изолят, гидролизат -в чём разница? [Электронный ресурс] // sportivnoepitanie.ru. -URL: <https://sportivnoepitanie.ru/lib/syvorotochnyj-protein-koncentrat-izolyat-gidrolizat-v-chem-raznica/> (дата обращения: 12.11.2025).

Постановление Правительства РФ № 811 от 31.05.2025 закладывает правовую основу для указанных преобразований. Тем не менее переход от экспериментального к обязательному режиму маркировки требует дополнительного нормативного обеспечения, расширения инфраструктуры нанесения кодов у производителей, а также чёткого разграничения полномочий между Роспотребнадзором, Россельхознадзором и оператором системы.

Проведённое исследование подтверждает, что российский рынок сывороточного протеина характеризуется высоким уровнем фальсификации и недостоверной маркировки. Введение обязательной маркировки «Честный знак» представляется необходимым и своевременным инструментом защиты прав потребителей, который позволит создать комплексный механизм государственного контроля, который обеспечит достоверность информации на упаковке и существенно снизит долю фальсифицированной продукции на рынке.

Актуальные проблемы возмещения вреда, причиненного преступлением, в уголовном судопроизводстве

Пак Артём Олегович, студент

Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина

В статье автор исследует актуальные проблемы возмещения вреда, причиненного преступлением, в уголовном судопроизводстве. Особое внимание уделяется гражданскому иску, процессуальному положению потерпевшего, вопросам доказывания размера вреда, а также проблемам фактического исполнения судебных решений о компенсации ущерба.

Ключевые слова: вред, преступление, потерпевший, гражданский иск, уголовное судопроизводство, компенсация, имущественный ущерб, моральный вред.

Возмещение вреда, причиненного преступлением, является одним из наиболее значимых направлений защиты прав потерпевшего в уголовном судопроизводстве. Преступление нарушает не только установленный государством правопорядок, но и конкретные субъективные права гражданина, организации либо иного участника общественных отношений. В связи с этим уголовный процесс не может рассматриваться исключительно как деятельность по установлению виновного лица и назначению ему наказания. Его восстановительная функция выражается в создании процессуальных условий для компенсации вреда, причиненного преступным деянием. [1]

В российском уголовном процессе защита имущественных и личных неимущественных интересов потерпевшего осуществляется, в частности, посредством предъявления гражданского иска в уголовном деле. [1, 5] Данный институт позволяет рассматривать вопрос о возмещении вреда одновременно с разрешением вопроса об уголовной ответственности. Такое соединение уголовно-правового и гражданско-правового элементов имеет важное практическое значение, поскольку способствует процессуальной экономии, снижает нагрузку на потерпевшего и позволяет использовать доказательства, собранные в рамках предварительного расследования и судебного разбирательства. [8, с. 215], [13, с. 131]

Вместе с тем на практике указанная модель не всегда обеспечивает реальное восстановление нарушенных прав. Потерпевший может получить судебное решение о взыскании ущерба, однако фактическое исполнение такого решения нередко затрудняется отсутствием у осужденного имущества, сокрытием активов, несвоевременным применением обеспечительных мер либо недостаточной активностью органов предварительного расследования при установлении имущественного положения обвиняемого. В результате право на возмещение вреда приобретает формальный характер, а потерпевший фактически остается без надлежащей компенсации. [4], [15, с. 158]

Особое значение имеет юридическая диагностика вреда, причиненного преступлением. Под ней следует понимать процесс выявления, фиксации, оценки и процессуального подтверждения последствий преступного деяния. Такая диагностика включает определение вида вреда, его размера, причинной связи между преступлением и наступившими последствиями, а также установление лица, обязанного возместить причиненный ущерб. [10, с. 97], [14, с. 140] Значение данной процедуры состоит в том, что именно от качества первоначального установления вреда зависит возможность последующего удовлетворения гражданского иска.

Проиллюстрируем это на рис. 1.

Правовая природа гражданского иска в уголовном судопроизводстве

Гражданский иск в уголовном судопроизводстве представляет собой самостоятельное процессуальное средство защиты нарушенных преступлением имущественных и личных неимущественных прав. [5], [13, с. 130] Его специфика состоит в том, что гражданско-правовое требование рассматривается в рамках уголовного дела, то есть одновременно с разрешением вопроса о виновности лица в совершении преступления. Такое соединение двух правовых начал обусловлено тем, что преступление может повлечь не только уголовно-правовые последствия для виновного, но и гражданско-правовую обязанность возместить причиненный вред. [2], [3], [5]

В соответствии со статьей 44 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации гражданским истцом признается физическое или юридическое лицо, предъявившее требование о возмещении имущественного вреда, если имеются основания полагать, что данный вред причинен непосредственно преступлением. [1], [5] Кроме того, граждан-

Таблица 1. Основные элементы возмещения вреда, причиненного преступлением

Элемент	Содержание	Значение в уголовном судопроизводстве
Потерпевший	Лицо, которому преступлением причинен физический, имущественный или моральный вред	Получает процессуальные права на защиту нарушенных интересов
Гражданский иск	Требование о возмещении вреда, заявленное в рамках уголовного дела	Позволяет разрешить вопрос о компенсации без отдельного гражданского процесса
Доказывание вреда	Установление характера, размера и причинной связи вреда	Определяет обоснованность требований потерпевшего
Обеспечительные меры	Арест имущества, выявление активов обвиняемого	Создают условия для реального исполнения решения суда
Исполнение решения	Фактическое взыскание присужденной суммы	Завершает восстановление нарушенного права потерпевшего

Рис. 1. Общая схема возмещения вреда, причиненного преступлением

ский истец вправе предъявить гражданский иск для имущественной компенсации морального вреда. Гражданский иск может быть заявлен после возбуждения уголовного дела и до окончания судебного следствия в суде первой инстанции; при этом гражданский истец освобождается от уплаты государственной пошлины.

Правовая природа гражданского иска в уголовном процессе является комплексной. С одной стороны, его содержание связано с нормами гражданского права, поскольку речь идет о возмещении вреда, компенсации убытков, восстановлении имущественной сферы потерпевшего либо денежной компенсации моральных страданий. С другой стороны, порядок предъявления, рассмотрения и разрешения такого иска регулируется уголовно-процессуальными нормами. В этом проявляется межотраслевой характер рассматриваемого института, который соединяет материально-правовое требование и процессуальную форму его реализации. [9, с. 342], [14, с. 139]

Значение гражданского иска состоит в том, что потерпевший получает возможность защищать свои имущественные интересы без обращения в отдельное гражданское судопроизводство. Это особенно важно в тех случаях, когда обстоятельства причинения вреда уже исследуются следователем, дознавателем, прокурором и судом в рамках уголовного дела. Доказательства, собранные по уголовному делу, могут иметь значение не только для установления события преступления и виновности лица, но и для подтверждения размера вреда, характера последствий и причинной связи между деянием и наступившим ущербом. [10, с. 101], [12, с. 264]

Вместе с тем гражданский иск в уголовном процессе не утрачивает своей гражданско-правовой сущности. Предметом такого иска является требование о возмещении вреда, а не требование о назначении наказания. Поэтому суд, рассматривая уголовное дело, обязан отдельно оценить доказательства, относящиеся к размеру вреда и основаниям гражданско-правовой ответственности. Наличие обвинительного приговора само по себе не всегда означает автоматическое удовлетворение гражданского иска в полном объеме. [5], [13, с. 134] Необходимо установить, какой именно вред причинен, каким лицом, в каком размере и находится ли он в прямой причинной связи с преступным деянием.

Особую роль в данном вопросе играет правовая позиция Верховного Суда Российской Федерации. В разъяснениях указывается, что вред, причиненный преступлением, по общему правилу подлежит возмещению в полном объеме лицом, виновным в его совершении. Однако в случаях, предусмотренных законом, обязанность возмещения может быть возложена и на лицо, которое не является непосредственным причинителем вреда, например на юридическое

лицо или иного гражданского ответчика. Данное положение имеет существенное практическое значение, поскольку не во всех уголовных делах фактический причинитель вреда обладает достаточным имуществом для компенсации ущерба.

Следовательно, гражданский иск в уголовном судопроизводстве выполняет одновременно восстановительную, компенсационную и процессуально-экономическую функции. Он направлен на защиту прав потерпевшего, обеспечивает рассмотрение требования о возмещении вреда в пределах одного процесса и способствует более полному достижению задач уголовного судопроизводства. Однако эффективность данного института зависит от того, насколько своевременно заявлен иск, насколько точно определен его предмет, подтвержден размер вреда и приняты меры, обеспечивающие реальное исполнение будущего судебного решения.

Таблица 2. Особенности гражданского иска в уголовном судопроизводстве

Критерий	Содержание	Практическое значение
Предмет иска	Требование о возмещении имущественного вреда или компенсации морального вреда	Определяет пределы рассмотрения гражданско-правового требования
Основание иска	Причинение вреда непосредственно преступлением	Связывает гражданское требование с обстоятельствами уголовного дела
Субъект предъявления	Потерпевший, гражданский истец, представитель	Обеспечивает защиту нарушенного права
Процессуальная форма	Рассмотрение иска в рамках уголовного дела	Исключает необходимость отдельного гражданского процесса
Результат рассмотрения	Удовлетворение иска, отказ, частичное удовлетворение или передача вопроса в гражданское судопроизводство	Влияет на реальность восстановления нарушенных прав

Проиллюстрируем это на рис. 2.

Рис. 2. Межотраслевой характер гражданского иска в уголовном деле

Таким образом, гражданский иск в уголовном процессе следует рассматривать как важнейший правовой механизм, обеспечивающий связь между уголовной ответственностью виновного лица и восстановлением имущественного положения потерпевшего. Его значение проявляется не только в возможности взыскания ущерба, но и в укреплении доверия к правосудию, поскольку потерпевший заинтересован не только в наказании виновного, но и в реальном устранении последствий преступления. [11, с. 176], [15, с. 159]

Литература:

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ // Собрание законодательства РФ. — 2001. — № 52. — Ст. 4921.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть вторая от 26.01.1996 № 14-ФЗ // Собрание законодательства РФ. — 1996. — № 5. — Ст. 410.

3. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ. — 1996. — № 25. — Ст. 2954.
4. Федеральный закон от 02.10.2007 № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» // Собрание законодательства РФ. — 2007. — № 41. — Ст. 4849.
5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 13.10.2020 № 23 «О практике рассмотрения судами гражданского иска по уголовному делу» // Бюллетень Верховного Суда РФ. — 2021. — № 1.
6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.11.2022 № 33 «О практике применения судами норм о компенсации морального вреда» // Бюллетень Верховного Суда РФ. — 2023. — № 2.
7. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.11.2011 № 17 «О практике применения судами норм главы 18 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регламентирующих реабилитацию в уголовном судопроизводстве» // Бюллетень Верховного Суда РФ. — 2012. — № 1.
8. Уголовный процесс: учебник для вузов / под ред. В. П. Божьева, Б. Я. Гаврилова. — 8-е изд., перераб. и доп. — Москва: Юрайт, 2023. — 568 с.
9. Смирнов А. В., Калиновский К. Б. Уголовный процесс: учебник. — 8-е изд., перераб. — Москва: Норма: ИНФРА-М, 2022. — 784 с.
10. Лазарева В. А. Доказывание в уголовном процессе: учебник для вузов. — 8-е изд., перераб. и доп. — Москва: Юрайт, 2025. — 302 с.
11. Лазарева В. А., Иванов В. В., Утарбаев А. К. Защита прав личности в уголовном процессе России: учебное пособие для вузов. — 4-е изд., перераб. и доп. — Москва: Юрайт, 2023. — 268 с.
12. Актуальные проблемы уголовно-процессуального права: учебник для вузов / под ред. В. А. Лазаревой, А. А. Тарасова. — 5-е изд., перераб. и доп. — Москва: Юрайт, 2023. — 434 с.
13. Коваленко В. А. Теоретические и практические особенности рассмотрения института возмещения вреда путем предъявления гражданского иска в уголовном процессе // Актуальные проблемы российского права. — 2021. — № 12. — С. 130–138.
14. Дык А. Г. Предмет и основания гражданского иска в уголовном процессе // Вестник Омского университета. Серия «Право». — 2006. — № 2. — С. 139–143.
15. Ибрагимова А. И. Особенности процесса возмещения вреда, причиненного преступлением // Проблемы экономики и юридической практики. — 2013. — № 4. — С. 157–160.

Аутсорсинг диагностических услуг как альтернативный способ выполнения лицензионных требований в медицинской деятельности

Поваляева Юлия Игоревна, студент магистратуры

Научный руководитель: Сторожева Анна Николаевна, кандидат юридических наук, доцент
Красноярский государственный аграрный университет

В статье анализируется правовая коллизия между императивными требованиями к оснащению медицинских организаций и отсутствием их дифференциации. Обосновывается необходимость легализации аутсорсинга диагностических услуг. Предлагаются изменения в подзаконные нормативные правовые акты.

Ключевые слова: лицензирование, медицинская деятельность, аутсорсинг, лицензионные требования, Конституционный Суд РФ.

В соответствии с пунктом 46 части 1 статьи 12 Федерального закона от 04.05.2011 № 99-ФЗ «О лицензировании отдельных видов деятельности» медицинская деятельность подлежит обязательному лицензированию. Подпункт «б» пункта 5 Постановления Правительства РФ от 01.06.2021 № 852 «О лицензировании медицинской деятельности» устанавливает лицензионное требование о наличии у соискателя медицинских изделий на праве собственности или ином законном основании. Указанное требование направлено на обеспечение качества и без-

опасности медицинской помощи. Во исполнение указанных норм порядка оказания медицинской помощи по профилям «пластическая хирургия», «хирургия», «акушерство и гинекология», «травматология и ортопедия» (Приказы Минздрава России № 298н, 630н, 572н, 901н) закрепляют единые требования к оснащению: наличие рентгенологического отделения, клинично-диагностической лаборатории, трансфузиологического кабинета. Указанные требования установлены без дифференциации в зависимости от организационно-правовой формы, мощности

и профиля деятельности лицензиата. Данное обстоятельство вступает в противоречие с принципом эффективности правового регулирования.

Вместе с тем, как следует из пункта 12 Приказа Минздрава России от 28.10.2020 № 1170н «Об утверждении Правил клинического использования донорской крови и (или) ее компонентов», проведение гемотрансфузии требует наличия в штате врача-трансфузиолога, который принимает решение об обоснованности трансфузии и вносит запись в медицинскую документацию. Однако в клиниках плановой хирургии, в частности пластической хирургии, риск интраоперационного кровотечения, требующего экстренного переливания компонентов крови, минимален до степени ничтожности. Магистральные сосуды не затрагиваются, пациенты поступают на операцию после полного клинического и лабораторного обследования, исключающего нарушения свертывающей системы и анемию тяжелой степени. Следовательно, формальное требование о наличии трансфузиологического кабинета и штатного врача-трансфузиолога является избыточным и создает неоправданные административные и финансовые барьеры.

Правовая позиция Конституционного Суда РФ, изложенная в Постановлении от 13.01.2020 № 1-П, устанавливает, что отсутствие у медицинской организации необходимого оборудования и квалифицированных кадров не может служить основанием для ограничения права граждан на медицинскую помощь. Организация обязана обеспечить доступ к необходимому объему помощи, в том числе путем направления пациента в другую медицинскую организацию при отсутствии собственных возможностей. Однако данная правовая позиция до настоящего времени не имплементирована в лицензионное законодательство, что порождает правовую неопределенность для лицензиатов.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.: (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ. — 2020. — № 31. — Ст. 4398.
2. О лицензировании отдельных видов деятельности: Федеральный закон от 4 мая 2011 г. № 99-ФЗ: (ред. от 8 марта 2026 г.) // Собрание законодательства РФ. — 2011. — № 19. — Ст. 2716.
3. О лицензировании медицинской деятельности: Постановление Правительства РФ от 1 июня 2021 г. № 852: (ред. от 8 мая 2025 г.) // Собрание законодательства РФ. — 2021. — № 23. — Ст. 4033.
4. О лицензировании медицинской деятельности (за исключением указанной деятельности, осуществляемой медицинскими организациями и другими организациями, входящими в частную систему здравоохранения, на территории инновационного центра «Сколково»): Постановление Правительства РФ от 16 апреля 2012 г. № 291: (ред. от 24 декабря 2024 г.) // Собрание законодательства РФ. — 2012. — № 17. — Ст. 1965.
5. Постановление Конституционного Суда РФ от 13 января 2020 г. № 1-П // Собрание законодательства РФ. — 2020. — № 4. — Ст. 412.
6. Об утверждении Правил клинического использования донорской крови и (или) ее компонентов: Приказ Минздрава России от 28 октября 2020 г. № 1170н: (ред. от 23 октября 2024 г.) // Официальный интернет-портал правовой информации. — URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 02.02.2026).

Для устранения выявленного противоречия предлагается легализовать аутсорсинг диагностических услуг как альтернативный способ выполнения лицензионных требований. Необходимо дополнить пункт 5 Положения о лицензировании медицинской деятельности, утвержденного Постановлением Правительства РФ от 16.04.2012 № 291 (действующего в части, не противоречащей Постановлению № 852), подпунктом «б(1)» следующего содержания: «б(1)) наличие заключенного договора аутсорсинга диагностических услуг с медицинской организацией, имеющей действующую лицензию на соответствующий вид медицинской деятельности, если такой договор обеспечивает выполнение требований к оснащению, предусмотренных порядками оказания медицинской помощи, в том числе посредством использования оборудования аутсорсера, передачи результатов диагностических исследований в электронном виде с использованием телемедицинских технологий и несения лицензиатом (заказчиком) ответственности за качество медицинской помощи в пределах своих функций».

Соответствующие изменения целесообразно внести также в порядки оказания медицинской помощи, изложив требования к оснащению в альтернативной форме: медицинская организация вправе иметь указанные подразделения в своей структуре либо заключить договор аутсорсинга с лицензированной медицинской организацией, имеющей указанные подразделения.

Предлагаемая легализация аутсорсинга диагностических услуг позволит соискателю лицензии по своему выбору подтверждать соответствие лицензионным требованиям, устранив избыточные административные и финансовые барьеры, ограничивающие доступ на рынок медицинских услуг, и обеспечит реализацию конституционного права граждан на медицинскую помощь, закрепленного в статье 41 Конституции РФ.

Позитивная роль реформы института публичной власти

Протасов Егор Алексеевич, студент магистратуры

Научный руководитель: Михеева Татьяна Николаевна, доктор юридических наук, профессор

Марийский государственный университет (г. Йошкар-Ола)

В статье рассматривается позитивная роль реформы института публичной власти в Российской Федерации. Особое внимание уделяется закреплению единой системы публичной власти, изменению характера взаимодействия органов государственной власти и органов местного самоуправления, а также оптимизации публичного управления. Обобщается, что современная модель публичной власти направлена на более согласованное решение задач, имеющих значение для населения.

Ключевые слова: публичная власть, местное самоуправление, конституционная реформа, государственная власть, оптимизация, единая система публичной власти.

Реформа института публичной власти стала одним из наиболее заметных направлений современного конституционного развития Российской Федерации, поскольку она затронула не только отдельные полномочия органов власти, но и саму модель их взаимодействия. До внесения поправок в Конституцию Российской Федерации в 2020 году в законодательстве и правовой науке традиционно подчеркивалась самостоятельность местного самоуправления, которое не входило в систему органов государственной власти. Это положение имело важное значение для развития муниципального уровня, однако на практике оно не всегда позволяло выстроить действительно согласованную работу между государственными и муниципальными органами.

Позитивное значение реформы состоит в том, что после конституционного обновления органы государственной власти и органы местного самоуправления стали рассматриваться как элементы единой системы публичной власти. Конституция Российской Федерации закрепила, что они осуществляют взаимодействие для наиболее эффективного решения задач в интересах населения [1]. Можно сказать, что смысл реформы заключается не в простом усилении государственного влияния на муниципальный уровень, а в устранении прежней разобщенности, при которой разные уровни власти могли действовать недостаточно согласованно.

Закон Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 года № 1-ФКЗ прямо связан с совершенствованием организации и функционирования публичной власти [2]. Т. Я. Хабриева и А. А. Клишас отмечают, что конституционные изменения придали категории публичной власти самостоятельное значение и позволили по-новому определить связь между государственным и муниципальным уровнями управления [10, с. 18]. В этом проявляется одна из сильных сторон реформы, поскольку она закрепила на уровне Конституции ту потребность в координации, которая давно существовала в реальной управленческой практике.

Важным продолжением реформы стало принятие Федерального закона «О Государственном Совете Рос-

сийской Федерации», поскольку данный орган участвует в обеспечении согласованного функционирования и взаимодействия органов публичной власти [3]. Его значение заключается в том, что многие вопросы развития страны требуют не только решений отдельных ведомств, но и общей площадки для согласования позиций федерального центра, регионов и иных участников публичного управления. Благодаря этому публичная власть получает дополнительный механизм координации, что особенно важно в условиях, когда управленческие задачи становятся более сложными.

Федеральный закон от 21 декабря 2021 года № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» закрепил единые подходы к организации региональной власти [4]. Л. В. Андриченко связывает развитие российского федерализма с необходимостью сочетания самостоятельности субъектов Российской Федерации и единства публичной власти [6, с. 49]. Данная позиция позволяет сделать вывод, что реформа не отменяет федеративную природу государства, а стремится обеспечить более устойчивую и понятную систему взаимодействия между различными уровнями управления.

Особое значение имеет Федеральный закон от 20 марта 2025 года № 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» [5]. Его принятие показало, что конституционная реформа получила развитие на муниципальном уровне. В прежней модели самостоятельность местного самоуправления иногда понималась как его почти полная отделенность от государственной власти. Новое регулирование исходит из другой логики, при которой муниципальные органы сохраняют свою специфику, но действуют в единой системе публичного управления.

Именно это обстоятельство позволяет говорить о позитивной роли реформы. Органы местного самоуправления и органы государственной власти теперь не должны работать как полностью независимые друг от друга структуры. Они сохраняют различия в компетенции, однако их деятельность должна быть согласованной, поскольку большинство вопросов, важных для населения, невозможно решить усилиями только одного уровня власти.

В. В. Гошуляк обоснованно указывает, что единая система публичной власти предполагает координацию государственных и муниципальных органов, иначе публичная власть превращается не в систему, а в совокупность разрозненных центров управления [7, с. 8].

При этом оптимизацию не следует понимать только как сокращение органов или усиление административного контроля. В правовом смысле она означает более рациональное распределение функций, устранение дублирования, повышение ответственности и создание условий для более быстрого решения публичных задач. Н. М. Добрынин подчеркивает, что принцип единства публичной власти должен рассматриваться через интересы населения, поскольку именно граждане являются конечными адресатами деятельности государства и местного самоуправления [8, с. 15].

Положительное значение реформы проявляется также в преодолении формального подхода к разграничению полномочий. В прежних условиях орган местного самоуправления мог ссылаться на недостаток ресурсов, а орган государственной власти мог указывать на самостоятельность муниципального уровня. В результате решение проблемы нередко затягивалось. Единая система публичной власти позволяет иначе поставить вопрос об ответственности, поскольку публичная задача должна решаться согласованными действиями всех уровней власти, если она непосредственно затрагивает интересы граждан.

А. А. Югов отмечает, что единая система публичной власти не сводится к простому объединению органов,

поскольку ее содержание выражается в общих целях и формах взаимодействия [12, с. 16]. Данное положение важно для правильного понимания реформы. Единство публичной власти не означает, что местное самоуправление исчезает или полностью поглощается государством. Скорее речь идет о том, что муниципальный уровень включается в общий механизм публичной ответственности, сохраняя при этом свое назначение как наиболее близкий к населению уровень управления.

Следовательно, позитивная роль реформы института публичной власти выражается в том, что она создала правовую основу для более согласованной, управляемой и ответственной системы. Органы государственной власти и органы местного самоуправления после реформы должны восприниматься не как полностью отдельные центры, а как взаимосвязанные элементы единого механизма. Именно это позволяет быстрее решать вопросы, связанные с качеством жизни граждан, развитием территорий и предоставлением публичных услуг.

В заключение можно отметить, что реформа института публичной власти имеет преимущественно положительное значение для российского конституционного развития. Она не устраняет местное самоуправление, а уточняет его место в общей системе публичной власти. Главная ценность реформы состоит в том, что она направлена на оптимизацию взаимодействия между государственным и муниципальным уровнями, благодаря чему публичная власть должна работать более слаженно и результативно.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.: с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г. // Российская газета. 2020. 4 июля.
2. О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти: Закон Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 11. Ст. 1416.
3. О Государственном Совете Российской Федерации: Федеральный закон от 8 декабря 2020 г. № 394-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 50, ч. III. Ст. 8039.
4. Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации: Федеральный закон от 21 декабря 2021 г. № 414-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2021. № 52, ч. I. Ст. 8973.
5. Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти: Федеральный закон от 20 марта 2025 г. № 33-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2025. № 12. Ст. 1200.
6. Андриченко, Л. В. Эволюция принципов федерализма в России в свете конституционных преобразований 2020 года / Л. В. Андриченко // Журнал российского права. 2022. № 3. С. 48–59.
7. Гошуляк, В. В. Единая система публичной власти в Российской Федерации / В. В. Гошуляк // Государственная власть и местное самоуправление. 2024. № 4. С. 7–12.
8. Добрынин, Н. М. Конституционный принцип единства системы публичной власти: к вопросу об эволюции муниципального управления в России / Н. М. Добрынин // Конституционное и муниципальное право. 2022. № 11. С. 13–20.
9. Новый муниципальный закон. Постатейный комментарий к Федеральному закону «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» / Л. И. Брычева, Е. В. Бадулина, С. А. Белов [и др.]; под общ. ред. П. В. Крашенинникова. Москва: Эксмо, 2026. 592 с.
10. Хабриева, Т. Я. Тематический комментарий к Закону Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» / Т. Я. Хабриева, А. А. Клишас. Москва: Норма: ИНФРА-М, 2022. 240 с.

11. Чертков, А. Н. Публичная власть: состав, единство и сущность взаимодействия / А. Н. Чертков // Конституционное и муниципальное право. 2020. № 10. С. 19–23.
12. Югов, А. А. Единая система публичной власти: понятие и общая характеристика / А. А. Югов // Конституционное и муниципальное право. 2022. № 2. С. 16–22.

Контрабанда результатов интеллектуальной деятельности, которые могут быть использованы при создании вооружения или военной техники: уголовно-правовой анализ состава преступления

Пулин Александр Олегович, преподаватель, студент магистратуры
Российская таможенная академия (г. Люберцы)

В статье проведен уголовно-правовой анализ преступления, связанного с контрабандой результатов интеллектуальной деятельности, которые могут быть использованы при создании вооружения или военной техники. Автором систематизированы элементы состава данного преступления, отмечена специфичность предмета данного преступления.

Методологическая база исследования обусловлена использованием таких методов исследования как: статистический и логический (при формулировании актуальности исследования), формально-юридический (при исследовании состава преступления).

По результатам применения методологической базы исследования автором определяются основные проблемные вопросы в рамках предметной области исследования, формулируются пути их решения.

Ключевые слова: вооружения, военная техника, интеллектуальная деятельность, контрабанда, преступление, таможенные органы

На сегодняшний день в условиях сложных внешнеполитических реалий, которые переживает Российская Федерация (далее — РФ), на первый план выходит обеспечение общественной безопасности государства, а также защита национальных интересов. В числе преступлений, посягающих на обеспечение общественной безопасности и защиту национальных интересов особенно выделяются преступления, отнесенные к компетенции таможенных органов, то есть общественно-опасные деяния, совершаемые в сфере таможенного регулирования. Важное место среди данных преступлений занимают контрабандные преступления, в частности контрабанда, предусмотренная ст. 226.1 Уголовного кодекса РФ (далее — УК РФ) [1]. Это связано с тем, что удельный вес данного преступления в структуре всех преступлений, отнесенных к компетенции таможенных органов является наибольшим, более того наблюдается тенденция на его дальнейшее увеличение. Так, в 2022 г. из 1847 возбужденных уголовных дел 704 было возбуждено по ст. 226.1 УК РФ (38 %), в 2023 г. — 740 из общих 1822 (40,6 %), в 2024 г. — 823 из общих 1914 (43 %), в 2025 г. — 923 из общих 1848 (49 %) [2].

Среди достаточно обширного предмета преступления, предусмотренного данной статьей особый интерес, с нашей точки зрения, представляют результаты интеллектуальной деятельности, которые могут быть использованы при создании вооружения или военной техники [1]. Это связано с тем, что борьба с контрабандой вооружения и военной техники в целом является одним из важ-

нейших направлений деятельности таможенных органов РФ. Нелегальный рынок вооружения и военной техники способствует совершению иных самых опасных видов преступлений, связанных с организованной преступностью, терроризмом, что является ключевыми факторами, которые определяют криминогенную ситуацию в стране и ее дальнейшее развитие.

То есть можно сделать вывод, что контрабанда результатов интеллектуальной деятельности, которые могут быть использованы при создании вооружения или военной техники, также может быть детерминантом для иных преступлений, направленных против личности, общественной безопасности, конституционного строя, безопасности государства и др.

Перейдем непосредственно к уголовно-правовому анализу рассматриваемого состава преступления.

Любое преступление включает в себя элементы состава преступления, то есть однородная группа юридических признаков, характеризующих преступление с какой-то одной стороны [3, с. 57]. Всего выделяется четыре элемента состава преступления, каждый из которых состоит из определенных юридических признаков состава преступления. Так выделяются следующие элементы: объект преступления и объективная сторона преступления, которые составляют объективные признаки состава преступления, а также субъект и субъективная сторона, которые составляют субъективные признаки состава преступления.

Состав контрабанды результатов интеллектуальной деятельности, которые могут быть использованы при со-

здании вооружения или военной техники в современном уголовном законе представлен в разделе «Преступления против общественной безопасности и общественного порядка», в главе «Преступления против общественной безопасности и общественного порядка», в ч. 1.1 ст. 226.1 УК РФ [1], обращаясь к положению которых, можно отметить, что родовые и видовые объекты данного преступления являются фактически идентичными, а именно совокупность общественных отношений в сфере общественной безопасности.

Перейдем к непосредственному объекту анализируемого преступления. Подчеркнем, что для данного состава преступления возможно выделить как основной непосредственный, так и дополнительный непосредственный объекты. Так, основным непосредственным объектом данного преступления являются общественные отношения, обеспечивающие безопасность личности, общества и государства от разных видов угроз в сфере оборота результатов интеллектуальной деятельности, которые могут быть использованы при создании вооружения или военной техники. Дополнительный непосредственный объект, в свою очередь, можно определить следующим образом: это общественные отношения в области таможенного дела, обеспечивающие соблюдение установленного порядка перемещения результатов интеллектуальной деятельности, которые могут быть использованы при создании вооружения или военной техники через таможенную границу ЕАЭС или Государственную границу РФ. Соответственно законодательно данный порядок регламентирован таможенным законодательством ЕАЭС и РФ, в частности Таможенным кодексом ЕАЭС (далее — ТК ЕАЭС) [4] и Федеральным законом от 03.08.2018 № 289-ФЗ [5].

Исследуя объект рассматриваемого состава преступления, нельзя не обратить внимание на предмет. Разделяем точку зрения А. И. Рарога, который говорит, что данные две уголовно-правовые категории взаимодействуют как целое и частное, то есть предмет преступления является составным элементом объекта преступления [3, с. 71]. Переходя непосредственно к разговору о предмете преступления, связанного с контрабандой результатов интеллектуальной деятельности, которые могут быть использованы при создании вооружения или военной техники, согласимся с точкой зрения А. Г. Никольской, которая подчеркивает, что при решении вопроса о наличии в действиях лица признаков состава преступления, предусмотренного ст. 226.1 УК РФ, необходимо устанавливать принадлежность незаконно перемещенных веществ и предметов к перечисленным в статье предметам контрабанды [6, с. 69].

Результаты интеллектуальной деятельности, которые могут быть использованы при создании вооружения или военной техники является относительно новым предметом преступления, предусмотренного ст. 226.1 УК РФ. Он появился в данной статье в 2023 году со вступлением в силу Федерального закона от 18.03.2023 № 82-ФЗ [7].

Понятие «результаты интеллектуальной деятельности» и его теоретическое содержание имеет гражданско-пра-

вовые корни и содержится в положениях ч. 4 ст. 1225 Гражданского кодекса РФ (далее — ГК РФ) [8] и «ГОСТ 34888–2022» [9].

Исходя из положений данных актов, следует также дополнить, что автором результата интеллектуальной деятельности признается гражданин, творческим трудом которого создан такой результат [8]. Данный гражданин также может быть признан правообладателем, то есть обладателем исключительных прав на такой результат интеллектуальной деятельности и использовать их по своему усмотрению любым способом, не противоречащим закону [8].

Применительно к уголовному праву, трактовка отдельных результатов интеллектуальной деятельности дается в Постановлении Пленума Верховного суда РФ № 14 [10].

Характеристику результатов интеллектуальной деятельности, которые могут быть использованы при создании вооружения или военной техники как предмету контрабанды, предусмотренной ч. 1.1 ст. 226.1 УК РФ дает Федеральный закон от 19.07.1998 № 114-ФЗ [11], в ст. 1 которого установлено, что результаты интеллектуальной деятельности, в том числе исключительные права на них являются продукцией военного назначения и как следствие этому, отмечается, что научно-техническая информация на материальных носителях, а также изобретения, полезные модели и промышленные образцы и другие результаты интеллектуальной деятельности военного и военно-технического назначения являются одними из видов вооружения и военной техники [11]. Что следует понимать под вооружением и военной техникой также дано в данном законе.

Также дополнительно отметим квалифицирующий признак предмета данного преступления, связанный с оружием массового поражения и средствами его доставки, регламентированный п. «г» ч. 2 ст. 226.1 УК РФ. Толкование тому, что понимается под «оружием массового поражения» представлено в Федеральном законе от 18.07.1999 № 183-ФЗ [12]. Под «средствами доставки» понимаются ракеты и беспилотные летательные аппараты, способные доставлять оружие массового поражения [6, с. 82].

Исходя из представленного выше материала, с нашей точки зрения, результаты интеллектуальной деятельности, которые могут быть использованы при создании вооружения или военной техники, могут быть выражены как в материальной, так и не в материальной форме (например, решения, идеи, образы, существующие в сознании их создателей).

Следовательно, подводя промежуточный итог отметим, что контрабанда результатов интеллектуальной деятельности будет преступлением только в том случае, если будет установлено, что данные результаты интеллектуальной деятельности действительно имеют отношение к вооружению и военной техники и могут быть использованы при их создании, для этого требуются специ-

альные познания и проведение экспертизы [6, с. 83], соответственно в ином случае, если данный факт установлен не будет, то уголовная ответственность и состав преступления исключаются, то есть контрабанда результатов интеллектуальной деятельности для иных целей становится фактически законной, что с нашей точки зрения несправедливо, в первую очередь, по отношению к создателям данных результатов. По этой причине нами видится целесообразным расширить предмет рассматриваемого преступления, исключив словосочетание «которые могут быть использованы при создании вооружения или военной техники».

Обращаясь к объективной стороне контрабанды результатов интеллектуальной деятельности, которые могут быть использованы при создании вооружения или военной техники, отметим, что в целом, исходя из положений УК РФ, а также Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 12 [13], можно дать следующее толкование тому, что понимается под контрабандой результатов интеллектуальной деятельности, которые могут быть использованы при создании вооружения или военной техники — это незаконное перемещение результатов интеллектуальной деятельности, которые могут быть использованы при создании вооружения или военной техники через таможенную границу ЕАЭС либо Государственную границу РФ с государствами-членами ЕАЭС, то есть перемещение вне установленных мест или в неустановленное время работы таможенных органов в этих местах, либо с сокрытием от таможенного контроля, либо с недостоверным декларированием или недекларированием, либо с использованием документов, содержащих недостоверные сведения, и (или) с использованием поддельных либо относящихся к другим товарам или иным предметам средств идентификации.

То есть очевидно, что совершение контрабанды результатов интеллектуальной деятельности, которые могут быть использованы при создании вооружения или военной техники возможно исключительно в виде действия, более того п. «б» ч. 2 ст. 226.1 УК РФ устанавливает квалифицирующий признак, связанный с применением насилия к лицу, осуществляющему таможенный или пограничный контроль, которое с точки зрения Рарога А. И. может быть, как опасным, так и не опасным для жизни и здоровья [3, с. 479].

Также согласимся с точкой зрения Никольской А. Г., которая подчеркивает, что объективная сторона любого вида контрабанды характеризуется двумя обязательными признаками: местом совершения преступления и деянием — незаконным перемещением через границу предметов преступления [6, с. 49–50].

Состав контрабанды результатов интеллектуальной деятельности, которые могут быть использованы при создании вооружения или военной техники предполагает анализ положений, характеризующих субъекта такого преступления. Субъектом преступления признается вменяемое физическое лицо, достигшее возраста уголовной ответственности. Общий возраст уголовной ответствен-

ности составляет 16 лет. Данный признак аккумулирует в себе общий субъект преступления, тем не менее существует специальный субъект, то есть при характеристике которого добавляется еще какой-то специальный признак, например, связанный с полом, гражданством, возрастом, служебным положением и т. д.

Диспозиция ч. 1.1 ст. 226.1 указывает, что по отношению к данному составу следует говорить об общем субъекте. Тем не менее, п. «а» ч. 2 ст. 226.1 УК РФ предусмотрен специальный субъект данного преступления — лицо, использующее свое служебное положение, при этом если до 2023 года это было только должностное лицо, то в нынешней редакции уголовного закона данный субъект расширен, то есть берутся во внимание не только должностные лица, толкование которых представлено в примечании № 1 к ст. 285 УК РФ [1], но также и иные лица, при условии, что они совершают данное преступление, используя свое служебное положение. Дополнительные квалифицирующие признаки субъекта данного преступления установлены п. «в» ч. 2 ст. 226.1 УК РФ, то есть совершение преступления группой лиц по предварительному сговору, определение которой раскрыто в ч. 2 ст. 35 УК РФ [1], а также ч. 3 данной статьи, то есть совершение преступления организованной группой, толкование которой дано в ч. 3 ст. 35 УК РФ [1].

В качестве еще одного признака, характеризующего состав контрабанды результатов интеллектуальной деятельности, которые могут быть использованы при создании вооружения или военной техники, определяют его субъективную сторону.

Субъективной стороной признается внутренняя психическая деятельность лица непосредственно связанная с совершением преступного деяния, которая выражается либо в умысле (прямом или косвенном) или неосторожности (в виде легкомыслия или небрежности).

Субъективная сторона контрабанды результатов интеллектуальной деятельности, которые могут быть использованы при создании вооружения или военной техники выражается только в прямом умысле, то есть лицо осознает противоправность своего деяния, предвидит наступление общественно-опасных последствий и желает их наступления [1].

Более того, поскольку контрабанда сама по себе является преступлением с формальным составом, то для определения вины лица в совершении контрабанды результатов интеллектуальной деятельности, которые могут быть использованы при создании вооружения или военной техники необходимо установить следующее:

1. Лицо осознает, что незаконно перемещает результаты интеллектуальной деятельности, которые могут быть использованы при создании вооружения или военной техники через таможенную границу ЕАЭС или Государственную границу РФ.

2. Лицо осознает принадлежность данных предметов преступления к особой категории, указанной в ст. 226.1 УК РФ [6, с. 95].

3. Лицо желает совершить эти действия.

Мотивы и цели не имеют значения для квалификации контрабанды, однако учитываются судом при назначении наказания [6, с. 96].

Далее перейдем к проблемным вопросам.

Первая проблема связана с тем, что содержание ст. 226.1 УК РФ, в частности, рассматриваемый предмет преступления, распространяется и на контрабанду в сфере международных почтовых отправлений (далее — МПО). Данный вопрос нашел свое отражение в п. 15 Постановления Пленума Верховного суда РФ от 27.04.2017 № 12 [13]. При такой ситуации, следует отметить, что в стране, являющейся производителем заказанной продукции, может не быть особого правового режима ее оборота. Данная проблема является более чем актуальной на сегодняшний день и имеет немало негативных примеров.

Считаем, возможным в таких случаях полностью запретить выпуск и выдачу почтового отправления таможенными органами. Иными словами, если при проверке содержимого МПО будут выявлены предметы, оборот которых ограничен или запрещен, они не будут доставлены отправителю. В связи с вышесказанным представляется необходимым дополнить п. 15 Постановления Пленума Верховного суда РФ от 27.04.2017 № 12 применительно к вышеописанной ситуации.

Такое дополнение благоприятно скажется на квалификации преступления, предусмотренного ст. 226.1 УК РФ, позволит избежать уголовной ответственности лицам, которые осуществляют заказ товаров, находящихся под запретом или ограниченном обращении на территории России, но находящихся в свободном обращении в странах их происхождения.

Вторая проблема сопряжена с предупреждением контрабандных преступлений. Она выражается в проблемном взаимодействии российских контролирующих правоохранительных органов на границе с иностранными, особенно сегодня, в условиях сложной внешне-экономической ситуации и взаимных экономических санкций.

В рамках *третьей проблемы* разделяем мнение В. И. Козлова, который отмечает, что преступления, связанные с контрабандой оружия боеприпасов, имеют высокий уровень латентности [13].

Четвертая проблема образуется социально-географической особенностью расположения РФ. Дело в том, что протяженность российских границ составляет порядка 60 тыс. км, из них более 13 тыс. км совершенно не оборудованы необходимым оборудованием для проведения таможенного контроля, например, инспекционно-досмотровыми комплексами (далее — ИДК), чем пользуются контрабандисты и, что создает потенциальную угрозу для общества и государства в целом.

Уверены, что постепенное решение данных проблем позволит повысить эффективность квалификации рассматриваемого преступления, снизит их латентность, а также в целом повысит уровень соблюдения таможенного законодательства.

Таким образом, в рамках данной статьи был проведен уголовно-правовой анализ состава преступления, связанного с контрабандой результатов интеллектуальной деятельности, которые могут быть использованы при создании вооружения или военной техники, рассмотрены его особенности, отмечены проблемные вопросы, а также предлагаются некоторые пути решения.

Литература:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 09.04.2026) // Официальный интернет портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru>.
2. Ежегодный сборник «Таможенная служба Российской Федерации». Данные за 2022–2025 гг. [Электронный ресурс]. URL: <https://customs.gov.ru/activity/results/ezhegodnyj-sbornik-tamozhennaya-sluzhba-rossijskoj-federaczii>.
3. Уголовное право России. Части Общая и Особенная: учебник для бакалавров / под ред. А. И. Рапога. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2024. 624 с.
4. Таможенный кодекс Евразийского экономического союза (ред. от 29.05.2019) (приложение № 1 к Договору о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза) // Официальный сайт Евразийского экономического союза. URL: <http://www.eaeunion.org/>.
5. Федеральный закон от 03.08.2018 № 289-ФЗ (ред. от 02.05.2026) «О таможенном регулировании в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Официальный интернет портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru>.
6. Никольская А. Г. Уголовная ответственность за преступления, отнесенные к компетенции таможенных органов. 2-е изд., перераб. и доп. М.: РИО Российской таможенной академии, 2025. 238 с.
7. Федеральный закон от 18.03.2023 № 82-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2023. № 12. Ст. 1895.
8. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ (ред. от 23.07.2025) // Официальный интернет портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru>.
9. ГОСТ 34888–2022. Межгосударственный стандарт. Интеллектуальная собственность. Термины и определения» (введен в действие Приказом Росстандарта от 25.10.2022 № 1180-ст // Официальный интернет портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru>.

10. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.04.2007 № 14 «О практике рассмотрения судами уголовных дел о нарушении авторских, смежных, изобретательских и патентных прав, а также о незаконном использовании товарного знака» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2007. № 7.
11. Федеральный закон от 19.07.1998 № 114-ФЗ (ред. от 26.05.2021) «О военно-техническом сотрудничестве Российской Федерации с иностранными государствами» // Официальный интернет портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru>.
12. Федеральный закон от 18.07.1999 № 183-ФЗ (ред. от 26.03.2022) «Об экспортном контроле» // Официальный интернет портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru>.
13. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.04.2017 № 12 (ред. от 11.06.2020) «О судебной практике по делам о контрабанде» // Официальный интернет портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru>.
14. Козлов В. И. Деятельность таможенных органов по пресечению контрабанды огнестрельного оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и иного вооружения // Противодействие незаконному обороту оружия в России: Сборник материалов круглого стола, Москва, 25 сентября 2019 года / Редколлегия Р. В. Жубрин, О. А. Евланова. Москва: Федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего образования «Университет прокуратуры Российской Федерации», 2020. С. 70–78.

Криминалистические проблемы изучения личности преступника

Пунева Алина Евгеньевна, студент

Научный руководитель: Овчаренко Игорь Анатольевич, кандидат юридических наук, доцент
Северо-Кавказский федеральный университет (г. Ставрополь)

В статье автор исследует криминалистическую теорию изучения личности преступника, основные направления и проблемы реализации теории.

Ключевые слова: личность преступника, сведения о личности, способ совершения преступления, криминалистический портрет.

Сегодня в криминалистике понятие «личность преступника» охватывает систему биологических (антропологических, анатомических, биохимических, функциональных), социальных (общегражданских, семейно-бытовых, профессиональных, антиобщественных) и психических (психологических, психопатологических) свойств человека, сведения о которых отражены в окружающей среде и могут оказать существенное влияние на организацию поисково-познавательной деятельности по раскрытию и расследованию преступлений.

Изучение личности преступника с позиций криминалистики осуществляется по двум основным направлениям. Первое связано с получением и анализом сведений, позволяющих осуществить отождествление личности и ответить на вопрос, кто именно совершил преступление.

Второе направление ориентировано на исследование личности подозреваемого и обвиняемого после установления лица, совершившего преступление. Решение комплекса тактических и процессуальных задач предполагает сбор сведений о социальном статусе, правовых, политических, религиозных взглядах и пр., но главным образом — информации о психологических свойствах участника процесса, его связях, особенностях поведения до и во время совершения преступления, которая поможет наладить с ним коммуникативный контакт, избрать эффективную тактику общения с целью получения правдивых показаний [1].

В последнее время достаточно активно обсуждаются вопросы установления связи между личностными особенностями преступника и механизмом совершения преступления.

Одной из ключевых криминалистических проблем является выявление закономерностей между индивидуальными характеристиками преступника и способом совершения преступления. Личность преступника проявляется в его поведении на всех этапах преступной деятельности: при подготовке, непосредственном совершении и сокрытии преступления. Возраст, пол, уровень образования, профессиональные навыки, социальный статус, психологические особенности, привычки и жизненный опыт оказывают влияние на выбор объекта посягательства, орудий преступления, способов преодоления препятствий и сокрытия следов.

Однако установление такой связи представляет значительную сложность, поскольку одинаковые преступления могут совершаться разными категориями лиц, а один и тот же преступник способен использовать различные способы действий в зависимости от ситуации. Кроме того, на преступное поведение влияют внешние факторы: обстановка совершения преступления, наличие соучастников, степень риска разоблачения и другие обстоятельства. Поэтому криминалистика стремится разработать научно обоснованные методы анализа следовой картины

преступления, позволяющие по отдельным признакам реконструировать вероятный психологический и социальный портрет преступника. Решение данной проблемы имеет большое практическое значение для выдвижения следственных версий, организации розыска и установления круга подозреваемых.

Для решения данной проблемы необходимо развивать междисциплинарные исследования, объединяющие достижения криминалистики, криминологии, психологии, социологии и информационных технологий. Особое значение имеет создание единой государственной информационно-аналитической системы, содержащей сведения о способах совершения преступлений и характеристиках лиц, их совершивших. Использование технологий искусственного интеллекта и анализа больших данных позволит выявлять ранее неизвестные закономерности между особенностями личности преступника и следовой картиной преступления.

Кроме того, целесообразно совершенствовать подготовку следователей и криминалистов, расширяя изучение психологии преступного поведения и методов криминалистического анализа личности. На законодательном уровне представляется возможным внести изменения в Федеральный закон «О полиции» [2] и Федеральный закон «О персональных данных» [3], предусмотрев возможность использования обезличенных криминалистических данных для научных исследований и аналитической деятельности правоохранительных органов.

Второй важной проблемой является разработка достоверных методов составления криминалистического (психологического) портрета неизвестного преступника. Необходимость в этом возникает в ситуациях, когда личность виновного не установлена, а следствие располагает лишь сведениями о характере преступления и обнаруженных следах.

Криминалистический портрет представляет собой систему предположений о социальных, психологических, демографических и поведенческих характеристиках преступника. Он формируется на основе анализа способа совершения преступления, особенностей выбора жертвы, характера причиненного вреда, действий по сокрытию следов и других элементов преступной деятельности. Однако создание такого портрета связано с рядом трудностей. Во-первых, существует риск субъективности выводов и ошибок интерпретации имеющихся данных. Во-вторых, многие характеристики личности не имеют прямого отражения в материальных следах преступления и могут определяться лишь вероятностно. В-третьих, преступники способны изменять свое поведение, сознательно вводить следствие в заблуждение или имитировать действия представителей другой категории преступников.

Перспективным направлением является создание специализированных подразделений профайлеров в системе МВД России и Следственного комитета Российской Федерации, которые могли бы оказывать методическую и практическую помощь при расследовании тяжких, особо тяжких и серийных преступлений. Существенную роль также может сыграть анализ цифровых следов личности, включая данные из сети Интернет и социальных сетей, при строгом соблюдении требований законодательства о защите прав граждан.

Таким образом, современная криминалистика уделяет большое внимание совершенствованию методов профилирования, использованию достижений психологии, социологии, статистики и информационных технологий. Эффективное решение данной проблемы способствует более быстрому раскрытию преступлений, особенно серийных, а также повышает качество расследования в условиях дефицита доказательственной информации.

Литература:

1. Криминалистическое изучение личности: научно-практическое пособие для магистров / отв. ред. Я. В. Комиссарова. — Москва: Проспект, 2021. — 224 с.
2. Федеральный закон «О полиции» от 07.02.2011 N 3-ФЗ (последняя редакция) [Электронный ресурс] URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_110165/ (дата обращения: 17 июня 2026 года).
3. Федеральный закон «О персональных данных» от 27.07.2006 N 152-ФЗ (последняя редакция) [Электронный ресурс] URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61801/ (дата обращения: 17 июня 2026 года).

Правовая неопределенность смарт-контракта: дефиниция, язык алгоритма и анонимность

Русакова Ульяна Алексеевна, студент

Оренбургский институт (филиал) Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина

В данной статье автор рассматривает пробелы гражданского законодательства в сфере использования смарт-контрактов. Приведены возможные варианты решения обозначенных проблем. В заключении сделан вывод относительно условий интеграции смарт-контракта в правовую систему РФ.

Ключевые слова: цифровизация, смарт-контракт, гражданское законодательство, правовые пробелы, сделка, программные алгоритмы.

В 2021 году Центральным банком РФ в рамках политического курса модернизации экономической системы была разработана Концепция, предусматривающая введение цифрового рубля. [1] Это послужило основой для рассмотрения вопроса интеграции смарт-контрактов в российское правовое поле. Однако возможность внедрения таких цифровых инструментов не может не затронуть гражданское законодательство, регулирующее обязательственные отношения. В связи с этим юридические неопределенности, касающиеся использования смарт-контракта как одной из форм заключения и исполнения гражданско-правового договора, становятся предметом живых дискуссий среди исследователей.

Так, дефиниция смарт-контракта не находит своего легального закрепления в нормах российского права. Тем не менее в доктрине сложились разнообразные подходы: первая группа ученых анализирует понятие с технической точки зрения. Профессор В. А. Якунин утверждает, что смарт-контракт — это компьютерная программа, которая сама проводит расчеты между контрагентами. [2, с. 129] Вторая группа специалистов относит природу термина к специфическому виду договора. Так, А. И. Савельев пишет: «Смарт-контракт представляет собой договор, существующий в форме программного кода, имплементированного на платформе blockchain и обеспечивающего автономность и самоисполнимость условий такого договора по наступлении заранее определенных в нем обстоятельств». [3, с. 38] Другие цивилисты обращают внимание на то, что смарт-контракт нельзя рассматривать как договор, так как отсутствует «causa» — основание сделки. [4, с. 698] Налицо противоречия в вопросе содержания понятия «смарт-контракт», которые в последующем приведут к трудностям определения правового режима такой конструкции. Ввиду вышеуказанной спорной природы термина важно зафиксировать соответствующую дефиницию непосредственно в гражданском законодательстве.

Следует понимать, что смарт-контракт невозможно записать в привычной форме, характерной для гражданско-правовых сделок. Основой функционирования данной конструкции является цифровой ресурс «блокчейн», следовательно содержание договора составляют математические и программные алгоритмы, язык которых недоступен для большинства людей. Как справедливо отмечает профессор Ю. А. Тарасенко, возникает вопрос: как установить правильность восприятия сторонами контракта тех или иных условий договора, выраженных на языке программирования? [5] Одним из путей решения проблемы станет содействие цифрового эксперта, который будет иметь право доступа к блокчейн-кодам для проверки транзакций в режиме реального времени, что позволит на автоматическом уровне оказывать помощь в разъяснении договорных положений, преобразованных в программный код.

Существенным недостатком смарт-контрактов является возможность исполнения обязательства под псевдонимом или вовсе анонимно на некоторых платформах блокчейна. Во-первых, такая система подрывает уровень доверия: в настоящее время использование диспозитивного метода правового регулирования гражданских правоотношений предполагает наличие уверенности в своем контрагенте. Поэтому стороны соглашения должны точно знать о существовании не виртуальной личности, а гражданина (организации) в действительности. Во-вторых, использование псевдонима или вовсе анонимность одного из участников соглашения ведет к серьезным юрисдикционным вопросам. В частности, согласно Гражданскому кодексу РФ, сторона обязательства, чье право нарушено может обратиться в суд за защитой. Возникает проблема, которая связана с определением личности ответчика, заключенной в криптографическом ключе смарт-контракта, [6, с. 26] и приведением доказательств оформления соглашения. Так, в 2022 году Арбитражный суд Самарской области рассматривал спор между двумя компаниями. Дело касалось заключенного договора купли-продажи транспортного средства с использованием технологии «смарт-контракт». Генеральный директор ООО «Компания Визит» надлежащим образом произвел оплату, но ООО «Премьера» осуществило возврат перечисленных денежных средств с обозначением ошибочного платежа. После повторной попытки уполномоченного лица организации произвести расчет с указанием на отсутствие какого-либо сбоя, сумма вновь была возвращена. Расценив данные действия как односторонний отказ от исполнения обязательства по передаче автомобиля в собственность, ООО «Компания Визит» обратилась в судебный орган. В качестве доказательств факта подписания соглашения были представлены копии распечатанных снимков экрана компьютера. Однако на изображениях отсутствовали существенные условия, в том числе указание конкретных продавца и покупателя, вследствие чего представленные материалы не подтвердили доводы истца. [7] В связи с этим в цифровых сделках для идентификации может применяться усиленная (квалифицированная или неквалифицированная) электронная подпись. Согласно Федеральному закону «Об электронной подписи», [8] такая подпись подтверждает факт ее формирования определенным лицом и аутентичность содержимого документа, что в дальнейшем позволит связать действия в рамках смарт-контракта с реальным субъектом.

Таким образом, в современной юриспруденции возникают новые вызовы, затрагивающие вопросы обеспечения соблюдения и защиты прав и законных интересов участников гражданских правоотношений, в сфере цифровых договоров. Интеграция смарт-контрактов

в рыночные структуры оставляет за собой множество пробелов, которые впоследствии могут привести к различным судебным спорам. Данную задачу представляется возможным решить посредством дополнения, изменения

и совершенствования норм гражданского законодательства с привлечением высококвалифицированных правовых специалистов, имеющих достаточный уровень знаний в области информационных технологий.

Литература:

1. Банк России представил Концепцию цифрового рубля | Банк России. — Текст: электронный // cbr.ru: [сайт]. — URL: (дата обращения: 29.04.2026).
2. Якунин В. А. Смарт-контракт. Смарт-бухгалтерия? / В. А. Якунин // Факторы успеха. Экономические науки. — 2018. — № 1. — С. 128–131
3. Савельев А. И. Договорное право 2.0: «умные» контракты как начало конца классического договорного права // Вестник гражданского права. 2016. № 3. С. 32–60.
4. Залавская, О. М. Использование опционной конструкции в смарт-контрактах на рынке энергоресурсов / О. М. Залавская // Kazan digital week — 2024: сборник материалов Международного форума, Казань, 09–11 сентября 2024 года. — Казань: Научный центр безопасности жизнедеятельности, 2024. — С. 694–699. — EDN DBYFPD.
5. Тарасенко, Ю. А. Теоретико-правовые проблемы недействительности смарт-контракта — Мои статьи — Каталог статей — Персональный сайт Тарасенко / Ю. А. Тарасенко. — Текст: электронный // Персональный сайт Тарасенко: [сайт]. — URL: https://tarasenkou.ru/_fr/1/protas_tarasenko_teoretiko_pra.pdf (дата обращения: 30.04.2026)
6. Геворгян, А. А. Способы разрешения споров в сфере смарт-контрактов / А. А. Геворгян. — Текст: непосредственный // Исследования молодых ученых: материалы LVII Междунар. науч. конф. (г. Казань, март 2023 г.). — Казань: Молодой ученый, 2023. — С. 25–31. — URL: <https://moluch.ru/conf/stud/archive/484/17873>. (дата обращения 30.04.2026)
7. Решение от 13 октября 2022 г. по делу № А55–7445/2022. — Текст: электронный // sudact.ru: [сайт]. — URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/2WqyBcGmuadQ/> (дата обращения: 30.04.2026).
8. Федеральный закон от 06.04.2011 № 63-ФЗ (ред. от 31.07.2025) «Об электронной подписи» // Собрание законодательства РФ. 2011. № 15. Ст. 2036.

Показания эксперта как источник доказательств

Рыбочкина Дарья Олеговна, студент магистратуры

Научный руководитель: Елистратова Валентина Владимировна, кандидат юридических наук, доцент
Саратовская государственная юридическая академия

В статье проводится комплексный теоретико-правовой анализ показаний эксперта как источника доказательств. Показания эксперта в уголовном судопроизводстве характеризуются наличием у него специальных знаний, процессуальным порядком привлечения эксперта к участию в уголовном деле, определенным кругом полномочий, ответственностью за нарушение процессуальных обязанностей и отличием от показаний специалиста.

Ключевые слова: показания эксперта, соотношение заключения и показаний эксперта, специальные знания, показания специалиста, уголовное судопроизводство.

Показания эксперта как самостоятельный вид доказательств занимают особое место в системе уголовно-процессуального познания: они органически связаны с заключением эксперта, однако при этом не сводятся к его простому воспроизведению и образуют самостоятельный источник доказательств, подчиняющийся собственным правилам получения, проверки и оценки.

Правовое регулирование участия эксперта в уголовном судопроизводстве прошло длительный путь трансформации, в ходе которого менялось не только нормативное содержание института, но и само концептуальное понимание роли эксперта в процессе установления истины по

уголовному делу. В советском уголовно-процессуальном законодательстве показания эксперта первоначально не выделялись в качестве самостоятельного вида доказательств: эксперт мог быть допрошен, однако его устные объяснения фактически рассматривались как продолжение заключения, а не как самостоятельный источник доказательственной информации. Действующий УПК РФ устранил данную неопределённость, прямо назвав в п. 3 ч. 2 ст. 74 заключение и показания эксперта в качестве самостоятельных — хотя и взаимосвязанных — видов доказательств, каждый из которых обладает собственной процессуальной природой.

Включение показаний специалиста в систему доказательств на основании Федерального закона № 92-ФЗ от 04.07.2003 «О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» ещё более усложнило систему личных доказательств, основанных на специальных знаниях [3]. Существенное значение при этом приобрело разграничение показаний эксперта и показаний специалиста: первые даются исключительно для разъяснения или дополнения ранее составленного заключения, тогда как вторые представляют собой сведения об обстоятельствах дела, требующих специальных познаний, которые специалист сообщает на допросе самостоятельно, без предварительного письменного исследования [7, с. 346]. Именно данное функциональное различие определяет принципиально разный предмет каждого из этих видов показаний и порождает различия в правилах их получения и оценки.

Уголовно-процессуальный закон формулирует понятие показаний эксперта в ч. 2 ст. 80 УПК РФ: это сведения, сообщённые им на допросе, проведённом после получения его заключения, в целях разъяснения или уточнения данного заключения [1, с. 56].

Соотношение заключения и показаний эксперта может быть охарактеризовано через категорию процессуальной производности: показания вторичны по отношению к заключению, поскольку основания для проведения допроса возникают лишь тогда, когда само заключение уже существует в качестве доказательства. Вместе с тем показания не являются второстепенным или факультативным доказательством: в судебном разбирательстве именно устные объяснения эксперта нередко оказываются тем решающим звеном, которое позволяет суду составить полное и правильное представление о сложном экспертном исследовании, изложенном в письменном заключении специализированным научным языком. В этом смысле показания эксперта выполняют функцию процессуального «переводчика» между языком специальной науки и языком правового доказывания.

Основанием для проведения допроса эксперта является наличие вопросов к данному им заключению, которые возникли у участников уголовного судопроизводства в ходе его изучения. Инициатором допроса могут выступать как следователь или суд по собственной инициативе, так и стороны — по их ходатайству. Принципиальным условием является то, что вопросы должны касаться уже существующего заключения: необходимость разъяснить применённую методику, уточнить использованные термины, объяснить ход рассуждений при переходе от промежуточных результатов к итоговым выводам или обосновать выбор категорической формы вывода.

Порядок допроса эксперта в ходе предварительного расследования регулируется ст. 205 УПК РФ, а в судебном разбирательстве — ст. 282 УПК РФ. На предварительном следствии следователь вправе по собственной инициативе или по ходатайству сторон допросить эксперта для разъяснения данного им заключения.

Предмет допроса эксперта определяется содержанием данного им заключения и включает все те аспекты проведённого исследования, которые требуют разъяснения или уточнения.

Проверочная функция показаний эксперта является одной из центральных с точки зрения их назначения в системе уголовно-процессуального доказывания. Как констатирует В. С. Жегет, «важным инструментом проверки достоверности экспертного заключения выступает процедура допроса эксперта. В процессе допроса может быть оценена компетентность эксперта и его способность аргументированно отстаивать свои выводы» [4, с. 78]. Данное положение указывает на то, что допрос эксперта реализует несколько проверочных функций одновременно: он позволяет установить, насколько эксперт действительно понимает применённые им методики; способен ли он понятно и логично объяснить ход своих рассуждений, готов ли отстоять свои выводы под критическим давлением со стороны участников процесса.

Именно в этом контексте принципиальное значение приобретает отграничение допроса от простого оглашения заключения в судебном заседании. Оглашение предполагает пассивное ознакомление суда с письменным текстом заключения; допрос же создаёт условия для активного критического исследования этого текста посредством вопросно-ответного взаимодействия.

Действующее регулирование института показаний эксперта сопряжено с рядом устойчивых практических затруднений, снижающих доказательственную ценность этого инструмента и создающих почву для процессуальных злоупотреблений.

Среди них первой по степени системности стоит проблема неопределённости обязанности эксперта давать показания. В отличие от свидетеля, эксперт не несёт в УПК РФ прямо закреплённой процессуальной обязанности отвечать на вопросы участников судопроизводства при его допросе: нормы УПК РФ ограничиваются указанием на запрет дачи заведомо ложного заключения, но не устанавливают обязанность отвечать на вопросы. Это порождает правовую неопределённость относительно последствий уклонения эксперта от ответа на вопросы в ходе допроса.

Вторая проблема касается соотношения показаний эксперта с процессуальными целями их получения. Закон прямо указывает, что допрос проводится в целях разъяснения или дополнения заключения, однако Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21 декабря 2010 г. № 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам» добавляет к этому проверку полноты и обоснованности заключения [2, с. 56]. Возникает содержательное противоречие: если заключение является неполным, его восполнение требует дополнительного исследования, следовательно — назначения дополнительной экспертизы, а не ограничения допросом.

Третья проблема — устойчивая практика отказа судов в удовлетворении ходатайств о допросе эксперта. Суды нередко отклоняют такие ходатайства, указывая на ясность и полноту письменного заключения, однако именно

стороны процесса правомочны давать оценку его ясности и полноте — и их несогласие с выводами само по себе достаточно для реализации права на допрос эксперта.

Четвёртая проблема носит терминологически-нормативный характер: в УПК РФ до сих пор отсутствует чёткое разграничение понятий «разъяснение» и «дополнение» заключения как двух самостоятельных целей допроса эксперта. Если разъяснение предполагает уяснение смысла уже имеющихся выводов, то дополнение логически подразумевает введение в заключение новых сведений, что противоречит предметной ограниченности показаний эксперта и провоцирует путаницу при определении допустимого предмета допроса.

Оценка показаний эксперта строится на общих правилах оценки доказательств, закреплённых в статьях 17 и 88 УПК РФ: суд оценивает показания по внутреннему убеждению, основанному на их совокупном анализе. Вместе с тем специфика данного вида доказательств обуславливает ряд особенностей их оценки, отличающих этот процесс от оценки, например, показаний свидетеля.

Отдельного рассмотрения заслуживает вопрос о соотношении показаний эксперта с заключением специалиста при их совместном присутствии в материалах дела. А. О. Кудрявцева и А. В. Петров предлагают при оценке доказательственного значения показаний специалиста — и, по аналогии, показаний эксперта — руководствоваться комплексом конкретных критериев: правильностью выбора лица как носителя специальных знаний, отсутствием у него заинтересованности в исходе дела, научной и логической обоснованностью сделанных суждений, полнотой материалов, представленных для исследования, и обоснованностью суждений в описательно-мотивировочной части заключения [5, с. 56]. Данный перечень применим по аналогии и к оценке показаний эксперта, учитывая, что они даются тем же лицом, что и заключение, и должны соответствовать тем же стандартам компетентности и незаинтересованности.

Принцип недопустимости заранее установленной силы доказательств, закреплённый в ст. 17 УПК РФ, в полной мере распространяется и на показания эксперта. Ни тот факт, что они исходят от профессионального носителя специальных знаний, ни их связь с письменным заключением не освобождают суд от обязанности критически исследовать данные показания в контексте всей совокупности доказательств по делу. Практика, при которой суды некритически воспринимают устные пояснения эксперта, механически опираясь на авторитет его профессионального статуса, противоречит принципу свободной оценки доказательств и создаёт риск судебной ошибки [6, с. 65].

Правильное понимание места показаний эксперта в системе доказательств требует их чёткого соотношения

с иными, смежными формами использования специальных знаний в уголовном процессе. Соответствующее разграничение целесообразно рассмотреть в разрезе ключевых сравнительных пар:

1. Показания эксперта и показания специалиста: они являются самостоятельными видами доказательств и представляют собой устные сведения, сообщённые на допросе лицом, обладающим специальными знаниями. Принципиальное различие состоит в том, что показания эксперта всегда носят производный характер — они обусловлены содержанием ранее составленного заключения, тогда как показания специалиста могут касаться обстоятельств, требующих специальных знаний, без обязательной связи с предварительным письменным документом. Кроме того, эксперт предупреждается об уголовной ответственности за дачу заведомо ложного заключения, тогда как специалист несёт ответственность за заведомо ложные показания.

2. Показания эксперта и письменные ответы эксперта на вопросы следователя: оба этих варианта получения пояснений эксперта после составления заключения допускаются действующим законом. Однако письменные ответы — в отличие от показаний, получаемых в ходе допроса, — не обеспечивают условий для немедленных уточняющих вопросов, не позволяют наблюдать поведение эксперта при ответе на критические вопросы и не создают ситуации профессионального состязательного диалога.

3. Показания эксперта и консультации специалиста в ходе следственных действий: специалист может привлекаться к участию в следственных действиях для содействия в обнаружении, закреплении и изъятии доказательств, а также для постановки вопросов эксперту. Его устные пояснения в данном контексте не приобретают статуса показаний и фиксируются в протоколе следственного действия лишь в части, имеющей значение для хода данного действия. Показания же эксперта — это самостоятельное процессуальное действие, результатом которого является самостоятельный вид доказательства.

Таким образом, показания эксперта занимают самостоятельное место в системе доказательств российского уголовного процесса. Их практическая значимость определяется тем, что они остаются единственным инструментом непосредственной проверки экспертного заключения в ходе судебного разбирательства — там, где ни заключение специалиста, ни ходатайство о повторной экспертизе не дают сторонам возможности публично оспорить логику и методологию уже состоявшегося исследования. Будучи производными от экспертного заключения по своему процессуальному основанию, они вместе с тем образуют самостоятельную доказательственную ценность как инструмент непосредственной проверки заключения в условиях состязательного судебного разбирательства.

Литература:

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52 (часть I). Ст. 4921; 2025. № 32 (часть I). Ст. 6118.

2. О судебной экспертизе по уголовным делам: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21 декабря 2010 г. № 28 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2011. № 2. С. 56–67.
3. Федеральный закон № 92-ФЗ от 04.07.2003 «О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» (ред. от 29.12.2010) // Собрание законодательства РФ. 2003. № 27. Ст. 2706.
4. Жегет В. С. Методы проверки достоверности заключения эксперта в уголовном судопроизводстве: сравнительный анализ дополнительной и повторной экспертизы // Eromen. Global. 2025. № 59. С. 78–80.
5. Кудрявцева А. В., Петров А. В. Заключение специалиста в уголовном судопроизводстве: проблемы получения и оценки // Уголовное судопроизводство России и зарубежных государств: проблемы и перспективы развития. 2023. С. 56–59.
6. Лукошкина С. В. Проблемы понятийного аппарата и правового регулирования формы заключения специалиста в уголовном судопроизводстве // Baikal Research Journal. 2023. Т. 14. № 4. С. 65–68.
7. Чистяков К. В., Шевченко Е. С. Понятие и процессуальное положение эксперта в российском уголовном судопроизводстве // Образование и право. 2023. № 5. С. 346–352.

Роль прокурора в защите прав и интересов несовершеннолетних

Сарвадий Илья Александрович, студент

Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина

В статье анализируются гражданско-правовые механизмы участия прокурора в защите жилищных прав несовершеннолетних при оспаривании сделок с жильем и снятии детей с регистрационного учета. Исследуется соотношение надзорной и исковой деятельности прокурора, а также проблема презумпции добросовестности законных представителей, создающей риски для имущественных прав ребенка.

Ключевые слова: прокурор, несовершеннолетние, жилищные права, снятие с регистрационного учета, недействительность сделки, органы опеки и попечительства, злоупотребление правом.

Основой правового положения ребенка в Российской Федерации выступает конституционная норма, обязывающая государство обеспечивать защиту детства (ст. 38 Конституции РФ). В гражданско-правовой стезе эта гарантия конкретизируется через личные неимущественные и имущественные права несовершеннолетних, среди которых право на жилище занимает особое место. Семейный кодекс РФ (ст. 54, 56) провозглашает право ребенка жить и воспитываться в семье, право на обеспечение его интересов и право на защиту своих прав и законных интересов. Гражданский кодекс РФ, в свою очередь, закрепляет особенности совершения сделок от имени и с участием несовершеннолетних (ст. 26, 28, 37), а Жилищный кодекс РФ регулирует отношения по пользованию жилыми помещениями, включая нормы о регистрационном учете граждан. В системе конституционных гарантий важная роль отведена органам прокуратуры, чье участие в гражданском судопроизводстве и надзорная деятельность за органами опеки и попечительства позволяют предотвращать и пресекать нарушения имущественных и жилищных прав детей.

В науке гражданского и семейного права участие прокурора рассматривается как процессуальная форма публичного контроля за соблюдением законности в частноправовой сфере, где сталкиваются интересы несовершеннолетних и их законных представителей. Практика показывает, что наиболее острые конфликты возникают в сфере отчу-

ждения жилых помещений, права пользования которыми принадлежат детям, и производного от этого вопроса — снятия несовершеннолетних с регистрационного учета по месту жительства. Даже разовое незаконное снятие с учета способно повлечь необратимую утрату права на жилое помещение, что актуализирует исследование гражданско-правовых средств реагирования прокурора.

Гражданско-правовой статус прокурора в делах о защите жилищных прав детей определяется ст. 45 Гражданского процессуального кодекса РФ. Прокурор вправе обратиться в суд с заявлением в защиту прав и законных интересов несовершеннолетнего, причем такое право не обусловлено наличием просьбы со стороны самого ребенка или его законного представителя. Напротив, классической предпосылкой вмешательства прокурора является как раз ситуация, когда законные представители действуют вопреки интересам ребенка, либо бездействуют, либо сами участвуют в оспариваемых правоотношениях на противоположной стороне. Исходя из положений ГПК следует, что прокурор вправе подать иск в защиту прав несовершеннолетнего, если родители или лица, их заменяющие, уклоняются от защиты прав ребенка. В жилищных спорах это прямо проецируется на сделки купли-продажи, мены, дарения жилья, где прокурор оспаривает договор по мотивам нарушения прав ребенка.

Ключевым гражданско-правовым основанием недействительности сделок, совершаемых родителями или опе-

кунами с жилыми помещениями, в которых проживают или имеют право пользования дети, выступает ст. 168 ГК РФ во взаимосвязи с п. 2 ст. 37 ГК РФ и ст. 21 Федерального закона от 24 апреля 2008 г. № 48-ФЗ «Об опеке и попечительстве». Данные нормы устанавливают, что отчуждение имущества подопечного либо имущества, в отношении которого несовершеннолетний обладает правом собственности, допускается только с предварительного разрешения органа опеки и попечительства. КС РФ в Постановлении от 8 июня 2010 г. № 13-П подчеркнул, что согласие органа опеки должно быть направлено на обеспечение реального соблюдения прав несовершеннолетних, а формальное получение такого согласия, без учета конкретных обстоятельств, не устраняет порок сделки. Если договор купли-продажи, в результате которого несовершеннолетний утрачивает право пользования жильем, заключен без разрешения опеки либо на основании акта, вынесенного с нарушением закона, такой договор является оспоримой сделкой и может быть признан недействительным по иску прокурора.

Снятие с регистрационного учета, имея административно-правовую природу, тем не менее влечет гражданско-правовые последствия, поскольку прекращает (или затрудняет) возможность осуществления ребенком жилищных прав. Пункт 2 ст. 20 ГК РФ признает местом жительства несовершеннолетних, не достигших четырнадцати лет, место жительства их законных представителей. Из этого следует, что добровольное снятие ребенка с учета родителями без предоставления другого жилого помещения ставит под сомнение реальное намерение обеспечить его жильем. Прокурор, осуществляя надзор за органами опеки, оценивает законность действий этих органов при даче или отказе в даче разрешений на совершение юридических действий, влекущих утрату регистрации. Если орган опеки безосновательно согласился на сделку, в результате которой ребенок снимается с учета, прокурор вправе не только принести протест на такой акт, но и предъявить иск о признании сделки недействительной, поставив вопрос о правомерности самого акта органа опеки в рамках гражданского дела (ст. 12, 13 ГК).

Особого внимания заслуживает гражданско-правовая коллизия между свободой договора и необходимостью защиты более слабой стороны. Статья 421 ГК РФ не действует в отрыве от императивных предписаний, подобных п. 4 ст. 292 ГК РФ, согласно которому отчуждение жилого помещения, в котором проживают находящиеся под опекой или попечительством члены семьи собственника, либо оставшиеся без родительского попечения несовершеннолетние члены семьи собственника, допускается с согласия органа опеки и попечительства. Следует указать, что редакция данной нормы после 2005 года сузила круг случаев обязательного согласования: если несовершеннолетний проживает с родителями и не является оставшимся без попечения, согласие на сделку формально не требуется, так как сформирована презумпция добросовестности родителей. Это породило правоприме-

нительную проблему, когда родители беспрепятственно продают единственное жилье, снимают детей с учета и впоследствии не приобретают новое. Прокурор в подобной ситуации обращается к судебной защите, ссылаясь не на отсутствие согласия опеки (оно *de jure* и не требуется), а на нарушение прав ребенка, влекущее ничтожность или оспоримость сделки по ст. 168 или 169 ГК РФ, если она совершена с целью, противной основам правопорядка или нравственности, либо в обход закона. В судебной практике сформировался подход, квалифицирующий сделки по отчуждению жилья, заведомо лишаящей детей единственного жилища без предоставления иного, как злоупотребление правом (ст. 10 ГК РФ). Прокурор в исковом заявлении доказывает, что родители, действуя как законные представители, нарушили запрет на осуществление прав с намерением причинить вред другому лицу, в данном случае — ребенку. Суд, установив злоупотребление, вправе отказать в защите права собственности приобретателю, применив последствия недействительной сделки.

Не менее значимым направлением выступает надзор прокурора за деятельностью органов опеки и попечительства в области контроля за снятием несовершеннолетних с регистрационного учета. Поскольку сам регистрационный учет носит уведомительный характер и производится органами МВД России, органы опеки напрямую не участвуют в процедуре снятия с учета. Однако именно акты опеки (разрешения на сделки, заключения о возможности быть опекуном, постановления о назначении опеки) создают юридический фундамент для последующего изменения регистрации. Здесь прокурор реализует полномочия, предоставленные Федеральным законом «О прокуратуре Российской Федерации», Приказ Генерального прокурора от 13 декабря 2021 N 744 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законодательства о несовершеннолетних, соблюдением их прав и законных интересов» по надзору за законностью правовых актов, издаваемых органами исполнительной власти субъектов РФ и органами местного самоуправления, осуществляющими переданные государственные полномочия по опеке. Выявив, что орган опеки выдал разрешение на отчуждение жилого помещения, не проверив реальные жилищные условия, в которые перемещается ребенок, либо не истребовав документы о приобретении замещающего жилья, прокурор приносит протест, а при его отклонении обращается в суд в порядке гл. 22 КАС РФ. Одновременно прокурор инициирует гражданский иск о признании сделки недействительной по основаниям, связанным с незаконностью административного акта, послужившего необходимым условием ее совершения. Таким образом, соединяются два судебных процесса — административный и гражданский, и решение суда, признавшее акт опеки незаконным, приобретает преюдициальное значение для гражданского дела (ст. 61 ГПК РФ). Данный механизм неоднократно одобрялся в доктринальных источниках как эффективный способ восстановления жилищных прав

несовершеннолетних, позволяя аннулировать сделки даже тогда, когда видимых дефектов самой сделки нет, но разрешительный порядок был нарушен.

Сложность гражданско-правовой защиты состоит в необходимости доказывать не только формальные нарушения, но и фактическое ущемление прав ребенка. Европейский Суд по правам человека в ряде постановлений, ссылаясь на ст. 8 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, указывал, что национальные власти, включая органы опеки и суды, обязаны проводить тщательную оценку всех обстоятельств при принятии решений, затрагивающих жилищные права детей. Исходя из положений Конвенции, российские суды в ходе рассмотрения дела должны исследовать, соответствуют ли действия родителей по распоряжению жильем требованиям разумности и добросовестности, и была ли обеспечена имущественная безопасность ребенка. И здесь прокурор выступает тем субъектом, чья активная позиция по сбору доказательств, проведению прокурорской проверки и истребованию материалов из органов опеки, Росреестра, миграционной службы формирует доказательственную базу для удовлетворения иска. Предъявляя иск о признании утраты права пользования жилым помещением несовершеннолетним и о восстановлении на регистрационном учете, прокурор ссылается на то, что ребенок приобрел производное от родителей право пользования, и это право не подлежит прекращению по одностороннему волеизъявлению законных представителей, если оно нарушает интересы несовершеннолетнего (ст. 56 СК РФ, ст. 65 СК РФ).

Важно коснуться вопроса о сроке исковой давности по данным делам. По общему правилу, закрепленному в ст. 181 ГК РФ, срок исковой давности по требованиям о признании оспоримой сделки недействительной и о применении последствий ее недействительности составляет один год. Однако в контексте защиты прав несовершеннолетних ключевое значение приобретает момент начала течения этого срока. Судебная практика и доктрина исходят из того, что срок исковой давности не может начать течь ранее, чем лицо, чьи права нарушены, узнало или должно было узнать о самом факте нарушения.

Поскольку малолетние дети лишены возможности самостоятельно защищать свои права, а их законные представители зачастую являются непосредственными нарушителями, искусственно создающими видимость законности сделки, срок исковой давности по таким спорам должен исчисляться с момента, когда о нарушении стало известно добросовестной стороне или уполномоченному органу (например, прокурору или новому законному представителю).

В современной российской цивилистике обоснованно указывается на то, что прокурор в жилищных делах несовершеннолетних выполняет роль гаранта публичного интереса, интегрированного в частноправовые отношения. Ученые (наприм., Е. А. Чефранова, О. Ю. Ильина) отмечают, что гражданско-правовое регулирование статуса ребенка построено на презумпции добросовестности ро-

дителей, однако массив судебной практики свидетельствует о том, что именно родительские действия становятся главной угрозой жилищным правам детей. Поэтому снятие с регистрационного учета в отрыве от обеспечения равноценным жильем должно презюмироваться как нарушение, требующее прокурорского вмешательства. В этом контексте надзор за органами опеки по вопросам регистрационного учета трансформируется в надзор за законностью выдачи согласий, так как орган опеки перед дачей разрешения на сделку обязан выяснить, куда будет прописан ребенок после отчуждения жилья, и будет ли новое место жительства отвечать требованиям безопасности и благоустроенности.

При рассмотрении конкретных гражданских дел прокурор нередко сталкивается с ситуацией, когда родители, формально сохраняя регистрацию ребенка в отчуждаемом жилье, фактически вывозят его и подают заявление о снятии с учета уже после перехода права собственности к покупателю, который затем инициирует самостоятельный иск о признании утратившим право пользования. Здесь прокурор либо вступает в уже начатый процесс для дачи заключения (ч. 3 ст. 45 ГПК РФ), либо предъявляет самостоятельный иск об обязании восстановить регистрационный учет и вселить ребенка. Правовым основанием выступает ст. 71 СК РФ (санкция за ненадлежащее осуществление родительских прав в виде лишения прав не должна ухудшать жилищные права ребенка, но эти права должны гарантироваться и до лишения), а также нормы ЖК РФ о членах семьи собственника. Согласно ст. 31 ЖК РФ, право пользования жилым помещением члена семьи собственника производно и зависит от прекращения семейных отношений, однако в отношении несовершеннолетних прекращение семейных отношений с собственником не является автоматическим основанием для лишения права пользования, если ребенок продолжает оставаться членом семьи в силу закона, что находит подтверждение в пункте 14 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 02 июля 2009 N 14 «О некоторых вопросах, возникших в судебной практике при применении Жилищного кодекса Российской Федерации».

Подводя итоги исследования, следует констатировать, что гражданско-правовой механизм участия прокурора в защите жилищных прав несовершеннолетних при снятии с регистрационного учета и оспаривании сделок купли-продажи основывается на нормах ГК РФ, ЖК РФ, СК РФ, Федерального закона «Об опеке и попечительстве» и процессуальных положениях ГПК РФ. Прокурор использует исковые формы (о признании сделки недействительной, о применении последствий ее недействительности, о признании права пользования, об устранении препятствий, о восстановлении на регистрационном учете), а также опротестовывает незаконные акты органов опеки. Приоритетным направлением совершенствования законодательства могло бы стать возвращение в ст. 292 ГК РФ обязанности получать согласие органа опеки при отчуждении жилья, в котором проживают

любые несовершеннолетние члены семьи собственника, а не только подопечные или оставшиеся без попечения, однако и в отсутствие такой поправки судебная практика

позволяет прокурору эффективно защищать жилищную сферу детства через расширительное применение запрета злоупотребления правом и принципа добросовестности.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Собрание законодательства РФ. — 2014. — № 31. — Ст. 4398. — Ст. 38.
2. Конвенция о защите прав человека и основных свобод (заключена в г. Риме 04.11.1950) (с изм. от 24.06.2013) // Собрание законодательства РФ. — 2001. — № 2. — Ст. 163. — Ст. 8.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 24.07.2023) // Собрание законодательства РФ. — 1994. — № 32. — Ст. 3301. — Ст. 10, 20, 26, 28, 37, 168, 169, 181, 292, 421.
4. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 31.07.2023) // Собрание законодательства РФ. — 1996. — № 1. — Ст. 16. — Ст. 54, 56, 65, 71.
5. Жилищный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 № 188-ФЗ (ред. от 25.12.2023) // Собрание законодательства РФ. — 2005. — № 1 (ч. I). — Ст. 14. — Ст. 31.
6. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 25.12.2023) // Собрание законодательства РФ. — 2002. — № 46. — Ст. 4532. — Ст. 45, 61.
7. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 08.03.2015 № 21-ФЗ (ред. от 24.07.2023) // Собрание законодательства РФ. — 2015. — № 10. — Ст. 1391. — Гл. 22.
8. Федеральный закон от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» (ред. от 24.07.2023) // Собрание законодательства РФ. — 1995. — № 47. — Ст. 4472.
9. Федеральный закон от 24.04.2008 № 48-ФЗ «Об опеке и попечительстве» (ред. от 29.12.2022) // Собрание законодательства РФ. — 2008. — № 17. — Ст. 1755. — Ст. 21.
10. Приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 13.12.2021 № 744 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законодательства о несовершеннолетних, соблюдением их прав и законных интересов» // Законность. — 2022. — № 2. — С. 3–12. (или: Документ официально не опубликован. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» — по выбору, но лучше указать реальный источник; часто такие приказы публикуются в журнале «Законность»).
11. Постановление Конституционного Суда РФ от 08.06.2010 № 13-П «По делу о проверке конституционности пункта 4 статьи 292 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки В. В. Шардаковой» // Собрание законодательства РФ. — 2010. — № 24. — Ст. 3015.
12. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 02.07.2009 № 14 «О некоторых вопросах, возникших в судебной практике при применении Жилищного кодекса Российской Федерации» (ред. от 09.12.2025) // Бюллетень Верховного Суда РФ. — 2009. — № 9. — П. 14.
13. Ильина О. Ю. Наличие ребенка как предпосылка злоупотребления правом членами семьи / О. Ю. Ильина // Права ребенка в РФ: законодательство, правоприменительная деятельность, российская наука: материалы Междунар. науч.-практ. конф. (Москва — Тверь, 6 дек. 2017 г.) / отв. ред. Ю. Ф. Беспалов. — М.: Проспект, 2018.
14. Чефранова Е. А. Имущественные права несовершеннолетних: направления совершенствования правового регулирования / Е. А. Чефранова // Закон. — 2022. — № 1.

Трансформация налоговой нагрузки субъектов малого и среднего предпринимательства в условиях изменения параметров специальных налоговых режимов

Синицына Юлия Алексеевна, студент

Научный руководитель: Садовская Татьяна Дмитриевна, кандидат юридических наук, доцент
Российский государственный университет правосудия имени В. М. Лебедева (г. Москва)

В статье исследуются современные тенденции трансформации налоговой нагрузки субъектов малого и среднего предпринимательства, обусловленные изменением параметров специальных налоговых режимов. Анализируется влияние ограничений по применению упрощенной системы налогообложения и иных специальных режимов на налоговое поведение

хозяйствующих субъектов, включая переход на общий режим налогообложения и возникновение обязанности по исчислению и уплате налога на добавленную стоимость. Особое внимание уделяется проблемам правоприменения, связанным с увеличением налоговой и административной нагрузки, а также ростом рисков налоговых споров. Делается вывод о необходимости совершенствования правового регулирования с учетом баланса публичных и частных интересов.

Ключевые слова: налоговое право, специальные налоговые режимы, упрощенная система налогообложения, налог на добавленную стоимость, налоговая нагрузка, субъекты малого и среднего предпринимательства, налоговое администрирование.

Transformation of the tax burden of small and medium-sized businesses in the context of changes in the parameters of special tax regimes

Sinitsyna Yulia Alekseevna, student

Scientific advisor: Sadovskaya Tatiana Dmitrievna, candidate of legal sciences, associate professor
Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev (Moscow)

The article examines current trends in the transformation of the tax burden of small and medium-sized businesses caused by changes in the parameters of special tax regimes. The study analyzes the impact of restrictions on the application of simplified taxation systems and other special regimes on taxpayers' behavior, including the transition to the general taxation system and the emergence of obligations related to value added tax. Particular attention is paid to law enforcement issues associated with the increase in tax and administrative burden, as well as the growing risks of tax disputes. The author concludes that it is necessary to improve legal regulation while maintaining a balance between public and private interests.

Keywords: tax law, special tax regimes, simplified taxation system, value added tax, tax burden, small and medium-sized enterprises, tax administration.

Наиболее заметный сдвиг в регулировании специальных налоговых режимов произошел после реформы, связанной с принятием Федерального закона от 12 июля 2024 г. № 176-ФЗ «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации, отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации» (далее — Закон № 176-ФЗ), положения которого вступили в силу с 1 января 2025 года. Данный законодательный акт не только существенно повысил пороговые значения для применения упрощенной системы налогообложения (далее — УСН), но и коренным образом изменил подход к налогообложению добавленной стоимости в рамках специальных налоговых режимов. Подобные изменения во многом обусловлены стремлением государства повысить эффективность налогового администрирования и обеспечить большую прозрачность хозяйственной деятельности. Вместе с тем их влияние на субъекты малого и среднего предпринимательства нельзя оценивать однозначно.

На протяжении длительного времени специальные налоговые режимы выполняли функцию не только снижения налоговой нагрузки, но и обеспечения относительной стабильности предпринимательской среды. УСН традиционно ассоциировалась с освобождением от обязанности по исчислению и уплате налога на добавленную стоимость (далее — НДС), что являлось одним из ключевых конкурентных преимуществ данного режима. Однако с 1 января 2025 года ситуация кардинально изменилась: все организации и индивидуальные предприниматели, применяющие УСН, признаются плательщиками НДС. При

этом для налогоплательщиков, чьи доходы за предшествующий календарный год не превысили 60 млн рублей, сохраняется автоматическое освобождение от исполнения обязанностей плательщика НДС.

Для налогоплательщиков УСН, чьи доходы превышают указанный порог, законодатель предусмотрел возможность выбора между применением общеустановленных ставок НДС (20 %, 10 %, 0 %) с правом на налоговые вычеты и применением специальных пониженных ставок — 5 % (при доходах от 60 до 250 млн рублей) и 7 % (при доходах от 250 до 450 млн рублей) — без права на вычет «входного» НДС [7]. Данная конструкция, с одной стороны, направлена на обеспечение плавного роста налоговой нагрузки по мере масштабирования бизнеса, с другой — создает новые вызовы для налогового планирования и администрирования.

Одновременно с реформированием НДС для хозяйствующих субъектов, применяющих УСН Законом № 176-ФЗ была введена налоговая амнистия для налогоплательщиков, добровольно отказавшихся от применения схем дробления бизнеса в 2025–2026 годах. Суммы доначисленных налогов, пеней и штрафов по результатам налоговых проверок за периоды 2022–2024 годов подлежат списанию в порядке, определенном статьей 6 Закона № 176-ФЗ. Указанная мера призвана стимулировать переход бизнеса к более прозрачным моделям хозяйственной деятельности и снизить конфликтный потенциал в сфере налогового администрирования.

Принятый в конце ноября 2025 года Закон № 425-ФЗ внес существенные коррективы в налоговое регулирование. Прежде всего, законодатель скорректировал ме-

ханизмы принудительного взыскания недоимки и регламенты контрольных процедур, одновременно расширив перечень условий для досрочного прекращения налогового мониторинга. Отдельно стоит выделить ужесточение подхода к назначению санкций — минимальный порог снижения штрафа при наличии смягчающих обстоятельств теперь зафиксирован на уровне одной десятой от базового размера [8].

Однако наиболее заметные трансформации затронули систему ставок и специальные налоговые режимы. Произошло повышение базовой ставки НДС до 22 %, а для плательщиков, применяющих упрощенную систему налогообложения, был кардинально снижен порог дохода, обязывающий перейти к уплате налога на добавленную стоимость. Если ранее этот лимит составлял 60 млн рублей, то теперь предусмотрено его поэтапное сжатие: до 20 млн рублей в переходном 2025 году, до 15 млн рублей на следующий налоговый период и до 10 млн рублей начиная с 2027 года. Коррективы затронули и другие фискальные платежи, включая налог на прибыль, НДФЛ, НДС и государственную пошлину.

На практике все чаще наблюдается переход субъектов предпринимательства на общий режим налогообложения. Такой переход, как правило, сопровождается не только увеличением налоговых обязательств, но и изменением структуры налоговой нагрузки, а также ростом административных издержек. В этих условиях представляется актуальным исследование причин и последствий указанных процессов.

Специальные налоговые режимы традиционно занимают особое место в системе налогового права, поскольку позволяют учитывать специфику деятельности отдельных категорий налогоплательщиков [3]. Их применение направлено на снижение налоговой и административной нагрузки, что имеет принципиальное значение для субъектов малого и среднего предпринимательства.

Правовое регулирование указанных режимов закреплено в Налоговом кодексе Российской Федерации. Наиболее распространенной является УСН, условия применения которой связаны с соблюдением установленных критериев, включая ограничения по уровню доходов и иным показателям [9].

В последние годы законодатель сохраняет общую конструкцию специальных налоговых режимов, однако корректирует их параметры. Такие изменения направлены на предотвращение злоупотреблений, в частности использования схем дробления бизнеса. При этом усиление контроля связано не только с изменением норм права, но и с развитием цифровых технологий.

В современных условиях налоговые органы располагают значительными возможностями по анализу данных о деятельности налогоплательщиков. Это позволяет выявлять несоответствия в их деятельности и принимать решения на основе комплексной оценки информации. В результате формальные критерии применения специальных режимов дополняются фактическим анализом хозяйственной деятельности.

Таким образом, трансформация правового регулирования специальных налоговых режимов проявляется в сочетании уточнения условий их применения и усиления контроля. В результате применение льготных режимов становится менее устойчивым элементом налогового планирования.

Переход на общий режим налогообложения для субъектов малого и среднего предпринимательства означает не только увеличение суммы налоговых обязательств, но и изменение самой модели налоговой нагрузки. Если ранее налогоплательщик использовал упрощенные механизмы учета, то общий режим требует более сложной организации финансовой деятельности.

Ключевым фактором является возникновение обязанности по исчислению и уплате налога на добавленную стоимость. В отличие от специальных режимов, НДС предполагает сложную систему расчета и применения налоговых вычетов. Это требует надлежащего документального оформления всех хозяйственных операций.

На практике применение НДС вызывает наибольшие трудности у налогоплательщиков, ранее не имевших опыта администрирования данного налога. В отличие от единого налога по УСН, НДС предполагает сложную систему расчета, необходимость выставления счетов-фактур, ведения книг покупок и продаж, а также представления налоговых деклараций. При выборе общеустановленных ставок дополнительно возникает необходимость документального подтверждения права на налоговые вычеты, что требует надлежащего оформления всех хозяйственных операций с контрагентами. Ошибки в оформлении документов или выборе контрагентов могут привести к отказу в применении налоговых вычетов, что существенно увеличивает налоговую нагрузку.

Для микропредприятий, ранее применявших упрощенные формы учета, это может потребовать привлечения квалифицированных специалистов или аутсорсинга учетных функций, что влечет дополнительные финансовые издержки [6]. Таким образом, трансформация налоговой нагрузки носит комплексный характер и затрагивает как финансовые, так и организационные аспекты деятельности предпринимателей.

Особого внимания заслуживает ситуация, при которой налогоплательщик УСН, чьи доходы лишь незначительно превысили порог в 60 млн рублей, сталкивается с необходимостью уплаты НДС по ставке 5 %, что может быть воспринято как несоразмерное увеличение фискальной нагрузки. Действующее регулирование не предусматривает плавного механизма перехода в таких случаях — обязанность возникает одномоментно по факту превышения порогового значения. При превышении доходом отметки в 250 млн рублей ставка НДС автоматически увеличивается с 5 % до 7 %, а при достижении 450 млн рублей налогоплательщик утрачивает право на применение УСН и переходит на общий режим налогообложения.

Анализ правоприменительной практики показывает, что действующее регулирование не всегда учитывает осо-

бенности деятельности субъектов малого и среднего предпринимательства. Особенно это проявляется в ситуациях, связанных с утратой права на применение специальных налоговых режимов.

Отсутствие плавного механизма перехода на общий режим приводит к резкому изменению условий ведения бизнеса. Это стимулирует налогоплательщиков к поиску способов сохранения льготного режима, включая перераспределение деятельности. Однако подобные действия нередко становятся предметом споров с налоговыми органами.

Дополнительные сложности связаны с применением налога на добавленную стоимость. Практика показывает, что значительное число споров возникает в связи с отказом в применении налоговых вычетов. При этом формальный подход к оценке документов не всегда учитывает фактические обстоятельства хозяйственной деятельности.

Развитие цифровых инструментов налогового контроля, безусловно, повышает его эффективность. Вместе с тем оно усиливает дисбаланс возможностей налоговых органов и налогоплательщиков, что требует дополнительного внимания к вопросам защиты прав последних.

Представляется, что совершенствование законодательства должно быть направлено на обеспечение большей предсказуемости налоговых последствий. В частности, заслуживает обсуждения введение механизмов поэтапного перехода на общий режим, а также снижение избыточного формализма при применении налоговых вычетов.

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что трансформация налоговой нагрузки субъектов малого и среднего предпринимательства обусловлена не только изменением параметров специальных налоговых режимов, но и общими тенденциями развития налогового администрирования.

Ужесточение условий применения специальных режимов в сочетании с цифровизацией контроля приводит к увеличению числа налогоплательщиков, переходящих на общий режим. Данный процесс сопровождается ростом налоговой и административной нагрузки, а также увеличением рисков налоговых споров.

В этих условиях особое значение приобретает формирование сбалансированной модели правового регулирования, учитывающей как интересы государства, так и потребности бизнеса.

Литература:

1. Крохина, Ю. А. Налоговое право: учебник для вузов / Ю. А. Крохина. — 11-е изд., перераб. и доп. — Москва: Издательство Юрайт, 2026. — 376 с.
2. Пансков, В. Г. Налоги и налогообложение: теория и практика: учебник для вузов / В. Г. Пансков. — 9-е изд., перераб. и доп. — Москва: Издательство Юрайт, 2025. — 781 с.
3. Тухбатшина С. Р. Особенности налогообложения субъектов малого и среднего предпринимательства // Право и государственность. 2026. № 1 (10). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-nalogooblozheniya-subektov-malogo-i-srednego-predprinimatelstva> (дата обращения: 21.04.2026).
4. Дадаева О. В., Леонова О. А. Трансформация упрощенной системы налогообложения в Российской Федерации: включение НДС и практические последствия для субъектов МСП // Аудиторские ведомости. 2026. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/transformatiya-uproschennoy-sistemy-nalogooblozheniya-v-rossiyskoy-federatsii-vklyuchenie-nds-i-prakticheskie-posledstviya-dlya> (дата обращения: 21.04.2026).
5. Гончаренко Л. И., Адвокатова А. С. Основные направления налоговой политики на 2026–2028 гг.: новые тренды и меры реализации национальных целей // Экономика. Налоги. Право. 2026. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osnovnye-napravleniya-nalogovoy-politiki-na-2026-2028-gg-novye-trendy-i-mery-realizatsii-natsionalnyh-tseley> (дата обращения: 21.04.2026).
6. Гончаренко Л. И., Константинов В. О. Малое предпринимательство и НДС: причины и оценка последствий изменения налогового законодательства // Учет. Анализ. Аудит. 2026. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/maloe-predprinimatelstvo-i-nds-prichiny-i-otsenka-posledstviy-izmeneniya-nalogovogo-zakonodatelstva> (дата обращения: 21.04.2026).
7. Федеральный закон от 12 июля 2024 г. № 176-ФЗ «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации, отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации» // Доступ из СПС «КонсультантПлюс»
8. Федеральный закон от 28.11.2025 N 425-ФЗ «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации, отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу законодательных актов (отдельных положений законодательных актов) Российской Федерации»
9. «Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая)» от 05.08.2000 № 117-ФЗ (глава 26.2)

Состав административного правонарушения: понятие и элементы

Соколова Елизавета Дмитриевна, студент магистратуры
Ярославский филиал Московского финансово-юридического университета МФЮА

Статья посвящена анализу института состава административного правонарушения как фундаментального основания административной ответственности. Автор рассматривает нормативное закрепление понятия административного правонарушения в ст. 2.1 КоАП РФ, а также значение отсутствия состава правонарушения как обстоятельства, исключающего производство по делу (ст. 24.5 КоАП РФ).

Ключевые слова: состав административного правонарушения, объект, объективная сторона, субъект, субъективная сторона.

Согласно ст. 2.1 Кодекса об административных правонарушениях РФ (КоАП), административным правонарушением признается противоправное, виновное действие (бездействие) физического или юридического лица [1].

Состав административного правонарушения — это совокупность признаков, необходимых и достаточных для квалификации деяния как административного правонарушения. Только наличие в деянии всех признаков состава административного правонарушения является основанием привлечения к административной ответственности. Отсутствие одного из элементов состава правонарушения влечет отсутствие состава в целом [2].

В законодательстве не формулируется понятие «состав административного правонарушения», однако отсутствие состава административного правонарушения является основанием для прекращения производства по делу об административном правонарушении, согласно ст. 24.5 КоАП РФ [1]. Только наличие состава административного правонарушения в том или ином деянии — единственное основание наступления административной ответственности за его совершение.

Традиционно в науке административного права выделяют четыре элемента состава административного правонарушения: объект, объективную сторону, субъект и субъективную сторону. Рассмотрим более подробно каждый из них.

Объект административного правонарушения — общественные отношения, урегулированные нормами права и охраняемые мерами административной ответственности [3]. Иными словами, это те общественные отношения, на которые посягает правонарушитель и которым может быть причинен вред. В науке административного права выделяют обычно общий объект правонарушения, которым выступают все общественные отношения охраняемые законом; родовый объект правонарушения, т. е. совокупность однородных общественных отношений на которые посягает правонарушитель (например, общественная безопасность, государственная власть, военная служба), видовой объект, под которым понимается группа однородных отношений, которым причиняется вред (например, общественные отношения в сфере собственности, экономической деятельности, экологии и др.), а также непосредственный объект — конкретное правоотношение,

которому причиняется вред или возникает угроза причинения вреда (например, правоотношения в сфере здоровья, собственности человека, его достоинства). Таким образом, административное правонарушение посягает одновременно на общий, родовый, видовой и непосредственный объект.

Объективная сторона административного правонарушения — это система предусмотренных нормами права признаков, характеризующих внешнее проявление данного правонарушения [3]. Объективная сторона включает в себя:

- **противоправное деяние** в форме действия или бездействия;
- **вредные последствия** (физический, имущественный, моральный, репутационный, организационный вред) либо угрозу причинения такого вреда;
- **причинно-следственную связь** между противоправным деянием и наступившими последствиями.

Кроме того, объективная сторона включает факультативные признаки: время, место, способ, обстановку, орудия и средства совершения правонарушения.

В зависимости от конструкции объективной стороны все составы административных правонарушений делятся на два вида:

- **материальные составы** — обязательным признаком является наличие вредных последствий деяния и причинной связи между деянием и последствиями. Например, порча земель (ст. 8.6 КоАП РФ);
- **формальные составы** — наличие или отсутствие вредных последствий правового значения не имеет; административное наказание применяется вне зависимости от того, наступил ли вредный результат, важен сам факт посягательства на охраняемые отношения. Например, превышение установленной скорости движения (ст. 12.9 КоАП РФ).

Субъектом административного правонарушения являются физические и юридические лица. Для привлечения физического лица к административной ответственности необходимы два условия: достижение 16-летнего возраста и вменяемость (состояние психического здоровья, позволяющее осознавать фактический характер и социальный смысл своих действий и руководить ими).

В законодательстве различаются также общие субъекты — любые вменяемые лица, достигшие 16 лет, спе-

циальные субъекты — должностные лица, водители, несовершеннолетние и др., а также особые субъекты — военнослужащие и иные лица, на которых распространяется действие дисциплинарных уставов или специальных положений о службе [3].

Субъективная сторона административного правонарушения — это психическое отношение субъекта (физического лица) к противоправному действию или бездействию и его последствиям. Вина является обязательным элементом субъективной стороны и бывает двух видов:

- умышленная вина: лицо осознавало противоправность деяния, предвидело вредные последствия и желало их наступления либо сознательно допускало (ст. 2.2 КоАП РФ);
- неосторожная вина: лицо не предвидело вредных последствий, хотя должно было и могло их предвидеть.

Таким образом, состав административного правонарушения — это фундамент административной ответственности. Его элементы взаимосвязаны: отсутствие хотя бы одного из них исключает возможность привлечения к ответственности.

Литература:

1. Кодекс об административных правонарушениях РФ.
2. Бахрах Д. Н., Российский Б. В., Стариков Ю. Н. Административное право: Учебник для вузов. 2-е изд., изм. и доп. М.: Норма, 2005. 800 с.
3. Фиалковская И. Д. Состав административного правонарушения: первичные и вторичные признаки, 2018.

Способы обеспечения исполнения обязательств по договору купли-продажи

Стругова Елена Дмитриевна, студент магистратуры
Челябинский государственный университет

В статье рассматриваются основные способы обеспечения исполнения обязательств в договоре купли-продажи, включая неустойку, залог, удержание вещи должника, поручительство, независимую гарантию, задаток и обеспечительный платеж. Подробно анализируется правовое регулирование данных способов, их юридические последствия и практика применения в судебных инстанциях. Работа направлена на выявление оптимальных методов обеспечения обязательств с учётом современной законодательной базы и судебной практики.

Актуальность обусловлена необходимостью повышения правовой защищённости сторон в договорах купли-продажи через эффективные способы обеспечения исполнения обязательств с учётом изменений законодательства и судебной практики.

Ключевые слова: договор купли-продажи, суд, судебная практика, существенные условия договора, задаток, неустойка, исполнение обязательств, снижение рисков.

Methods for securing performance of obligations under a sale and purchase agreement

Strugova Elena Dmitrievna, master's student
Chelyabinsk State University

The article examines the principal methods for securing the performance of obligations under a sale and purchase agreement, including penalty (liquidated damages), pledge, right of retention of the debtor's property, suretyship, independent guarantee, earnest money (deposit), and security payment. The legal regulation of these methods is analyzed in detail, along with their legal consequences and application practice in judicial proceedings. The study aims to identify optimal methods for securing obligations, taking into account the current legislative framework and court practice.

The relevance of the topic stems from the need to enhance the legal protection of parties in sale and purchase agreements through effective means of ensuring performance of obligations, considering changes in legislation and judicial practice.

Keywords: contract of sale, court, case law (judicial precedent), essential terms of the contract, earnest money (deposit), penalty, performance of obligations, risk mitigation.

Одной из наиболее распространённых и значимых форм гражданско-правовых отношений является договор купли-продаж, поэтому проблема надлежащего исполнения обязательств по нему имеет большое прак-

тическое значение. Его сущность закреплена в ст. 454 Гражданского кодекса РФ: по договору купли-продажи одна сторона (продавец) обязуется передать вещь (товар) в собственность другой стороне (покупателю), а покупатель

обязуется принять этот товар и уплатить за него определённую денежную сумму. Для защиты интересов продавца и покупателя гражданское законодательство предусматривает различные способы обеспечения исполнения обязательств, позволяющие заранее снизить риск неисполнения или ненадлежащего исполнения договора. [1]

Исполнение обязательств по договору куплипродажи в большинстве случаев сопряжено с риском просрочки, ненадлежащего исполнения или неисполнения обязательств одной из сторон. Для снижения этого риска действующее законодательство предусматривает специальный институт способов обеспечения исполнения обязательств, относящийся к общим положениям обязательственного права. [1]

Статья 329 ГК РФ прямо перечисляет способы обеспечения: неустойка, залог, удержание имущества должника, поручительство, независимая гарантия, задаток, обеспечительный платёж и иные способы, предусмотренные законом или договором. [1] При этом договор куплипродажи, как правило, выступает в качестве основного обязательства, в отношении которого эти способы применяются.

В научной литературе за последние три года подчёркивается, что способы обеспечения носят не только охранительный, но и мотивационный характер: они стимулируют должника к добровольному и своевременному исполнению обязательств, а кредитору предоставляют дополнительные гарантии получения возмещения убытков при нарушении условий договора. [8] В ряде работ отмечается, что в современном обороте всё чаще используются комбинированные модели обеспечения (например, одновременное применение неустойки и залога), что повышает надёжность гражданскоправовых сделок, в том числе договоров куплипродажи. [20]

Одним из наиболее распространённых способов обеспечения по договору куплипродажи является так называемая «имущественная ответственность» дебитора, в форме неустойки. [9] В научных публикациях 2023–2025 гг. подчёркивается, что неустойка в системе российского гражданского права одновременно является средством обеспечения и мерой гражданской ответственности, применяемой в случае просрочки или ненадлежащего исполнения обязательств. [16]

В ряде статей анализируется тенденция к чрезмерно высоким размерам неустойки, закрепляемым в договорах куплипродажи с потребителями, что приводит к судебным спорам о применении ст. 333 ГК РФ о снижении неустойки. [1] Авторы отмечают, что при договорах розничной куплипродажи суды всё чаще применяют принцип разумности и недопустимости чрезмерного обогащения, снижая размер неустойки, если он значительно превышает возможные убытки кредитора. [16]

В судебной практике за последние пять лет можно выделить несколько характерных подходов при применении неустойки по договору куплипродажи недвижимости с рассрочкой платежа. В одном из решений район-

ного суда (Семёновский районный суд, Нижегородская область, решение от 18.12.2024 № 21173/2024) суд взыскал неустойку в размере 0,1 % от суммы задолженности за каждый день просрочки, ссылаясь на условие договора, однако при этом учёл, что расторжение договора по соглашению сторон не исключает обязательства покупателя по уплате задолженности и неустойки за весь период просрочки. [7]

В других решениях суды отказывали во взыскании неустойки, если договор, по существу, не был исполнен (например, при отсутствии передачи недвижимости), либо при признании соглашения о расторжении договора недействительным по причине нарушения процедуры заключения. [15] Такие подходы показывают, что суды при рассмотрении споров о неустойке по договору куплипродажи всё более тщательно анализируют фактическое исполнение обязательств, а не ограничиваются формальным наличием условия о неустойке. [15]

Второй значимый способ обеспечения — залог — чаще всего применяется при продаже недвижимости, транспортных средств и иного дорогостоящего имущества. [19] В современных научных работах подчёркивается, что залоговая безопасность для кредитора в условиях нестабильного рынка и экономической неопределённости становится одной из ключевых гарантий исполнения обязательств по договору куплипродажи. [19]

Залог по договору куплипродажи, как правило, оформляется в виде договора залога, который может быть заключён отдельно или как специальное условие основного договора. [14] В ряде публикаций 2023–2025 гг. анализируется практика регистрации залога недвижимого имущества: при отсутствии государственной регистрации договора залога недвижимости залог считается не возникшим, что влечёт невозможность обращения взыскания на залоговое имущество. [21]

В судебной практике Верховного Суда РФ и арбитражных судов за последние пять лет подтверждается, что при ненадлежащем исполнении обязательств по договору куплипродажи недвижимости залоговое имущество может быть обращено взысканием в порядке, предусмотренном ст. 349–356 ГК РФ, если залог соответствует установленным требованиям и зарегистрирован в установленном порядке. [4] При этом суды обращают внимание на правильность определения предмета залога, размера обеспечиваемого обязательства и соблюдения процедуры реализации залогового имущества. [4]

Задаток как способ обеспечения по договору куплипродажи особенно часто используется при заключении предварительного договора куплипродажи жилья или иной недвижимости. [1] В современных работах анализируется двойственная природа задатка: он одновременно является доказательством соглашения сторон и средством обеспечения, а также частично исполняет обязательство покупателя по оплате. [10]

Судебная практика показывает, что суды при рассмотрении споров о возврате задатка по договору куплипро-

даже тщательно проверяют, какие именно обязательства были нарушены и какой стороной. В определении Верховного Суда РФ от 16.01.2024 г., связанном с предварительным договором куплипродажи недвижимости, суд подтвердил правило, что при нарушении обязательств покупателем задаток остаётся у продавца, если иное не предусмотрено законом или договором. [5] В то же время при признании договора недействительным или не заключённым суды в ряде решений обязывали продавца возвращать задаток, если покупатель не проявил своей вины в невыполнении условий. [13]

Поручительство и независимая (банковская) гарантия обычно применяются в сделках, где покупатель демонстрирует низкую или неясную платёжеспособность. [11] В работах 2023–2025 гг. подчёркивается, что гарантия как автономный инструмент обеспечения особенно востребована в предпринимательском обороте, поскольку она не требует фактического исполнения основного обязательства для возникновения обязательства гаранта. [11]

В судебной практике арбитражных судов за последние годы можно встретить дела, в которых поручительство применяется по договорам куплипродажи крупных партий оборудования или услуг. В одном из решений Арбитражного суда Амурской области от 15.12.2023 г. суд рассмотрел требования к поручителю одновременно с претензиями к продавцу и оценил, соблюдены ли сроки действия поручительства и наступила ли просрочка исполнения обязательств покупателя. [2] В ряде актов суды отказывали взыскателю по требованиям к банкам-гарантам, если не были соблюдены формальные условия предъявления документального требования, предусмотренного договором гарантии. [18]

Удержание вещи должника как способ обеспечения, хотя и менее распространён по договору куплипродажи в чистом виде, встречается в тех ситуациях, когда продавец или иное лицо удерживает переданное имущество до полной оплаты или выполнения иных условий. [1] В научных публикациях последних лет отмечается, что удержание чаще всего используется как временное, оперативное средство защиты, а не как долгосрочная мера, и обязательно требует соблюдения условий ст. 359 ГК РФ (соответствие предмета удержания требованию кредитора, отсутствие противоречия договору или закону). [10]

Особое значение приобретает условная купляпродажа, при которой продавец сохраняет право собственности на товар до полной оплаты покупателем. [3] В ряде решений судов общей юрисдикции за последние пять лет подтверждалось право продавца на обращение взыскания на имущество, находящееся у покупателя, при условии, что переход права собственности по договору куплипродажи был прямо поставлен в зависимость от исполнения всех обязательств покупателя. [6]

В целом современная научная литература и судебная практика показывают, что способы обеспечения исполнения обязательств по договору куплипродажи продолжают развиваться в сторону расширения договорной автономии сторон, однако при этом сохраняется необходимость жёсткого соблюдения законодательных требований к форме и регистрации (особенно применительно к залогу недвижимости и гарантиям). [8] В сфере розничной куплипродажи и иных договоров с потребителями суды всё чаще сдерживают избыточное применение неустойки и жёстких условий обеспечения, руководствуясь нормами о защите прав потребителей и принципом добросовестности. [17]

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51ФЗ (в ред., действующей на 2026 г.). — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/
2. Арбитражный суд Амурской области. Решение от 15.12.2023 г. по делу № А047140/2023. (способы обеспечения по договору куплипродажи с использованием залога и гарантии). — URL: <https://kad.arbitr.ru/card/bf285cf5-f4d5-4c59-9806-8830847bf8a4/>
3. Верховный Суд РФ. Обзор судебной практики по спорам о защите прав потребителей от 28.11.2023 г. — URL: <https://vsrf.ru/documents/all/33968/>
4. Верховный Суд РФ. Обзор судебной практики № 2 (2025) (утверждён Президиумом ВС РФ 18.06.2025 г.). — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_508032/
5. Верховный Суд РФ. Определение Судебной коллегии по гражданским делам от 16.01.2024 г. по делу о задатке по предварительному договору куплипродажи недвижимости. — URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/408347475/>
6. Обзор практики разрешения споров, возникающих по договорам куплипродажи (ВАС РФ / Высший Арбитражный суд, информационные письма). — URL: <https://arbitr.ru/materials/3030/>
7. Семёновский районный суд (Нижегородская область). Решение № 21173/2024 от 18.12.2024 по делу о расторжении договора куплипродажи недвижимости и взыскании неустойки. — URL: https://semenovsky-nnov.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=86556452&case_uid=bb818728-6e1f-4ed0-b345-0849a719ad27&delo_id=1540005/
8. Бобрикович Е. С. Теоретические аспекты способов обеспечения исполнения обязательств по кредитам // Экономика и банки. — 2015. — № 1. — URL: <https://ojs.polessu.by/EB/article/view/520/>

9. Демидкова Е. М. Неустойка как способ обеспечения исполнения обязательств в российском гражданском праве // Молодой учёный. — 2024. — № 3 (222). — URL: <https://moluch.ru/archive/502/110472/>
10. Каменскова И. И. Проблемы исполнения обязательств по договору куплипродажи в Российской Федерации // Молодой учёный. — 2023. — № 9. — URL: <https://moluch.ru/archive/483/105772/>
11. Косминский Н. А. К вопросу об альтернативных способах обеспечения исполнения обязательств // Право и экономика. — 2024. — № 4. — URL: <http://publishing-vak.ru/archive-2024/law-4.htm/>
12. Куликов В. В. К вопросу об обеспечительной функции неустойки в российском и зарубежном праве // Юридические науки. — 2022. — № 9. — URL: <https://moluch.ru/th/9/archive/232/7555/>
13. Михеев В. А. Правовые последствия нарушения правил исполнения договора куплипродажи // Молодой учёный. — 2024. — № 4. — URL: <https://moluch.ru/archive/514/112786/>
14. Насартинова Д. Р. Залог как способ обеспечения обязательств: современные аспекты // Молодой учёный. — 2025. — № 6. — URL: <https://moluch.ru/archive/576/126929/>
15. Правовые проблемы обеспечения исполнения обязательств (диссертация / магистерская работа). — Тюменский государственный университет, 2022. — URL: <https://elib.utmn.ru/jspui/handle/ru-tsu/6436/>
16. Рыжов А. И. Классификация способов обеспечения исполнения обязательств // Научный лидер. — 2025. — № 27 (228). — URL: <https://scilead.ru/article/9581-klassifikatsiya-sposobov-obespecheniya-ispoln/>
17. Основные подходы к пониманию способов обеспечения исполнения обязательств // CyberLeninka. — 2023. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osnovnye-podhody-k-ponimaniyu-sposobov-obespecheniya-ispolneniya-obyazatelstv/>
18. Скородумов, А. Н. Договор розничной купли-продажи, логико-правовой анализ, актуальные вопросы законодательства, заключения и исполнение обязательств в современном гражданском праве России / А. Н. Скородумов. — Текст: непосредственный // Молодой ученый. — 2023. — № 7 (454). — URL: <https://moluch.ru/archive/454/100056/>
19. Способ обеспечения исполнения обязательств (ст. 329 ГК РФ): комментарий // Закон. — 2015. — URL: https://zakon.ru/blog/2015/08/25/kommentarij_k_st_329_gk_rf_sposoby_obespecheniya_ispolneniya_obyazatelstv/
20. Способы обеспечения исполнения обязательств // Гл.бух. — 2023. — URL: <https://e.glavbukh.ru/399233/>
21. Усынин С. А. Понятие и сущность исполнения обязательств // Молодой учёный. — 2024. — № 12. — URL: <https://moluch.ru/archive/551/121088/>

Проблемы правовой природы государственного (муниципального) контракта

Тарасова Ирина Александровна, студент магистратуры
Московский финансово-юридический университет МФЮА

Статья посвящена комплексному исследованию правовой природы государственного (муниципального) контракта как одной из наиболее дискуссионных категорий современного российского права. Автором последовательно проанализированы три основных доктринальных подхода — административно-правовой, гражданско-правовой и комплексный, а также аргументирована собственная позиция, согласно которой государственный контракт представляет собой гражданско-правовой договор, облечённый в форму специальной договорной конструкции. В работе рассмотрена проблема коллизии норм действующего законодательства, обобщена арбитражная практика по вопросу определения существенных условий контракта, выявлен дисбаланс в механизме ответственности сторон.

Ключевые слова: государственный контракт, муниципальный контракт, правовая природа, контрактная система, специальная договорная конструкция, публичный интерес, существенные условия, Федеральный закон № 44-ФЗ, гражданско-правовой договор.

Проблемы правовой природы государственного (муниципального) контракта относятся к числу тех вопросов, которые, несмотря на многолетнюю доктринальную разработку и обширную правоприменительную практику, так и не получили однозначного разрешения. С момента вступления в силу Федерального закона от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» [1] (далее — Закон

№ 44-ФЗ) прошло более десяти лет, однако дискуссия о том, к какой отраслевой принадлежности тяготеет государственный контракт, не утихает. Более того, она приобретает новые черты по мере усложнения самой контрактной системы и накопления судебной практики, которая в некоторых случаях противоречит друг другу.

Пункт 8 ст. 3 Закона № 44-ФЗ определяет государственный контракт, как гражданско-правовой договор, заключённый от имени публично-правового образо-

вания для обеспечения государственных нужд. Между тем, исследование нормативных основ государственного (муниципального) контракта позволяет сделать вывод о наличии существенного массива публично-правовых элементов, в том числе, императивные процедуры заключения, жесткие требования к содержанию, особые основания одностороннего отказа, ведение реестра недобросовестных поставщиков, что отнесение контракта к гражданско-правовой сфере перестаёт быть очевидным. Данное противоречие приводит к дискуссиям в научной среде.

В настоящее время в доктрине оформились три основных подхода.

Сторонники первого, административно-правового подхода, усматривают в государственном контракте разновидность административного договора. Так, например, Н. Н. Заботина настаивает на приоритете публично-правовых начал при регулировании отношений в данной сфере, аргументируя это тем, что контракт обслуживает публичный интерес и финансируется за счёт бюджетных средств [4, с. 15]. Действительно, трудно спорить с тем, что государственный заказчик действует не в собственном интересе, а в интересе неопределённого круга лиц, реализуя публичные функции. Однако признание контракта административным договором порождает трудноразрешимые последствия, поскольку административное право традиционно строится на отношениях власти и подчинения, тогда как в рамках контракта стороны, по крайней мере формально, равны. Никакого элемента властного подчинения исполнителя заказчику в самом обязательстве не усматривается — заказчик не вправе давать исполнителю обязательные указания, выходящие за рамки согласованных условий.

Второй подход — гражданско-правовой — представлен значительно шире. Его придерживаются многие ученые. Так, в частности, О. Е. Махова, полагает, что юридическое равенство сторон выступает определяющим признаком, не позволяющим отнести контракт к административным актам [5, с. 151]. Б. А. Осипян также связывает природу контракта с принципом свободы договора, хотя и признаёт его существенную специфику. В рамках данного направления рассуждает и Е. А. Цатурян, предложившая рассматривать государственный контракт как особую договорную конструкцию, которая характеризуется тремя квалифицирующими признаками: особым субъектным составом (одна из сторон — публично-правовое образование), особой целью (обеспечение публичных нужд) и особым источником финансирования (бюджетные средства) [9, с. 104]. Данный подход представляется наиболее взвешенным, поскольку он не пытается искусственно вырвать контракт из гражданско-правовой почвы, но при этом фиксирует его специфику, требующую специального регулирования.

Наконец, третий подход — комплексный — исходит из того, что государственный контракт сочетает в себе элементы и частного, и публичного права. Э. Х. Ра-

химов, например, говорит о необходимости выстраивания иерархии норм, при которой специальное законодательство о контрактной системе применяется в части, не противоречащей ГК РФ, но при этом обладает приоритетом в регулировании процедурных вопросов [6, с. 26]. Между тем, комплексный подход подвергается критике, поскольку признание двойственной природы неизбежно порождает вопрос о том, нормы какой отрасли применять в случае коллизии, и ответ на этот вопрос комплексный подход не даёт.

Сопоставляя обозначенные позиции, можно заметить, что граница между ними происходит, главным образом, по субъектному составу, цели и процедуре. Так, представители первого подхода делают акцент на цели и публичном интересе, цивилисты — на равенстве сторон и договорной природе, сторонники комплексного подхода пытаются удержать в поле зрения оба начала одновременно. Думается, что каждая из позиций отражает определённый срез реальности, но ни одна не является исчерпывающей.

Более продуктивным видится подход, предложенный Е. А. Цатурян, который рассматривает государственный контракт не как самостоятельный тип договора, а как специальную договорную конструкцию — своего рода правовую оболочку, в которую может быть облечён любой договор, выделяемый по критерию экономической направленности: купля-продажа, подряд, возмездное оказание услуг [9, с. 18].

Ключевым классификационным признаком здесь выступает субъектный состав: как только одной из сторон становится публично-правовое образование, действующее в целях удовлетворения государственных нужд, на договор накладывается специальный правовой режим, предусмотренный Законом № 44-ФЗ. Все остальные особенности (к которым отнесем — особый порядок заключения, ограниченная свобода усмотрения сторон, специфические основания расторжения) являются производными именно от субъектного состава.

С практической точки зрения такой подход означает, что государственный контракт подчиняется общегражданским нормам в той мере, в какой они не изменены специальным законодательством. И здесь возникает один из наиболее острых вопросов: как разрешать коллизии между ГК РФ и Законом № 44-ФЗ. Пункт 2 статьи 3 ГК РФ устанавливает приоритет кодекса над другими федеральными законами в сфере гражданского законодательства. Вместе с тем правоприменительная практика идёт по иному пути. Арбитражный суд Поволжского округа в постановлении от 13.07.2016 по делу № А49-9838/2015 прямо указал, что суды не могут отказывать в удовлетворении исковых требований на основе общих норм ГК РФ, если требования Закона № 44-ФЗ являются специальными по отношению к конкретной ситуации [2]. Аналогичную логику демонстрирует Арбитражный суд Московского округа в постановлении от 14.03.2016 по делу № А41-29146/2015 [3]. Иными словами, суды фактически руко-

водствуются принципом «*lex specialis derogat legi generali*», отдавая предпочтение нормам Закона № 44-ФЗ перед общими положениями ГК РФ.

Такой подход, на наш взгляд, является оправданным, но нуждается в доктринальном обосновании. Государственный контракт, будучи гражданско-правовым по своей природе, функционирует в среде, где публичный интерес обладает повышенной значимостью. Именно этим обусловлены многочисленные отступления от принципа свободы договора: заказчик не вправе выбирать контрагента произвольно, не может по своему усмотрению изменять цену, ограничен в возможности согласовывать условия, не предусмотренные конкурсной документацией. Однако все эти ограничения не превращают контракт в административный акт — они модифицируют гражданско-правовую форму, приспособляя её к потребностям публичного заказчика.

Иное толкование, при котором приоритет безусловно отдавался бы ГК РФ, парализовало бы действие Закона № 44-ФЗ и подорвало бы саму идею контрактной системы, построенной на принципах конкуренции, прозрачности и эффективного расходования бюджетных средств.

Отдельного внимания заслуживает проблема существенных условий государственного контракта, которая напрямую связана с вопросом о его правовой природе. Если признать контракт разновидностью гражданско-правового договора, то к нему в полной мере применимы положения статьи 432 ГК РФ, требующие согласования условия о предмете и условий, названных в законе в качестве существенных. Ф. А. Тасалов подчёркивает, что общие требования к гражданским договорам должны применяться и к государственным контрактам, что способствовало бы большей прозрачности закупочных процедур [7, с. 18].

Практика арбитражных судов, однако, демонстрирует отсутствие единообразия в этом вопросе. В постановлении Арбитражного суда Северо-Западного округа от 30.10.2017 по делу № А56–84479/2016 существенными условиями контракта на выполнение подрядных работ для государственных нужд признаны сроки выполнения работ и условие о предмете. Арбитражный суд Восточно-Сибирского округа в постановлении от 12.09.2017 по делу № А33–9302/2016 отнёс к существенным условием об оплате. Арбитражный суд Западно-Сибирского округа в постановлении от 02.11.2017 по делу № А70–2131/2017 счёл существенными предмет, включая виды, объёмы и содержание работ, а также стоимость и конечный срок выполнения.

Приведённые примеры показывают, что суды вынуждены балансировать между общими нормами ГК РФ и специальными требованиями Закона № 44-ФЗ, который, в свою очередь, устанавливает собственный перечень обязательных условий: цена контракта (по общему правилу неизменная), ответственность сторон за неисполнение, срок и порядок приёмки, срок и порядок оплаты,

сроки возврата обеспечения, условие о банковском сопровождении. Е. А. Цатурян предлагает разрешить эту коллизию через разграничение двух групп условий: тех, которые определены ГК РФ для конкретного вида договора, и тех, которые установлены Законом № 44-ФЗ для любого государственного контракта независимо от его предмета [9, с. 105]. Думается, что такой подход следует поддержать — он вносит необходимую определённую, не разрушая при этом единства гражданско-правового регулирования.

Подводя итог, сформулируем собственную позицию. Государственный (муниципальный) контракт по своей правовой природе является гражданско-правовым договором, облеченным в форму специальной договорной конструкции. Его гражданско-правовая сущность определяется юридическим равенством сторон и добровольностью вступления в обязательство, а публично-правовая специфика — особым субъектным составом, целью удовлетворения государственных нужд и бюджетным финансированием — не отменяет этой сущности, а лишь накладывает на неё дополнительные ограничения, производные от необходимости защиты публичного интереса [8, с. 321]. Признание контракта административным договором было бы ошибочным, поскольку в нём отсутствует элемент властного подчинения одной стороны другой в рамках самого обязательства. Столь же неубедительным выглядит комплексный подход, размывающий отраслевую принадлежность и не дающий ясного ответа на вопрос о применимом праве в случае коллизии.

Изложенное позволяет сделать несколько выводов.

- необходимо нормативно закрепить приоритет Закона № 44-ФЗ над общими положениями ГК РФ в части регулирования процедур заключения, исполнения и расторжения государственных контрактов, с тем чтобы устранить сохраняющуюся неопределённость в правоприменении;

- целесообразно дополнить статью 432 ГК РФ указанием на то, что для договоров, заключаемых в рамках контрактной системы, существенные условия могут определяться специальным законодательством, и такое определение имеет приоритет перед общими нормами кодекса;

- следует унифицировать судебную практику по вопросу о составе существенных условий государственного контракта — оптимальным ориентиром здесь могло бы стать постановление Пленума Верховного Суда РФ, обобщающее накопившиеся подходы и предлагающее судам единые критерии;

- требует корректировки механизм ответственности сторон: существующий дисбаланс, при котором штрафные санкции для исполнителя значительно жёстче, чем для заказчика, подрывает принцип равенства участников гражданского оборота и должен быть устранён путем установления соразмерных мер ответственности для обеих сторон контракта.

Литература:

1. Федеральный закон от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (ред. от 01.01.2025) // Собрание законодательства РФ. 2013. № 14. Ст. 1652.
2. Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 13.07.2016 № Ф06–10222/16 по делу № А49–9838/2015 // СПС «КонсультантПлюс».
3. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 14.03.2016 № Ф05–20049/15 по делу № А41–29146/2015 // СПС «КонсультантПлюс».
4. Заботина Н. Н. Правовая природа правоотношений, возникающих в связи с заключением контрактов на поставку товаров для государственных нужд: автореф. дис.... канд. юрид. наук. Волгоград, 2006. 29 с.
5. Махова О. Е. Договор строительного подряда как институт гражданского права: автореф. дис.... канд. юрид. наук. — М., 2008. 26 с.
6. Рахимов Э. Х. Государственный контракт: некоторые вопросы юридической характеристики // Аграрное и земельное право. 2017. № 7 (151). С. 26–30.
7. Тасалов Ф. А. Отношения по размещению и исполнению государственного заказа: особенности гражданско-правового регулирования (на примере Российской Федерации и Соединенных Штатов Америки): автореф. дис.... канд. юрид. наук. — М., 2013. 23 с.
8. Усманова Р. М., Усманов А. К., Бойко Н. Н. Правовая природа государственного контракта // Право и государство: теория и практика. 2023. № 11(227). С. 321–324.
9. Цатурян Е. А. Государственный контракт в гражданском праве России: проблемы теории и практики: монография. — М.: Статут, 2020. 224 с.

Влияние бракоразводного процесса и раздела совместно нажитого имущества на процедуру банкротства: межотраслевые коллизии, правоприменительная практика и доктринальные подходы

Тулешов Руслан Алматович, студент;

Аксенов Владислав Николаевич, студент

Научный руководитель: Максимова Наталья Анатольевна, кандидат юридических наук, доцент
Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина

Бракоразводный процесс и сопутствующий ему раздел совместно нажитого имущества концептуально сталкиваются с фундаментальными принципами законодательства о банкротстве.

Влияние бракоразводного процесса на процедуру банкротства одного из супругов (или бывшего супруга) выражается в трансформации режима собственности, изменении структуры конкурсной массы и возникновении специфических процессуальных споров. Анализ судебной практики, формируемой на уровне Верховного Суда Российской Федерации, демонстрирует устойчивую тенденцию к пресечению попыток использования семейно-правовых институтов в качестве инструмента уклонения от исполнения обязательств перед независимыми кредиторами. Раздел имущества, заключение брачных договоров и соглашений о разделе собственности подвергаются жесткому контролю со стороны финансовых управляющих и судов.

Настоящее исследование представляет собой системный доктринальный анализ механизмов взаимодействия бракоразводного процесса и процедуры несостоя-

тельности, охватывающий вопросы доказывания при оспаривании сделок, а также квалификации солидарных обязательств супругов.

Юрисдикционный дуализм и разграничение предметной подведомственности споров

Фундаментальной проблемой, возникающей при пересечении бракоразводного процесса и процедуры банкротства, является определение надлежащей судебной инстанции для рассмотрения споров о разделе совместно нажитого имущества. Процедура банкротства гражданина предполагает включение всех имущественных споров с участием должника в рамках одного дела о несостоятельности, рассматриваемого арбитражным судом. Однако семейные правоотношения обладают ярко выраженной спецификой, что обуславливает императивный подход законодателя к сохранению компетенции судов общей юрисдикции.

Согласно пункту 1 статьи 22 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, суды общей юрисдикции рассматривают иски, возникающие из семейных правоотношений, включая споры о разделе

общего имущества супругов. Данная норма не содержит исключений для случаев, когда в отношении одного из супругов или бывших супругов введена процедура реализации имущества в деле о банкротстве. Пункт 3 статьи 38 Семейного кодекса Российской Федерации прямо устанавливает судебный порядок раздела общего имущества в судах общей юрисдикции при наличии спора между супругами.

Закон о банкротстве, в частности пункт 7 статьи 213.26, регламентирует исключительно порядок реализации уже определенного совместного имущества в рамках процедуры банкротства и порядок выплаты компенсации второму супругу, но не наделяет арбитражные суды полномочиями по первичному разделу этого имущества. Следовательно, раздел общего имущества не подпадает под юрисдикцию арбитражного суда и должен разрешаться в строгом соответствии с правилами гражданского судопроизводства.

Примером разрешения данной процессуальной коллизии служит позиция Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации, изложенная в Определении от 6 марта 2018 года по делу № 6-КГ18-1. В рамках данного спора супруга должника обратилась в суд общей юрисдикции с иском к своему мужу о разделе совместно нажитого с 1993 года имущества. Суды первой и апелляционной инстанций прекратили производство по делу, ошибочно исходя из концепции абсолютного поглощения имущественных споров процедурой банкротства. Нижестоящие суды указали, что после признания гражданина банкротом супруга должна защищать свои права исключительно путем участия в арбитражном деле о банкротстве, претендуя лишь на денежные средства от реализации активов на торгах.

Верховный Суд Российской Федерации квалифицировал такие выводы как существенное нарушение норм материального и процессуального права. Высшая инстанция констатировала, что подведомственность дел определяется характером правоотношений и субъектным составом с учетом статьи 22 Гражданского процессуального кодекса и статьи 27 Арбитражного процессуального кодекса. Закон о несостоятельности не изымает дела о разделе имущества супругов из компетенции судов общей юрисдикции. Прекращение производства по делу фактически является незаконным отказом невиновному супругу в реализации конституционного права на судебную защиту, гарантированного статьей 46 Конституции Российской Федерации.

Доктрина обязательного предварительного раздела имущества и формирование конкурсной массы

Бракоразводный процесс неизбежно актуализирует необходимость обособления имущества супруга-банкрота от имущества супруга, не обремененного долговыми обязательствами. В соответствии со статьей 256 Гражданского кодекса Российской Федерации и статьей 34 Семейного кодекса Российской Федерации, имущество, нажитое супругами во время брака, является их совместной соб-

ственностью, независимо от того, на чье имя оно зарегистрировано.

Концептуальной основой защиты имущественных прав супруга должника выступает принцип недопустимости произвольного изъятия совместного имущества и его автоматического включения в конкурсную массу. Совместно нажитое имущество подлежит обращению взыскания в рамках банкротства исключительно после определения конкретных долей каждого из супругов. Данное правило имеет критическое значение для предотвращения необоснованного погашения долгов за счет ликвидных активов супруга, не являющегося должником.

Удовлетворение требований кредиторов напрямую за счет совместно нажитого имущества без предварительного выдела доли должника представляет собой грубое нарушение статей 34 и 45 Семейного кодекса Российской Федерации. Системное толкование гражданского и семейного законодательства приводит к выводу, что раздел совместно имущества является обязательной стадией, которая должна предшествовать обращению взыскания. Статья 213.25 Закона о банкротстве позволяет включать в конкурсную массу исключительно долю супруга-должника. До вынесения судом общей юрисдикции акта о разделе имущества реализация таких активов арбитражным управляющим блокируется, что выступает важнейшей гарантией неприкосновенности частной собственности.

Договорные режимы имущества как объекты банкротного оспаривания

Наиболее сложным вопросом является использование супругами брачных договоров и соглашений о разделе совместно нажитого имущества в качестве инструментов защиты активов от притязаний кредиторов.

Арбитражные суды применяют единый подход к оспариванию: форма документа (брачный договор, удостоверенный нотариусом, или мировое соглашение о разделе имущества) не имеет значения для целей защиты конкурсной массы. Ключевым основанием для признания таких сделок недействительными выступает пункт 2 статьи 61.2 Закона о банкротстве — совершение сделки в целях причинения вреда имущественным правам кредиторов.

Для успешного оспаривания финансовому управляющему необходимо доказать наличие у должника признаков банкротства (неплатежеспособности или недостаточности имущества) на момент заключения брачного договора либо в результате его заключения, что формирует неопровержимую презумпцию цели причинения вреда кредиторам. Вторым элементом предмета доказывания является сам факт причинения вреда.

Кроме специальных банкротных оснований, брачные договоры, заключенные перед принятием на себя значительных кредитных обязательств в целях обхода требований статьи 46 Семейного кодекса Российской Федерации и искусственного сохранения имущества супругов, успешно оспариваются на основании статей 10 и 168 Гражданского кодекса Российской Федерации как сделки, совершенные со злоупотреблением правом (например, по-

становление Арбитражного суда Московского округа от 16.02.2024 по делу А40–286206/2021 [Ф05–6189/2023]).

Центральным критерием оценки действительности семейно-правовых сделок в банкротстве является «фактическая равноценность раздела». Любое существенное отступление от принципа равенства долей влечет недействительность сделки. Без надлежащего финансового обоснования неравноценный раздел квалифицируется как безвозмездное отчуждение части имущества должника в пользу заинтересованного лица (супруга). В случаях, когда супруги заявляют о предоставлении встречной компенсации (выплаты денежных средств за превышение доли), арбитражные суды применяют повышенный стандарт доказывания. Субъектам необходимо предоставить объективные доказательства финансовой состоятельности супруга-плательщика и документальное подтверждение реального движения денежных средств.

Исключения из правила: отсутствие вреда кредиторам

Доктрина и судебная практика признают ограниченный перечень ситуаций, при которых брачный договор сохраняет юридическую силу в силу отсутствия факта причинения вреда конкурсной массе:

1. Получение должником имущества большей стоимости. Если по условиям соглашения в единоличную собственность должника перешло имущество, рыночная стоимость которого превышает стоимость активов, перешедших его супруге, сделка признается правомерной (например, постановления судов кассационной инстанции от 21.05.2024 по делу А67–1957/2021 [Ф04–1737/2022] и от 20.05.2024 по делу А56–28501/2021 [Ф07–4082/2024]).

2. Передача имущества, защищенного исполнительским иммунитетом. В ситуациях, когда супругу передается имущество, находившееся в общей собственности, но не подлежащее включению в конкурсную массу в силу закона (статья 446 Гражданского процессуального кодекса) (например, единственное пригодное для проживания жилье, не обремененное ипотекой), суды отказывают в признании сделки недействительной, так как кредиторы в любом случае не могли претендовать на данный актив (постановление Арбитражного суда Московского округа от 20.05.2024 по делу А40–257120/2021 [Ф05–4597/2024]).

Процессуальные стратегии арбитражных управляющих: исковая давность и последствия недействительности

Противодействие целенаправленному выводу активов в ходе бракоразводного процесса требует от арбитражных управляющих использования многосоставных процессуальных стратегий. Первоочередной задачей является преодоление барьера исковой давности. Супруги нередко заключают брачный договор за несколько лет до инициации банкротства, скрывая его наличие от публичных реестров.

Верховный Суд Российской Федерации и суды кассационных инстанций сформировали позицию, согласно которой течение срока исковой давности для оспаривания

брачного договора начинается только с момента, когда финансовый управляющий фактически получил копию договора и смог оценить его условия на предмет вреда кредиторам, при условии, что он предпринял своевременные и надлежащие меры для истребования информации у должника, органов ЗАГС и нотариата (постановление по делу А40–62389/2020 [Ф05–7894/2024] от 15.05.2024). При этом истребование информации об имуществе бывшего супруга должно осуществляться с соблюдением принципа соразмерности: финансовый управляющий обязан обосновать суду конкретный период, за который запрашиваются сведения, чтобы не нарушать право на неприкосновенность частной жизни (Определение ВС РФ по делу А40–180412/2019 [305-ЭС22–9834]).

В случаях, когда возврат выведенного актива в натуре невозможен ввиду его последующего отчуждения супругом третьим лицам, судебная практика выработала следующие механизмы защиты прав кредиторов:

1. Синхронное оспаривание всей цепочки сделок. Управляющий в рамках одного спора требует признать недействительным как сам брачный договор, так и последующие договоры купли-продажи с третьими лицами, доказывая единый умысел на вывод ликвидности (практика Арбитражного суда Алтайского края по делу А03–10732/2020).

2. Предварительное восстановление режима совместной собственности. Первично оспаривается брачный договор для юридического аннулирования раздельного режима. После вступления судебного акта в силу (например, дело А70–9582/2020 [Ф04–2038/2023] от 11.04.2024) управляющий получает легитимное основание для оспаривания последующих отчуждений имущества. Срок исковой давности для оспаривания последующих сделок исчисляется с момента вступления в силу акта о признании брачного договора недействительным (дело А19–22331/2018 [Ф02–1257/2024] от 26.04.2024).

3. Взыскание действительной рыночной стоимости. Если конечный приобретатель признается добросовестным, суд применяет последствия недействительности сделки между супругами в виде взыскания с супруга-бенефициара рыночной стоимости незаконно полученной доли должника (постановления по делам А42–8219/2020 [13АП–7660/2023] от 17.07.2023 и А76–3047/2021).

4. Квалификация брачного договора как транзитного звена. Как указал Верховный Суд РФ в деле А56–7844/2017 [307-ЭС21–8025], брачный договор может оцениваться судом лишь как техническое звено в цепочке подозрительных сделок, что позволяет истребовать имущество в массу без формального заявления самостоятельного требования об оспаривании самого брачного контракта.

Трансформация правового режима обязательств: солидарные долги и распределение выручки

Раздел имущества неразрывно связан с квалификацией пассивов. Согласно пункту 2 статьи 45 Семейного кодекса Российской Федерации, взыскание обращается на общее имущество супругов по их общим (солидарным) обязательствам, а также по долгам одного из супругов,

если будет доказано, что все полученное по обязательству было использовано исключительно на нужды семьи.

В правоприменительной практике презюмируется, что долг, оформленный на имя одного из супругов, является его личным обязательством. При бракоразводном процессе супруги зачастую избегают квалификации долгов как совместных, стремясь локализовать долговое бремя на стороне неплатежеспособного лица. Однако арбитражный суд, рассматривающий дело о банкротстве, наделен компетенцией по разрешению вопроса о признании долга совместным на основании ходатайства финансового управляющего или кредитора.

Квалификация долгов отличает порядок распределения денежных средств, вырученных от реализации общего имущества супругов на электронных торгах. Алгоритм, утвержденный в пункте 6 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 25.12.2018 № 48, устанавливает дифференцированный подход: если обязательства должника квалифицированы как личные, доля супруга (как правило, 50 %) незамедлительно выплачивается ему после реализации актива. Если же суд признает обязательства совместными, денежные средства, приходящиеся на долю второго супруга, направляются кредиторам для преимущественного погашения этих общих долгов, и лишь оставшаяся после полного погашения часть выплачивается супругу (Определение ВС РФ от 03.03.2015 № 5-КГ14-162).

Заключение

Проведенный анализ межотраслевого взаимодействия законодательства, а также актуальной правоприменительной практики высших судебных инстанций позво-

ляет констатировать, что влияние бракоразводного процесса на процедуру несостоятельности физических лиц носит глубоко системный характер. Процедура банкротства не аннулирует фундаментальные права супругов на судебную защиту и раздел совместного имущества в судах общей юрисдикции, что выступает важнейшей процессуальной гарантией защиты института семьи.

Вместе с тем, свобода заключения семейно-правовых договоров (брачных контрактов, соглашений о разделе) в условиях преддверия неплатежеспособности существенно ограничивается императивами Закона о банкротстве. Оспаривание непропорционального раздела активов базируется на принципах фактической равноценности и недопустимости безвозмездного отчуждения, требуя от сторон соблюдения повышенного стандарта доказывания встречного предоставления. Нормы статьи 46 Семейного кодекса Российской Федерации трансформировались в мощный инструмент конкурсного права, позволяющий управляющим игнорировать скрытые изменения имущественного режима должника.

Судебная система демонстрирует взвешенный, телеологический подход к разрешению межотраслевых коллизий. Эффективно пресекая схемы фиктивного развода и искусственного вывода ликвидности через механизмы взыскания рыночной стоимости долей и признания долгов солидарными, суды одновременно обеспечивают строгую защиту добросовестных супругов и исторически сложившихся имущественных отношений. Дальнейшее развитие правоприменительной практики должно быть направлено на кристаллизацию стандартов доказывания финансовой эквивалентности внутрисемейных транзакций и обеспечение стабильного баланса между публично-правовыми целями банкротства и частноправовыми интересами супругов.

Литература:

1. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24 июля 2002 г. № 95ФЗ (ред. от 25.12.2023, с изм. от 16.01.2025) // Собрание законодательства РФ. — 2002. — № 30. — Ст. 3012; 2023. — № 52 (часть I). — Ст. 9065.
2. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ (ред. от 28.12.2024, с изм. от 16.01.2025) // Собрание законодательства РФ. — 2002. — № 46. — Ст. 4532; 2024. — № 53 (часть I). — Ст. 8531.
3. Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» от 26.10.2002 N 127-ФЗ (ред. 03.07.2019). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39331/ (дата обращения 27.05.2026 г.).
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25.12.2018 № 48 «О некоторых вопросах, связанных с особенностями формирования и распределения конкурсной массы в делах о банкротстве граждан».
5. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 24.12.2020 № 305-ЭС20-14008 по делу № А40-52467/2019.
6. Ломакина П. А. Правовое регулирование имущественных отношений супругов при банкротстве одного из них: дис.... канд. юрид. наук: 12.00.03. — Москва, 2021. — 215 с.
7. Левушкин А. Н. Банкротство супругов и бывших супругов: правовые реалии и тенденции правоприменения // Семейное и жилищное право. — 2020. — № 6. — С. 16–19.
8. Суворов Е. Д. Банкротство граждан. Фундаментальный комментарий к закону, судебной-арбитражной практике и доктрине. — М.: Статут, 2022. — 450 с.
9. Салимов А. Ш., Воронина С. В. Конкурсная масса супруга-должника: межотраслевой аспект // Российско-азиатский правовой журнал. — 2020. — № 3. — С. 26–30.

10. Оспаривание брачного договора в банкротстве — Закон.ру, https://zakon.ru/Blogs/osparivanie_brachnogo_dogovora_v_bankrotstve/106213
11. Супруги разделили имущество. Как оспорить сделку — Рыков и Партнеры, <https://grykov.ru/razdel-obshchego-imushchestva-suprugov/sudebnye-spory/suprugi-razdelili-imushchestvo-kak-kreditoram-osporit-sdelku>
12. Раздел имущества супругов при банкротстве: практика ВС РФ, <https://pandektum.ru/dolgi-supruga-pri-bankrotstve-i-kompensacija-za-dolju-obzor-vs-rf/>
13. Ученые записки — Санкт-Петербургский государственный экономический университет, https://unecon.ru/wp-content/uploads/2022/05/fin_3848_pechat.pdf

Криминалистическая профилактика: современное состояние и перспективы

Тупица Сергей Геннадьевич, студент

Научный руководитель: Овчаренко Игорь Анатольевич, кандидат юридических наук, доцент

Северо-Кавказский федеральный университет (г. Ставрополь)

Статья посвящена анализу современного состояния и определению перспектив развития криминалистической профилактики как одного из ключевых направлений предупредительной деятельности в правоохранительной сфере. Рассматриваются дискуссионные вопросы понятийного аппарата. Особое внимание уделяется профилактическому потенциалу расследования уже совершённых преступлений.

В статье подробно освещается проблема студенческой преступности, выделяются детерминанты преступности в образовательной среде.

Формируется вывод о том, что криминалистическая профилактика находится на этапе теоретического оформления. Необходима унификация понятийного аппарата, разработка частных криминалистических методик профилактики для различных видов преступлений, а также изменение правового регулирования с внедрением чётких критериев эффективности профилактической деятельности следователя.

Ключевые слова: криминалистическая профилактика, предупреждение преступлений, студенческая преступность, детерминанты преступности, подростковая преступность, цифровая трансформация преступности.

Криминалистика долгое время воспринималась исключительно как наука о раскрытии и расследовании преступлений. Три её основных элемента, а именно криминалистическая техника, тактика и методика, прочно ассоциировалась с реакцией на уже совершённое деяние. Однако в последние годы всё чаще начинают думать о том, что криминалистический потенциал не исчерпывается поиском доказательств. Гораздо эффективнее не дать преступлению случиться, используя те же самые инструменты для его предупреждения.

В условиях цифровой трансформации общественных отношений структура преступности меняется кардинально. Традиционные кражи уступают место кибермошенничеству, а на смену уличной преступности приходят дистанционные хищения и вовлечение граждан в противоправную деятельность через мессенджеры. Основными проблемами здесь являются анонимность, трансграничный характер, использование подставных лиц. По этой причине государству эффективнее использовать больше сил для предупреждения преступлений. И здесь криминалистическая профилактика становится необходимым элементом стратегии правоохранительной деятельности [1].

Содержание криминалистического предупреждения преступлений до сих пор остаётся дискуссионным в на-

учной среде. Анализ позиций учёных показывает, что в прикладном значении этот феномен включает два взаимосвязанных элемента: криминалистическую профилактическую деятельность и криминалистическую деятельность, направленную на предотвращение преступлений.

Профилактика представляет собой работу с обстоятельствами, способствующими совершению преступления, выявление уязвимых мест в защищённости объектов, устранение условий, которые преступник может использовать в своих целях.

Предотвращение же является непосредственным пресечением готовящегося деяния на стадии приготовления или покушения с использованием криминалистических знаний и средств.

Одним из ключевых инструментов криминалистической профилактики является расследование уже совершённых преступлений. В ходе производства по уголовному делу следователь обязан выявлять обстоятельства, способствовавшие совершению преступления. По результатам такого выявления в соответствующую организацию или должностному лицу вносится представление о принятии мер по устранению указанных обстоятельств.

Особый вектор развития криминалистической профилактики связан с цифровизацией. Криминалистические знания могут использоваться для затруднения реа-

лизации способа совершения преступления на стадии его подготовки. Например, анализ способов взлома программного обеспечения позволяет разработчикам выстраивать многоуровневую защиту, делающую нецелесообразными попытки несанкционированного доступа. Отдельно стоит затронуть криминалистическую профилактику в специализированных сферах, в частности в образовательной среде.

Проблема студенческой и подростковой преступности приобретает в последние годы особую остроту в связи с большим количеством образовательных организаций и, соответственно, значительной численностью обучающихся. При этом студенческая преступность остаётся недостаточно изученной, а её объективные оценки зачастую отсутствуют.

В 2024 году вышла диссертация Рыбокитовой Ж. И. «Предупреждение преступности среди студентов образовательных организаций», в которой автором сформулировано понятие студентов как лиц, обучающихся преимущественно на очной форме в возрасте от 16 до 25 лет [2]. Такой подход позволяет сфокусироваться именно на той части молодёжи, которая в наибольшей степени подвержена групповому негативному влиянию.

В числе детерминантов студенческой преступности выделяются не только традиционные экономические факторы, такие как, инфляция, безработица, проблема трудоустройства, но и новые криминогенные угрозы. К ним можно отнести вербовку студентов в террористическую и экстремистскую деятельность, вовлечение в деструктивные фанатские движения, пропаганду запрещённой идеологии и так далее. Подобные факторы являются основными вызовами и проблемами, с которыми сталкиваются сотрудники правоохранительных органов и педагоги.

На региональном уровне профилактическая работа также активизируется. Например, в Краснодарском крае на итоговом заседании комиссии по делам несовершеннолетних в декабре 2025 года особое внимание было уделено предупреждению повторной подростковой преступности и организации работы с детьми, состоящими на профилактическом учёте [3].

Литература:

1. Махтаев, М. Ш. Криминалистическое обеспечение предупреждения преступлений (правонарушений): учебник для вузов / М. Ш. Махтаев. — Москва: Издательство Юрайт, 2026. — 229 с.
2. Рыбокитова Ж. И. Предупреждение преступности среди студентов образовательных организаций (по материалам Центрального федерального округа): дис.... канд. юрид. наук: 5.1.4. — Тамбов, 2024. — 321 с.
3. Постановление Комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав Красноярского края от 02.12.2025 № 101-кдн «Использование ресурса общественных организаций и наставников в индивидуальной профилактической работе с несовершеннолетними и их семьями»
4. Цурлуй О. Ю. Криминалистическое прогнозирование — важнейшая составляющая криминалистической профилактики: Союз криминалистов и криминологов, 2025. № 2. — С. 205–212.

В свою очередь, в муниципальных образованиях разрабатываются и реализуются планы совместных мероприятий по профилактике правонарушений, объединяющие усилия образовательных учреждений, органов внутренних дел, комиссий по делам несовершеннолетних. Такие планы включают формирование банка данных о семьях и детях «группы риска», проведение профилактических бесед с участием сотрудников ГИБДД, мониторинг употребления психоактивных веществ, а также мероприятия по профилактике экстремизма и воспитанию толерантности. Регулярно проводятся сверки списков несовершеннолетних, состоящих на различных видах учёта, организуется их летняя занятость. Это системная работа, которая со временем приносит реальные результаты [4].

Складывается мнение, что криминалистическая профилактика на данный момент нестабильна. С одной стороны, накоплен огромный теоретический потенциал и понимание важности упреждающей деятельности. С другой стороны, отсутствует единый понятийный аппарат, размыты границы между криминалистической и криминологической профилактикой, а практические инструменты зачастую используются формально. Учёные-криминалисты до сих пор не пришли к единому мнению о том, что именно считать криминалистическим предупреждением преступлений, и оперируют терминами «профилактика», «превенция», «предотвращение» как синонимами, что создаёт терминологическую путаницу.

Перспективы развития видятся в нескольких направлениях. Во-первых, необходима унификация понятийного аппарата, без которого невозможно построение теории. Во-вторых, требуется разработка конкретных криминалистических методик профилактики для различных видов преступлений.

Подытоживая анализ, можно констатировать, что криминалистическая профилактика перестала быть сугубо теоретической конструкцией. Она существует в представлениях следователей, в планах межведомственных комиссий, в рекомендациях по проектированию безопасных объектов. Задача ближайшего будущего не изобретать новые инструменты, а научиться эффективно пользоваться уже имеющимися.

Понятие, предмет тактики судебного следствия как частного криминалистического учения

Ужонкова Мария Юрьевна, студент магистратуры
Кубанский государственный университет (г. Краснодар)

В данной статье приведены подходы к определению тактики судебного следствия, а также рассмотрено содержание предмета тактики судебного следствия. На основании исследования сделан вывод о необходимости применения и учета положений криминалистической тактики для построения тактики судебного следствия.

Ключевые слова: судебное следствие, тактика судебного следствия, криминалистическая тактика, уголовное судопроизводство.

Основу такого этапа судебного разбирательства, как судебное следствие, составляет доказывание, осуществляемое посредством производства судебно-следственных действий в целях установления или опровержения ранее собранных по результатам предварительного следствия материалов. На данном этапе стороны вправе представить и обосновать доказуемость тех или иных фактов, на которые они ссылаются в обосновании своей позиции по делу, формируется база судебного решения по делу. Ввиду повышенной значимости анализируемого процессуального явления в науке было предложено несколько позиций относительно его определения.

Как отмечает исследователь А. А. Хайдаров, судебное следствие представляет собой основу судебного разбирательства, так как именно на данной стадии наиболее широко стороны демонстрируют свои полномочия по достижению конечной цели правосудия [1].

Обращаясь к иной вариации терминологии, следует отметить, что судебное следствие характеризуется системой процессуальных действий со стороны участников процесса, то есть суда, стороны обвинения и стороны защиты, а также иных субъектов, оказывающих содействие правосудию. Данные процессуальные действия отличаются четкой последовательностью, закономерностью и регламентацией со стороны законодательства [2].

В свою очередь В. К. Случевский определяет судебное следствие как проверочный этап, на котором дается окончательная оценка собранным и представленным доказательствам. Н. А. Селедкина дополняет вышеуказанное определение, говоря о судебном следствии, как о части судебного разбирательства, происходящего в условиях гласности, открытости, состязательности и равноправия сторон, нацеленного на установление действительных событий совершенного преступного деяния [3].

М. С. Строгович определяет судебное следствие как деятельность суда по проверке собранных и представленных доказательств с участием сторон в целях поддержания независимости и объективного судебной деятельности [4]. В дополнение к определению М. С. Строгович, С. А. Насонов указывает на то, что на судебном следствии в наибольшем объеме осуществляется процессуальное доказывание по делу, выражающееся в сборе, проверке и оценке доказательств по делу [5]. В подтвер-

ждение мнения С. А. Насонова, постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.11.2016 № 55 «О судебном приговоре» содержит следующее положение: «обвинительный приговор должен быть постановлен на достоверных доказательствах, когда по делу исследованы все возникшие версии, а имеющиеся противоречия выяснены и оценены».

Таким образом, как видится, основной задачей судебного следствия является представление и тщательное исследование всех верно процессуально оформленных доказательств, имеющих отношение к делу. Обобщая вышесказанное, судебное следствие относится к деятельности, регламентированной действующим процессуальным законодательством, устанавливающим имеющие для уголовного расследования обстоятельства, которые в дальнейшем разрешают вопрос о виновности лица и необходимости назначения соответствующего наказания.

В свою очередь, С. Ю. Якушин определяет тактику судебного следствия как как систему научно обоснованных положений и рекомендаций, направленных на выбор и применение допустимых тактических приёмов и оптимальной линии поведения участников судебного разбирательства [6].

Д. Н. Балашов характеризует тактику судебного следствия, как совокупности определенных методов планирования и организации проведения судебных действий, опираясь на конкретно сложившуюся между субъектами уголовного разбирательства [7]. Согласно позиции М. А. Михайлова, помимо ранее указанное, тактика судебного следствия включает в себя планирование действий, направленных на собирание доказательственной информации в условиях судебного следствия [8]. Как утверждает С. Л. Кисленко, сущность тактики судебного следствия отражена в следующем определении: это разработанной наукой криминалистикой система рекомендаций по избранию и применению наиболее допустимых и целесообразно обоснованных стратегий поведения субъекта с учетом объективной ситуации и субъектного отношения к ней и иным участникам следствия [9].

Итак, тактику судебного следствия можно обозначить как разработанную и рекомендованную криминалистической наукой и апробированную судебной практикой систему рекомендаций по применению тактических средств

исследования доказательств в суде, а также по выбору наиболее эффективных и целесообразных способов (линии) поведения участников уголовного судопроизводства.

Стоит отметить, что такие стадии уголовного процесса, как предварительное и судебное следствие, обладают некой общностью целей своей деятельности и «предназначения», заключающейся в установлении объективных событий преступления, а также поиске обстоятельств, подтверждающих виновность или невиновность конкретного лица, то есть — формирование доказательств по делу. Помимо этого, обе стадии характеризуются детальной законодательной регламентацией на основании положений процессуального закона, что формирует единую нормативно-правовую основу деятельности. Данные этапы взаимосвязаны в аспекте преемственности той информации, которая будет передана для дальнейшей разработки, образуя собой целостную, последовательную систему действий всех участников процесса. В этой связи возникает закономерный вопрос о целесообразности разработки отдельных положений о тактике судебного следствия. Стоит отметить, что имеются противоречивые взгляды авторов, занявшие позиции, согласно которым они поддерживают положения о данном виде тактики, а также имеются и опровергающие необходимость в столь детальной проработке вопроса. Так, стоит отметить, что относительно позиции «за» представлены следующие аргументы: во-первых, это центральный познавательный этап уголовного процесса, требующий от всех участников активного и продуманного тактического поведения.

В этой связи именно тактические учения способствуют проведению наиболее организованного процесса в целях достижения целей уголовно-процессуальной деятельности; во-вторых, на стадии судебного следствия активное участие принимает состав субъектов, отличных от тех, что были задействованы на предварительном следствии, что влечет за собой необходимость подбора адаптивных тактических приемов организации взаимодействия между участниками процесса. В этой связи важно учитывать положения принципа состязательности, определяющего содержания указанных взаимоотношений и порядка проведения разбирательства; в-третьих, верно организованные тактические приемы и комбинации представления доказательств способствуют формированию у суда присяжных истинно верного внутреннего убеждения относительно факта виновности или невиновности конкретного подсудимого, что повышает степень объективности итоговых или окончательных решений. Относительно позиции «против» в теории выражено не так много позиций ввиду, как представляется, очевидной необходимости тактических учений по вопросам проведения и организации судебного следствия, однако, такие мнения имеются, потому их целесообразно отразить в рамках настоящего исследования.

Во-первых, строгий процессуальный порядок проведения судебного разбирательства может ограничивать

возможности применения некоторых видов тактических приемов и их комбинаций. Во-вторых, по сравнению с настоящей темой исследования в науке представлено множество трудов, посвященных теме тактики организации предварительного следствия, что порождает ситуацию, в которой положения, разработанные для предварительного следствия, автоматически проецируются на стадию судебного следствия, что в корне неверно ввиду обозначенных ранее условий, факторов и причин. В-третьих, ввиду отсутствия вариативности ситуации, на стадии судебного следствия представляется затруднительным применение тактических приемов, характеризующихся факторами внезапности, потому что они теряют свою значимость и эффективность для анализируемой стадии.

На основании изложенного, можно сделать вывод, что вопреки отмеченным ограничениям, научные исследования и практика демонстрируют необходимость применения и учета положений о тактических рекомендациях построения судебного следствия. Она не сводится к формальному исполнению процессуальных норм, а представляет собой комплекс рациональных действий участников, направленных на достижение целей судебного доказывания в условиях состязательности и публичности.

В качестве отличительного признака тактики проведения судебного следствия необходимо отметить объективность суда при рассмотрении материалов дела, не отдавая предпочтение исключительно сведениям, собранным и оформленным следственными органами. Суд является ключевой фигурой в ходе следствия, он самостоятельно принимает решение об исследовании и отнесении материалов к доказательственной информации. Однако, наравне с представленными доказательствами, суд при принятии решений по делу руководствуется внутренним убеждением в сочетании с требованиями уголовно-процессуального законодательства. Для выполнения указанных полномочий судья должен обладать высоким уровнем профессионализма, иметь качественную психологическую подготовку, соблюдать предписания этики сотрудников правоохранительных органов в целях создания и поддержания благоприятной атмосферы в судебном заседании [10]. Эмоциональная составляющая должна быть подавлена личностными профессиональными качествами судьи вопреки проявлению грубости по отношению к участникам процесса независимо от их поведения.

Между тем, в отношении тактических приемов действует ряд критериев допустимости их применения.

Во-первых, тактические приемы могут применяться на основании информации, поступившей в правоохранительные органы их различных источников, о факте совершения противоправного деяния. Эта информация должна быть подвергнута всестороннему криминалистическому анализу в едином блоке смысловой базы. Данный тезис свидетельствует о необходимости работы как следственных, так и судебных органов с учетом специфики деятельности друг друга, то есть разрабатывать крими-

налистическую тактику, технику и методику с опорой на всю деятельность, связанную с уголовным судопроизводством.

Во-вторых, суд вправе делегировать часть своих полномочий, которые четко закреплены в законе. В науке эти полномочия именуются дискреционными и зачастую направлены на стороннее получение, исследование и оценку доказательств, собранных в рамках запроса суда или постановления/ определения судьи [11]. В соответствии с требованиями современного времени, актуальных технических возможностей, становится очевидной необходимость построения судебной тактики с опорой на эти положения криминалистической науки и объективной реальности. При формулировке криминалистической характеристики следует учитывать специфику последующего судебного разбирательства по каждому конкрет-

ному уголовному делу, так как от этого зависит тактика построения судебного следствия.

На основании изложенного, можно сделать вывод, что предметом тактики судебного следствия является совокупность объективных закономерностей о планировании, организации и проведении судебных действий, а также выборе и применении тактических приёмов и линии поведения участников судебного разбирательства, направленных на эффективное собирание, исследование и оценку доказательств, установление обстоятельств дела и выявление причин и условий, способствующих совершению и сокрытию преступлений. Эти закономерности отражают объективные связи и процессы, обеспечивающие рациональность и результативность судебного следствия в условиях состязательности и публичности уголовного процесса.

Литература:

1. Хайдаров А. А. Проблема соотношения понятий «судебное заседание», «судебное разбирательство» и «судебное следствие» в уголовно-процессуальном законе // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2021. № 5. С. 48.
2. Камардина А. А. О понятии и сущности правосудия в уголовном судопроизводстве // Вестник Оренбургского государственного университета. 2024. № 3. С. 6.
3. Селедкина Н. А. Судебное следствие в российском уголовном процессе: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург. 2015. С. 30.
4. Наумов А. М. Взгляды М. С. Строговича на уголовное преследование // Правовая политика и правовая жизнь. 2022. № 1. С. 97.
5. Якушин С. Ю. Понятие, задачи и средства тактико-криминалистического обеспечения предварительного и судебного следствия // Государство и право. 2020. № 4. С. 16.
6. Криминалистика: учебник / под ред. Д. Н. Балашова. М., 2021. С. 47.
7. Михайлов М. А. Тактика следственных и судебных действий: курс лекций. М., 2020. С. 4.
8. Цит. по: Криминалистика: учебник и практикум для вузов / под ред. Н. П. Яблокова. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2025. 135.
9. Никитина С. В. Формы доказательственной деятельности судьи в досудебных стадиях российского уголовного судопроизводства (теоретический аспект). // Юридический вестник Кубанского государственного университета. 2020. № 3. С. 55–60.
10. Ким Д. В. Проблемы теории и практики разрешения криминалистических ситуаций в процессе раскрытия, расследования и судебного рассмотрения уголовных дел: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Омск. 2009. С. 129.
11. Гавло В. К. Криминалистическое обеспечение предварительного и судебного следствия как задача криминалистической методики // Право. 2017. № 3. С. 27.

Проблема определения предмета роскоши при разделе имущества супругов

Филиппов Дмитрий Юрьевич, студент;

Малинин Александр Александрович, студент

Научный руководитель: Максимова Наталья Анатольевна, кандидат юридических наук, доцент
Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина

В статье анализируются правовые проблемы, связанные с разделом предметов роскоши между супругами при расторжении брака. Несмотря на широкое использование категории «предметы роскоши» в семейном, гражданском и гражданском процессуальном законодательстве, легальное определение данного понятия отсутствует, что порождает противоречивую судебную практику.

Ключевые слова: предмет роскоши, раздел имущества супругов, совместная собственность супругов, вещи индивидуального пользования, оценочная категория.

Большинство споров, касающихся семейно-правовых отношений, связано непосредственно с имуществом, либо нажитым супругами, либо предполагаемым таковым. С учетом того факта, что данная категория споров сама по себе является достаточно сложной с точки зрения правового регулирования, отсутствие четких дефиниций обуславливает еще большую практическую сложность в их разрешении. Именно таковой особенностью обладают предметы роскоши в сфере раздела имущества супругов.

Как справедливо отмечает Н. В. Митрофанов, рассуждая о перечне совместно нажитого имущества, следует выделить несколько спорных моментов, из которых нас интересует первый, который затрагивает перечень вещей, подпадающих под драгоценности и предметы роскоши, являющиеся личным имуществом в силу пункта 2 статьи 36 СК РФ [8]

Сложность такой дефиниции как «предмет роскоши» обусловлена тем фактом, что несмотря на ее межотраслевой характер (как указывают А. Э. Багдасарова и Н. К. Джафаров, роскошь (или предметы роскоши) упоминается в Гражданском кодексе РФ, Семейном кодексе РФ, Гражданском процессуальном кодексе РФ, а также в банкротном, таможенном, налоговом и контрактном законодательстве [7]) легального определения такого понятия законодателем не предложено. Данное обстоятельство, с учетом того факта, что сама по себе «роскошь» — понятие оценочное (то есть в конкретном споре предметом роскоши может быть признано практически любая вещь), и создает значительные затруднения в правоприменительной, в том числе судебной практике.

Разумеется, рассматривать вопрос раздела предметов роскоши при договорном режиме собственности супругов мы не станем, так как при регулировании правовых отношений их участниками предполагается, что данный вопрос ими решен заранее и не станет предметом спора.

Так как предмет нашего исследования именно «раздел предметов роскоши между супругами», то обратимся непосредственно к источнику семейного права, регулирующему данный вопрос. Так, п. 2 ст. 36 СК устанавливает, что «вещи индивидуального пользования (одежда, обувь и другие), за исключением драгоценностей и других предметов роскоши, хотя и приобретенные в период брака за счет общих средств супругов, признаются собственностью того супруга, который ими пользовался». [1] Из данного пункта позиция законодателя очевидно такова, что, предмет роскоши имеет двойственную природу: он является вещью индивидуального пользования, однако правовой режим его общий, характерный для совместно нажитого имущества. Таким образом, при разделе имущества он должен будет входить в делимое между супругами имущество.

В отсутствие определения судебная практика и доктрина выработала определенные критерии, по которым возможно установить, является ли данный предмет спора роскошью. Как отмечает С. П. Гришаев в постатейном комментарии к Семейному кодексу РФ, «вопрос решается судом с учетом конкретных обстоятельств и материального положения данной семьи». [9] Значительно проще разрешается вопрос, касающийся драгоценностей, так как в данном случае нам достаточно обратиться к ст. 1 Федерального закона «О драгоценных металлах и драгоценных камнях», в соответствии с которой к драгоценностям относятся драгоценные металлы (золото, серебро, платина и металлы платиновой группы) и драгоценные камни (природные алмазы, изумруды, рубины, сапфиры, александриты, а также природный жемчуг) [2], что порой представляется не полностью логически оправданным, так как, как отмечают А. Э. Багдасарова и Н. К. Джафаров, по данному правилу «серебряный кулон весом 0,5 грамма стоимостью около 500 рублей в соответствии с действующим законодательством формально считается предметом роскоши, что противоречит здравому смыслу». [7] Судебная же практика указывает на то, что необходимо учитывать видовые характеристики имущества, его стоимость, а также ценность для конкретной семьи, следовательно к предметам роскоши могут быть отнесены, в частности, произведения искусства, антикварные и уникальные вещи (например, дорогие наручные часы, что зачастую и является предметом споров), которые не являются необходимыми предметами и не предназначены для удовлетворения потребностей всех членов семьи. [3]

На основании анализа судебной практики, возможно сделать вывод о том, что самым важным критерием, которым руководствуется суд при отнесении вещи к предмету роскоши является его относительная цена (то есть стоимость вещи относительно делимого имущества). Так, в Апелляционном определении Московского городского суда от 18 июля 2022 г. по делу № 33–25781/2022 суд пришел к выводу, что часы стоимостью 33 290 рублей невозможно отнести к драгоценностям либо к предмету роскоши, исходя из их технических характеристик и стоимости [4]. Суд также не включил в состав общего имущества, подлежащего разделу, шубу, приобретенную в браке и находящуюся в пользовании ответчицы, поскольку доказательств того, что данная шуба является предметом роскоши, в деле не имелось.

Прямо противоположную позицию занял Московский городской суд в деле № 33–56288/2023, указав, что «указанные часы являются предметом роскоши, а потому подлежат разделу на основании ч. 2 ст. 36 СК РФ», более того суд установил, что «часы...были подарены ответчиком секретарю, суд исходил из того, что факт приобретения указанных часов в период брака, а равно дарения

(приобретения) часов в пользу третьего лица, подтверждается документами на часы, упаковками (коробками), показаниями, допрошенного в судебном заседании свидетеля. Сведений об иной стоимости указанного имущества (часов) суду не представлено». [5]

Наконец, в Определении Воронежского областного суда от 15 февраля 2011 г. по делу № 33–854 суд отказал в разделе двух женских шуб и женской дубленки, принадлежащих ответчице, поскольку это имущество является одеждой, т. е. вещью индивидуального пользования, и доказательств того, что данные предметы являются роскошью, суду не представлено. [6]

Таким образом, вопрос относимости одних и тех же вещей к предметам роскоши является абсолютно оценочным и, по нашему мнению, не требует никакой иной

оценки помимо личной (супругов) и судебной (в развitiи, экспертной при невозможности определения действительной стоимости). Само введение понятия предмета роскоши именно в семейное законодательство приведет к утрате определенной гибкости в отнесении вещей к данной категории, так как понятие «роскошь» определяется применительно к достатку каждой конкретной семьи, а значит введение единого понятия само по себе приведет к несправедливым решениям. Единственным возможным в этой области нововведением нам видится исключение драгоценностей как вещей, абсолютно относимы к «предметам роскоши» без оценки их стоимости, а также внесение в сам СК РФ положений, касающихся критериев «предмета роскоши», таких как видовые характеристики, стоимость и значимость для конкретной семьи.

Литература:

1. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 19.12.2022) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 1. Ст. 16.
2. Федеральный закон от 26.03.1998 № 41-ФЗ (ред. от 29.12.2022) «О драгоценных металлах и драгоценных камнях» // Собрание законодательства РФ. 1998. № 13. Ст. 1463.
3. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 31.07.2018 № 5-КГ18–179 // СПС «КонсультантПлюс»
4. Апелляционное определение Московского городского суда от 18.07.2022 по делу № 33–25781/2022 // СПС «КонсультантПлюс»
5. Апелляционное определение Московского городского суда от 08.12.2023 по делу № 33–56288/2023 // СПС «КонсультантПлюс»
6. Определение Воронежского областного суда от 15.02.2011 по делу № 33–854 // СПС «КонсультантПлюс»
7. Багдасарова А. Э., Джафаров Н. К. Роскошь как оценочная межотраслевая правовая категория: проблемы и перспективы правоприменения // Вестник экономической безопасности. 2023. № 3. С. 16–19.
8. Митрофанов Н. В. Специфика судебных споров, связанных с внедоговорным разделом совместно нажитого имущества супругов // Актуальные проблемы государства и права. 2022. Т. 6. № 2. С. 219–227.
9. Гришаев С. П. Постатейный комментарий к Семейному кодексу Российской Федерации. 2-е изд., перераб. и доп. М.: СПС КонсультантПлюс, 2017.

Отдельные вопросы выселения и прекращения права пользования жилым помещением, занимаемым по договору социального найма

Фролов Тихон Владимирович, студент

Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина

Статья посвящена проблеме ошибочной квалификации судами выезда члена семьи нанимателя из жилого помещения по договору социального найма как вынужденного, а не добровольного. Анализируются случаи, когда законные требования нанимателя, а также реализация принадлежащего ему права пользования расцениваются как конфликт, препятствующий признанию гражданина утратившим право пользования.

Ключевые слова: право пользования жилым помещением, выселение, договор социального найма, временное отсутствие, постоянное отсутствие, утрата права пользования, Постановление Пленума Верховного Суда РФ.

В статье будет рассмотрена проблема применения судами норм жилищного законодательства и разъяснений Пленума Верховного Суда РФ при разрешении

споров о признании членов семьи нанимателя утратившими право пользования жилым помещением, представленным по договору социального найма, связанным

с ошибочной квалификацией выезда из жилого помещения как вынужденного, а не добровольного. Нередко имеет место буквальное следование судов перечню, указанному Пленумом ВС РФ, при исследовании обстоятельств вместо оценки всей их совокупности и, как следствие, в ошибочном определении выезда из спорного жилого помещения вынужденным.

Соответственно, в данных правоотношениях важно разграничивать постоянное отсутствие в спорном жилом помещении и временное. Договор социального найма жилого помещения регулируется Гражданским кодексом РФ (далее — ГК РФ) и Жилищным кодексом РФ (далее — ЖК РФ). Согласно ст. 672 ГК РФ, в государственном и муниципальном жилищном фонде социального использования жилые помещения предоставляются гражданам по договору социального найма жилого помещения. Особого внимания при рассмотрении проблемы прекращения права пользования по иску нанимателя заслуживает ч. 2 данной статьи, в соответствии с которой проживающие по договору социального найма жилого помещения совместно с нанимателем члены его семьи пользуются всеми правами и несут все обязанности по договору найма жилого помещения наравне с нанимателем [1], то есть их правовой статус практически равен.

Гражданину нанимателю жилое помещение предоставляется во владение и пользование для проживания. Ст. 67 ЖК РФ предусмотрены обязанности нанимателя и членов его семьи.

Важнейшей нормой в рассматриваемых правоотношениях является ч. 3 ст. 83 ЖК РФ, согласно которой в случае выезда нанимателя и членов его семьи в другое место жительства договор социального найма жилого помещения считается расторгнутым со дня выезда, если иное не предусмотрено федеральным законом [2]. То есть речь идет о постоянном отсутствии в жилом помещении, предоставленного по договору социального найма.

Важно отметить, что ни в ГК РФ, ни в ЖК РФ, не предусмотрен институт утраты права пользования жилым помещением. При этом в суды поступают заявления именно о признании граждан утратившими право пользования жилым помещением. Многие ученые придерживаются мнения, что термин «признание утратившим право пользования» является более предпочтительным, чем «расторжение договора социального найма». Например, Карпухин Д. В. в обоснование данной позиции ссылается на Обзор законодательства и судебной практики Верховного Суда РФ за II квартал 2007 г., утвержденном Постановлением Президиума Верховного Суда РФ от 01.08.2007, в котором при ответе на вопрос № 4 было указано, что в отношении лица (нанимателя или бывшего члена семьи нанимателя), выехавшего из жилого помещения в другое место жительства, оставшимся проживать в жилом помещении лицом может быть заявлено в суде требование «о признании утратившим право на жилое помещение в связи с выездом в другое место жительства», в этом случае утрата выехавшим из жилого помещения лицом

права на это жилое помещение признается через установление фактов выезда этого лица из жилого помещения в другое место жительства и расторжения им тем самым договора социального найма [9].

Кроме того, в ст. 71 ЖК РФ указано, что временное отсутствие нанимателя жилого помещения по договору социального найма, кого-либо из проживающих совместно с ним членов его семьи или всех этих граждан не влечет за собой изменение их прав и обязанностей по договору социального найма [2]. Иными словами, если будет установлено, что отсутствие временное, то исполнение обязанностей не прекращается.

Пленум ВС РФ в пункте 32 постановления от 02.07.2009 № 14 «О некоторых вопросах, возникших в судебной практике при применении Жилищного кодекса Российской Федерации» указал, что при временном отсутствии нанимателя жилого помещения и (или) членов его семьи, включая бывших членов семьи, за ними сохраняются все права и обязанности по договору социального найма жилого помещения [3].

Продолжая разъяснять положение ч. 3 ст. 83 ЖК РФ, Пленум ВС РФ указывает, что если отсутствие в жилом помещении указанных лиц не носит временного характера, то заинтересованные лица (наймодатель, наниматель, члены семьи нанимателя) вправе потребовать в судебном порядке признания их утратившими право на жилое помещение на основании соответствующей части данной статьи в связи с выездом в другое место жительства и расторжения тем самым договора социального найма [3]. То есть наниматель, в случае спора, являясь заинтересованным лицом в нем, вправе подать иск о признании утратившими право пользования членами его семьи в связи с их выездом в другое место жительства.

При этом Пленум ВС РФ уточняет, что при разрешении споров, связанных с выселением из жилого помещения, предоставленного по договору социального найма, судам надлежит выяснять характер отсутствия кого-либо из членов семьи. А именно по какой причине и как долго ответчик отсутствует в жилом помещении, носит ли его выезд из жилого помещения вынужденный характер (конфликтные отношения в семье, расторжение брака) или добровольный, временный (работа, обучение, лечение и т. п.) или постоянный (вывез свои вещи, переехал в другой населенный пункт, вступил в новый брак и проживает с новой семьей в другом жилом помещении и т. п.), не чинились ли ему препятствия в пользовании жилым помещением со стороны других лиц, проживающих в нем, приобрел ли ответчик право пользования другим жилым помещением в новом месте жительства, исполняет ли он обязанности по договору по оплате жилого помещения и коммунальных услуг и др. Важно обратить внимание на то, что Пленум ВС, приводя примеры, оставляет перечень обстоятельств, подлежащих выяснению, открытым.

Если суды установят, что выезд был добровольным, а также установят отсутствие препятствий в пользовании жилым помещением и обстоятельства, свидетельству-

ющие об отказе ответчика в одностороннем порядке от прав и обязанностей по договору социального найма, иск о признании его утратившим право на жилое помещение подлежит удовлетворению на основании ч. 3 ст. 83 ЖК РФ в связи с расторжением ответчиком в отношении себя договора социального найма [3].

Пленум ВС РФ уточняет, что отсутствие у гражданина, добровольно выехавшего из жилого помещения в другое место жительства, в новом месте жительства права пользования жилым помещением по договору социального найма или права собственности на жилое помещение само по себе не может являться основанием для признания отсутствия этого гражданина в спорном жилом помещении временным, поскольку согласно ч. 2 ст. 1 ЖК РФ граждане по своему усмотрению и в своих интересах осуществляют принадлежащие им жилищные права. Намерение гражданина отказаться от пользования жилым помещением по договору социального найма может подтверждаться различными доказательствами, в том числе и определенными действиями, в совокупности свидетельствующими о таком волеизъявлении гражданина как стороны в договоре найма жилого помещения.

На практике суды, применяя как нормы материального права, так и разъяснения Пленума ВС РФ, ограничено толкуют данные положения, невзирая на предоставление им возможности выяснять и исследовать различные обстоятельства, не ограничиваясь тем примерным перечнем, который дает Пленум ВС РФ. Для доказательства того, что проблема в толковании норм и разъяснений в данных правоотношениях не является новой, в качестве примеров взяты дела 2025 и 2017 годов.

В 2025 году в Луховицком районном суде Московской области было рассмотрено дело по иску нанимателя о признании утратившими право пользования жилым помещением его дочери и внуков в связи с тем, что они не осуществляли обязанность по оплате жилого помещения и коммунальных услуг, а также в связи с их постоянным отсутствием.

Ответчики выехали из спорного жилого помещения в 2014 году по причине конфликта между дочерью истца и ним по поводу оплаты коммунальных услуг.

Суд установил, что конфликт возник из-за требования истца к ответчику исполнить обязанность по оплате (ст. 67 ЖК РФ) и признал выезд недобровольным. Т. е. суд признал конфликтом законное требование истца о выполнении предусмотренной законодательством обязанности. В свою очередь ответчик в судебном заседании заявила, что желает проживать в спорной квартире, однако из-за конфликта, непредоставления ключей от квартиры и сдачи ее в поднаём нанимателем, сделать она этого не может.

Суд признал выезд недобровольным и временным, невзирая на неоплату коммунальных услуг более 10 лет, длительное фактическое проживание в другом месте и отсутствие каких-либо исковых требований к отцу (истцу по данному делу).

Прокурор в апелляционном представлении о признании решение суда незаконным и необоснованным

указал, что ответчица более 10 лет не обращалась в правоохранительные органы с заявлением о чинении препятствий, проживает по другому адресу, не несёт бремя содержания, не ведёт общее хозяйство и фактически является бывшим членом семьи нанимателя. Прокурор пришел к выводу, что она добровольно отказалась от права пользования спорным жилым помещением. Кроме того, в суде ответчик заявила о готовности сняться с регистрационного учёта за денежную компенсацию, но суд это обстоятельство не принял во внимание и не отразил в решении.

Подытоживая анализ данного дела, особенно стоит обратить внимание на одно обстоятельство, которое по-разному расценили суд и прокурор. Суд в своем решении указал на конфликт, вызванный невыполнением ответчиком обязанности по оплате коммунальных услуг и пришел к выводу, что данный конфликт можно расценивать как причину недобровольного выезда из жилого помещения, а значит и как одно из обоснований для отказа в удовлетворении требования истца. Прокурор же в апелляционном представлении иначе расценил данное обстоятельство, указав, что требование истца по оплате коммунальных услуг является законным и обоснованным в соответствии со ст. 69 ЖК РФ, в силу чего не может быть признано конфликтной ситуацией.

При рассмотрении данного дела важно упомянуть мнение Бобровской О. Н., которая утверждает, что при разрешении подобных споров судам необходимо установить как минимум две группы фактов: во-первых, факт приобретения лицом права пользования другим жилым помещением в месте своего нового жительства или пребывания, во-вторых, факт отсутствия препятствий в пользовании жилой площадью со стороны других лиц, проживающих в спорном жилом помещении [5].

Несколько иной точки зрения придерживается Ю. К. Толстой, который полагает, что сам факт непроживания не является основанием для признания гражданина утратившим право пользования, но лишь в совокупности с другими обстоятельствами (добровольностью выезда, отсутствием желания сохранить право на жилое помещение и т. п.) дает основание для признания его таковым [4].

С одной стороны, право пользования другим жилым помещением у ответчика было, с другой, непредоставление ключей от спорного жилого помещения и сдача его в поднаём можно расценивать как чинение препятствий. Однако, можно заключить, что отсутствие фактического проживания всегда является обязательным и необходимым условием для признания гражданина утратившим право пользования.

Иной подобный спор был рассмотрен в 2017 году Канавинским районным судом г. Н.Новгорода [6]. Истец обратился в суд с требованием о признании утратившим право пользования жилым помещением ответчика. Истец, после смерти нанимателя — отца, стал нанимателем спорного жилого помещения, а ответчик приобрел право пользования в качестве члена семьи нанимателя. Как следует из решения суда, ответчик съехал из жилого помещения в

2006 году, в дальнейшем проживал в съёмных квартирах с семьей. Основанием иска стало неосуществление бремена содержания спорного жилого помещения, а также неуплата жилищно-коммунальных расходов, предусмотренных ст. 67 ЖК РФ. Суд оставил исковое заявление без удовлетворения, ссылаясь на то, что ответчику чинились препятствия для пользования жилым помещением. Так, в решении указано, что в спорном жилом помещении проживают дочь истца с супругом, доступа к квартире ответчик не имеет, а значит его непроживание носит вынужденный характер и, соответственно, временный. При этом суд приходит к такому выводу, противореча себе, ссылаясь в обосновании своего решения, в частности, на ст. 71 ЖК РФ, согласно которой временное отсутствие нанимателя жилого помещения по договору социального найма, кого-либо из проживающих совместно с ним членов его семьи или всех этих граждан не влечет за собой изменение их прав и обязанностей по договору социального найма [2]. Иными словами, временное отсутствие члена семьи нанимателя не влечет прекращения его обязанностей, как указывалось ранее. Следовательно, ответчик должен был исполнять обязанности, предусмотренные ст. 67 ЖК РФ, или, хотя бы, в течение 9 лет обратиться в правоохранительные органы в связи с чинением ему препятствий в пользовании жилым помещением.

Проанализировав данные решения, можно прийти к выводу, что суды в ряде случаев узконаправленно толкуют нормы материального права и Постановления Пленума ВС РФ № 14. Видя конфликт между членами семьи, они автоматически встают на сторону ответчиков, считая их слабой стороной по делу и признавая различные законные действия истцов, определяющих их право пользования, как препятствующие пользованию спорным жилым помещением ответчикам.

Однако, вследствие узкого применения разъяснений Пленума ВС РФ, несмотря на то, что он предоставляет возможность судам при рассмотрении споров более широко, чем указано в разъяснении, выяснять и исследовать обстоятельства конкретных дел, используют только тот примерный открытый перечень обстоятельств, подлежащих исследованию, который указал Пленум.

Согласно ст. 195 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации решение суда должно быть законным и обоснованным. Суд основывает решение только на тех доказательствах, которые были исследованы в судебном заседании [7].

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ / СПС «КонсультантПлюс» // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_9027/. — Текст: электронный.
2. Жилищный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 № 188-ФЗ / СПС «КонсультантПлюс» // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_51057/. — Текст: электронный.
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 02.07.2009 № 14 «О некоторых вопросах, возникших в судебной практике при применении Жилищного кодекса Российской Федерации» / СПС «КонсультантПлюс» // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_89120/. — Текст: электронный.

Представляется, что для решения проблемы ошибочной квалификации выезда из жилого помещения как вынужденного, а не добровольного, судам необходимо устанавливать не только факт конфликта в спорах о признании членов семьи нанимателя утратившими право пользования жилым помещением, но и длительность непроживания в спорном жилом помещении, а также действия, которые предпринимались ответчиками в указанный период. Кроме того, важно учитывать невыполнение ответчиками обязанностей, предусмотренных жилищным законодательством при признании их отсутствия в жилом помещении временным.

Помимо этого, возможно установление срока, по истечение которого выезд будет признан добровольным. Например, судам следует оценивать длительность отсутствия в совокупности с действиями (бездействием) ответчика (отсутствие попыток вселения и обращения за защитой права более одного года может свидетельствовать о добровольном отказе, если не доказано обратное).

Масленникова Л. В. и Ковальчук Е. Н. предлагают следующий перечень обстоятельств, которые необходимо включить в предмет доказывания в подобных спорах: заключение в установленном порядке договора социального найма жилого помещения в ином месте проживания; фактическое непроживание ответчика в спорном жилом помещении длительный срок, более шести месяцев; выезд ответчика в другое место жительства; добровольность выезда ответчика в другое место жительства; неисполнение обязанностей по оплате жилищно-коммунальных услуг и др. [4]

Исходя из всего вышесказанного, для единообразного применения норм жилищного законодательства и решения проблемы ошибочной квалификации выезда из жилого помещения как вынужденного, представляется необходимым: 1) учитывать не сам по себе факт конфликта, а его характер и длительность отсутствия ответчика в жилом помещении; 2) придавать правовое значение бездействию ответчика (невыполнение обязанностей, необращение в правоохранительные органы) в течение значительного периода; 3) включить в предмет доказывания обстоятельства, предложенные Масленниковой Л. В. и Ковальчук Е. Н., что позволит судам перейти от буквального следования примерному перечню к оценке совокупности доказательств, свидетельствующих о добровольном отказе от права пользования жилым помещением.

4. Масленникова Людмила Владимировна К. Ю. Н., Ковальчук Екатерина Николаевна. К вопросу о признании граждан утратившими право пользования жилыми помещениями, занимаемыми по договору социального найма // Научный журнал КубГАУ. 2015. № 107. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-priznanii-grazhdan-utrativshimi-pravo-polzovaniya-zhilymi-pomescheniyami-zanimaemymi-po-dogovoru-sotsialnogo-nayma> (дата обращения: 09.06.2026).
5. Бобровская О. Н. Право пользования жилым помещением по договору социального найма: актуальные проблемы межотраслевой теории и судебной практики // Гражданское право. — 2008. — № 2. — С. 2–5.
6. Решение Канавинского районного суда г. Н.Новгорода от 19 июня 2017 г. по делу № 2–2654/2017 // URL: https://sudact.ru/regular/doc/tDRrC4h7bD5l/#case_item
7. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ / СПС «Консультант-Плюс» // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39570/. — Текст: электронный.
8. Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19.12.2003 № 23 «О судебном решении» / СПС «КонсультантПлюс» // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_45640/. — Текст: электронный.
9. Карпухин Д. В. Правоприменительная проблематика выселения из жилых помещений нанимателей по договору социального найма и членов их семей // Жилищное право. — М.: Интел-Синтез, 2008, № 12. — С. 47–58.

Характеристика современного законодательства о спорте и труде профессиональных спортсменов

Цымбал Дарья Сергеевна, студент

Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова (г. Москва)

Нормативно-правовое регулирование профессионального спорта включает в себя широкий спектр нормативных правовых актов, которые регулируют как вопросы государственной спортивной системы в целом, так и вопросы правового регулирования отдельных аспектов деятельности профессиональных и полупрофессиональных спортсменов.

Важно отметить, что с точки зрения государственного управления спортивной деятельностью, у органов спортивного администрирования существует несколько ключевых моделей в части развития спорта и правового регулирования трудовой деятельности профессиональных спортсменов. Стоит подчеркнуть, что правовое регулирование особенностей трудовой деятельности профессиональных спортсменов построено на иерархии правового регулирования трудовой деятельности по законодательству Российской Федерации. Стоит подчеркнуть, что в условиях анализа правового статуса профессиональных спортсменов необходимо обратить особое внимание на такой вопрос как общая иерархия нормативных актов, а также специальные нормативные акты, которые регулируют правовой статус профессиональных спортсменов.

В связи с этим стоит подчеркнуть, что прежде следует начать с анализа особенностей правового регулирования трудовой деятельности и визуализации иерархии нормативных актов Российской Федерации, после чего перейти к оценке особенностей правового регулирования спорта и спортивной деятельности в России.

Отдельного внимания заслуживает вопрос государственной политики в сфере развития физической куль-

туры и спорта. Данный вопрос представляется наиболее актуальным с учетом необходимости анализа перспектив развития спортивной индустрии в России. Государственная политика в сфере развития спорта и физической культуры заключается в том, чтобы обеспечить высокий уровень и спрос на полупрофессиональный, любительский и массовый спорт, который обусловлен особенностями проводимой государственной политики в части популяризации спорта и здорового образа жизни.

Профессиональный спорт является одним из элементов глобальной системы государственного развития спорта и пропаганды здорового образа жизни.

Предмет регулирования спортивного законодательства традиционно включает следующие группы отношений [1]:

- отношения, возникающие при проведении спортивных соревнований;
- отношения по организации соревнований (вопросы отбора и допуска участников, медицинского и антидопингового контроля, обеспечения безопасности спортсменов и зрителей);
- отношения по подготовке спортсменов (тренировочный процесс, методическое обеспечение);
- отношения, связанные с определением правового статуса спортсменов, включая закрепление юридических форм их взаимодействия со спортивными организациями.

Наряду с этим, современное законодательство о спорте все более отчетливо включает в себя элементы регулирования экономической деятельности — коммерческие аспекты организации соревнований, трансферные отно-

Рис. 1. Виды актов по юридической силе

шения, спонсорские и рекламные контракты, отношения по поводу прав на телетрансляции.

В связи с этим представляется необходимым проанализировать следующие нормативные и подзаконные акты, регулирующие названную сферу общественных отношений.

Законодательство о физической культуре и спорте основывается на Конституции Российской Федерации и состоит из Федерального закона от 4 декабря 2007 г. N 329-ФЗ «О физической культуре и спорте в Российской Федерации», других федеральных законов и принимаемых в соответствии с ними законов субъектов Российской Федерации.

Ключевым правовым актом является Федеральный закон от 4 декабря 2007 г. N 329-ФЗ «О физической культуре и спорте в Российской Федерации». Федеральный закон устанавливает правовые, организационные, экономические и социальные основы деятельности в области физической культуры и спорта в Российской Федерации,

определяет основные принципы законодательства о физической культуре и спорте [2].

К основным субъектам профессионального спорта относятся общероссийские спортивные федерации, профессиональные спортивные клубы, профессиональные спортивные лиги, спортивные судьи, спортивные агенты, спортсмены и тренеры, участвующие в профессиональных спортивных соревнованиях.

Деятельность субъектов профессионального спорта направлена на участие в развитии профессионального спорта, детско-юношеского спорта, включая подготовку спортивного резерва, а также на содействие развитию спорта высших достижений, включая подготовку спортсменов к участию в международных спортивных соревнованиях, в том числе в составе спортивных сборных команд Российской Федерации.

Деятельность спортсменов и тренеров в профессиональном спорте регулируется трудовым законодательством, ФЗ о физической культуре и спорте, а также нор-

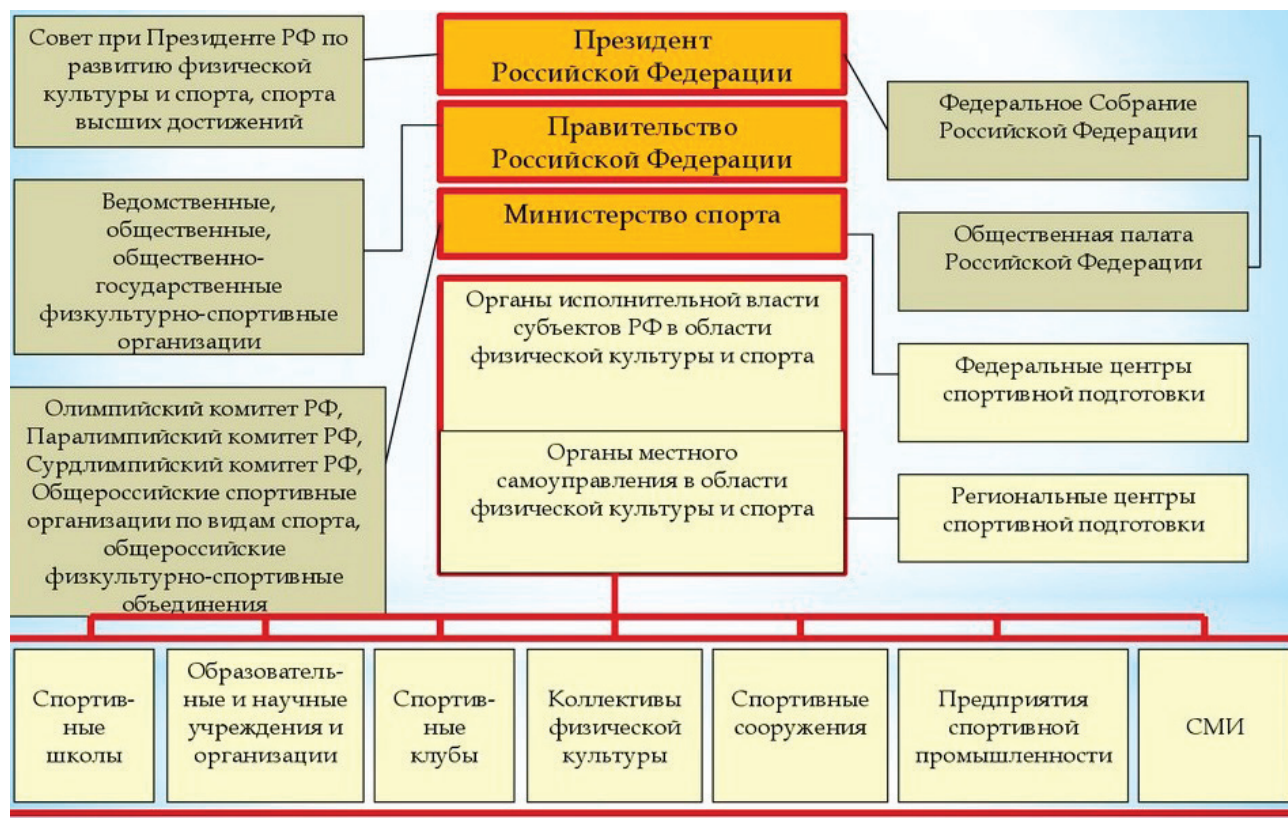

Рис. 2. Система управления спортом в России

мами, принимаемыми международными спортивными организациями, общероссийскими спортивными федерациями, профессиональными спортивными лигами, положениями (регламентами) профессиональных спортивных соревнований. При этом в установленных трудовым законодательством случаях данные нормы принимаются общероссийскими спортивными федерациями, профессиональными спортивными лигами с учетом мнения общероссийских профессиональных союзов (ассоциаций профессиональных союзов) спортсменов и тренеров, осуществляющих деятельность в соответствующих видах спорта (при наличии таких профессиональных союзов) [1].

Немаловажным является такой вопрос, как государственная политика в сфере дополнительных гарантий для спортсменов, как в профессиональном, так и в полупрофессиональном спорте. Данный вопрос, безусловно, актуален для исследования в контексте исследования вопросов правового и трудового статуса профессиональных спортсменов. Вместе с тем важно обратить внимание на тот факт, что в условиях комплексного анализа особенностей правового регулирования правового статуса профессиональных спортсменов одним из важных вопросов остается проблема профилактики состояния здоровья спортсменов.

Данная сфера общественных отношений, а именно состояние здоровья, дополнительные гарантии для спортсменов — это чрезвычайно актуальная тема как в России, так и во всем мире. Защита интересов спортсменов, правовое регулирование спортивной медицины, проблема

диспансеризации профессиональных, полупрофессиональных спортсменов — это особая проблема, которой в России на текущем этапе уделяется недостаточное внимание, в то время как во всем мире данная проблема вышла на высокий уровень нормативного правового регулирования [3].

Речь идет о проблемах допинга, о проблемах «внезапной смерти спортсменов», которая выходит на приоритетное направление в рамках системного развития спорта и физической культуры. Важно понимать, что в условиях правового регулирования развития мер по профилактике состояния здоровья спортсменов и развития спортивной медицины особое внимание следует уделять вопросам правового и организационного уровня функционирования системы спортивной медицины, которая в России содержит в себе серьезные, структурные, системные проблемы.

Важно отметить, что данный вопрос урегулирован отдельным уровнем нормативного правового регулирования. В соответствии с нормативной базой для спортсменов и лиц, состоящих на учете в спортивных школах и секциях установлены определенные требования по проведению УМО и по механизмам допуска к занятиям. При этом существует достаточно острая проблема расхождения между классической и спортивной медициной. По-прежнему, для допуска к спортивным соревнованиям тренера должны организовывать осмотры и допуски через спортивные диспансеры, качество медицинских услуг которых находится, нередко, на неудовлетворительном уровне.

Проблемы в спортивной медицине на уровне массового спорта приобрели высокую актуальность после 2012 года, когда анализ особенностей организации спортивной медицины (в преддверии Олимпиады 2014 года) привел к пониманию низкой методологической, технологической и организационной подготовки учреждений во многих сферах массового спорта [4].

Одним из решений данной проблемы стало обращение спортивных школ за услугами в частные медицинские центры, как в примере данного исследования, что позволяет повысить качество медицинского обеспечения и оперативно реагировать на изменения функционального со-

стояния спортсменов, если возникает такая объективная необходимость. При этом для допуска на соревнования по-прежнему остается потребность взаимодействовать с учреждениями спортивной медицины.

Спортивная медицина — это отдельная специфическая область медицинской науки и практики, отвечающая за медико-биологическое обеспечение подготовки спортсменов — неотъемлемую составляющую их спортивной подготовки в целом, призванная решать целый ряд специфических задач. Организации, занимающиеся медицинским контролем за подготовкой спортсменов, объединены под эгидой Международной федерации спортивной медицины.

Структура управления адаптивной физической культурой и спортом в Российской Федерации

Рис. 3. Модель управления адаптивной физической культурой и спортом в России

Как видно из данных анализа нормативных актов и функционирования системы спортивной медицины, проблема правового регулирования профессионального и полупрофессионального спорта на сегодняшний день является высоко актуальной проблемой. Она межинституциональна, включает в себя широкий спектр вопросов правового регулирования, как в части нормативных предписаний по формированию системы трудовых взаимоотношений между спортсменами и спортивными организациями, учреждениями, так и в части формирования дополнительных гарантий в сфере трудовых и иных прав спортсменов.

Данный вопрос актуален в силу большого объема предписаний, которые на текущем этапе внедрены в нормативную и организационную практику правового регулирования деятельности профессиональных и полупрофессиональных спортсменов. Стоит отталкиваться не только от международного нормативного правового опыта регулирования данной сферы общественных отношений, но и от таких актуальных проблем и вопросов, как правовое регулирование отдельных аспектов деятельности спортсменов, как например медицинское обеспечение деятельности профессиональных спортсменов.

Литература:

1. Мирошниченко А. В. Завершение спортивной карьеры и прекращение трудовых отношений как основание возникновения социального риска. Закон и право, №. 5, 2024, С. 86
2. Коляда Н. Я. Правовое регулирование трудовых отношений между профессиональными спортсменами и физкультурно-спортивными организациями в Российской Федерации. Вестник науки и образования, №. 6–2 (109), 2021, С. 43
3. Вулах М. Г. Проблемы легитимного определения понятия «Профессиональный спорт» в спортивном законодательстве // Вестник Саратовской государственной юридической академии, №. 1 (90), 2024, С. 193–197.
4. Васькевич В. П. Система договоров в профессиональном спорте: гражданско-правовые, трудовые и смешанные договоры // Правоведение. — 2010. — № 2. — С. 172–178.

Источники международного таможенного права: современные тенденции

Шаяхметов Ильяз Ринатович, студент магистратуры

Научный руководитель: Овчинников Сергей Николаевич, кандидат юридических наук, доцент
Дальневосточный федеральный университет (г. Владивосток)

В статье исследуются трансформационные процессы в системе источников международного таможенного права, происходящие под влиянием глобализации и цифровизации мировой торговли. Анализируются ключевые тенденции: возвышение «мягкого права» и технических стандартов Всемирной таможенной организации, ускорение циклов обновления нормативного материала, гибридизация правовых форм, а также усиление наднациональных источников. Делается вывод о формировании многоуровневой и динамичной архитектуры, в которой гибкие стандарты определяют практическое содержание формальных обязательств.

Ключевые слова: международное таможенное право, источники права, Всемирная таможенная организация (WCO), «мягкое право», Таможенный кодекс ЕАЭС, цифровизация, гармонизация.

Sources of international customs law: current trends

Shayakhmetov Ilyaz Rinatovich, master's student

Scientific advisor: Ovchinnikov Sergey Nikolayevich, candidate of legal sciences, associate professor
Far Eastern Federal University (Vladivostok)

The article examines the transformational processes in the system of sources of international customs law under the influence of globalization and digitalization of world trade. Key trends are analyzed: the rise of “soft law” and technical standards of the World Customs Organization, the acceleration of the update cycles of normative material, the hybridization of legal forms, and the strengthening of supranational sources. The conclusion is made about the formation of a multi-level and dynamic architecture in which flexible standards determine the practical content of formal obligations.

Keywords: international customs law, sources of law, World Customs Organization (WCO), “soft law”, Eurasian Economic Union Customs Code, digitalization, harmonization.

Классическая система источников международного таможенного права, сложившаяся во второй половине XX века, базировалась на иерархии, во главе которой находились универсальные многосторонние договоры, прежде всего Генеральное соглашение по тарифам и торговле (с 1995 года — Соглашение ВТО [16]) и Международная конвенция об упрощении и гармонизации таможенных процедур (Конвенция Киото) [14], дополняемые региональными соглашениями и национальным законодательством. Однако в последние два десятилетия эта система подвергается фундаментальной перестройке под влиянием двух взаимосвязанных мегатрендов: углубляющейся глобали-

зации экономических цепочек, требующей беспрецедентного уровня унификации правил, и всеобъемлющей цифровизации, создающей новые объекты регулирования и требующей высокой скорости адаптации правовых норм. Эти вызовы ведут к пересмотру природы, иерархии и циклов обновления источников, формируя новую, более сложную и динамичную нормативную экосистему.

Одной из наиболее значимых тенденций является стремительный рост нормативной роли актов «мягкого права» (soft law), разрабатываемых Всемирной таможенной организацией (ВТамО; WCO). Если ранее ВТамО воспринималась преимущественно как администратор Конвенции

Киото, то сегодня она утвердилась в качестве ключевого «архитектора» глобальных таможенных стандартов [13].

Ярким примером выступают Рамочные стандарты безопасности и облегчения мировой торговли (SAFE Framework) [15]. Принятые в 2005 году и с тех пор неоднократно пересматриваемые, они ввели революционные для своего времени принципы: предварительное электронное информирование, управление рисками и концепцию уполномоченного экономического оператора (УЭО). Не обладая формальной юридической обязательностью, стандарты SAFE приобрели силу благодаря механизму функциональной необходимости: их игнорирование ведет к росту транзакционных издержек и маргинализации в глобальных цепочках поставок.

Возьмем, к примеру, Модель данных ВТамО (WCO Data Model). Это технический документ, в котором унифицированы тысячи элементов данных для электронного обмена. Без него невозможно реализовать на практике ни стандарты SAFE, ни ключевые положения Соглашения ВТО по упрощению процедур торговли (СУПТ), ведь СУПТ — юридически обязывающий договор, и он прямо предписывает (ст. 7.1, 10.4) использовать международные стандарты для электронного обмена данными [16]. Выходит, что «мягкие» технические спецификации ВТамО (та же Модель данных) через отсылку в «жестком» договоре приобретают опосредованную, но вполне реальную обязательную силу. Это и есть гибридная модель: ВТамО поставляет технические нормы, а ВТО придает им политико-правовую легитимацию.

Однако такое возвышение «мягкого права» ВТамО обнажило давнее противоречие. С одной стороны, технологии меняются быстро, с другой — традиционные договорные формы инертны. Динамичные стандарты вроде SAFE Framework или Data Model нуждаются в постоянной актуализации, тогда как пересмотр международных договоров или национальных кодексов остается делом громоздким и долгим. Вот этот самый разрыв в циклах обновления и подтолкнул к развитию следующей ключевой тенденции — ускорению трансформации всей системы источников. В итоге мы видим два взаимосвязанных процесса: резкое ускорение обновления нормативного материала и гибридизацию правовых форм.

«Мягкое право» ВТамО (стандарты, руководства) пересматривается каждые два-три года, а то и чаще. Базовые же международные договоры могут оставаться неизменными десятилетиями. Чтобы как-то преодолеть этот разрыв, всё активнее используют гибридные конструкции, в том числе динамические отсылки: договор или регламент отсылает не к конкретным параметрам, а к актуальным версиям технических стандартов, как, например, в СУПТ ВТО. Это позволяет обновлять содержание обязательств, не трогая основной текст.

Другой пример — каскадная модель источников в интеграционных объединениях. В Евразийском экономическом союзе (ЕАЭС) стабильный Таможенный кодекс (2017) составляет ядро регулирования, но его работоспо-

собность держится на постоянно обновляемом массиве решений Евразийской экономической комиссии (ЕЭК), которые носят технико-юридический характер, утверждают форматы данных, перечни товаров, административные процедуры [12]. Похожая модель и в Европейском союзе (ЕС): Таможенный кодекс ЕС детализируется делегированными и имплементирующими актами ЕЭК. Получается двухуровневая система: стабильное договорное (кодифицированное) ядро и динамичный слой подзаконных или наднациональных технических регламентов. Гибкость обеспечена, правовая определенность сохраняется.

Итак, гибридные модели и ускорение обновления источников создают механизм, позволяющий праву адаптироваться к быстрым изменениям, но эта динамика лишь ответ на более глубокий вызов — тотальную цифровую трансформацию международной торговли. Следующая тенденция связана уже не со скоростью или формой нормотворчества, а с тем, что меняется сам предмет регулирования. Появляются объекты, для которых классические правовые конструкции попросту не годятся. И цифровая трансформация из технологического тренда превращается в содержательный императив для развития источников.

Ключевым новым объектом становятся данные и их трансграничные потоки. Предварительная электронная информация, цифровые сопроводительные документы, электронные декларации трансформируются из факультативного доказательства в первичный и юридически значимый носитель, определяющий все этапы таможенного контроля. Так, Таможенный кодекс ЕАЭС легитимизирует данные как основу регулирования, вводя в качестве системообразующего элемента информационную систему (ст. 365). Это требует выработки новых стандартов, касающихся юридической силы, форматов, целостности и конфиденциальности данных, которые закрепляются уже не в классических конвенциях, а в технических регламентах ЕЭК и стандартах ВТамО Data Model.

Отдельным вызовом является регулирование сквозных цифровых технологий, таких как искусственный интеллект (ИИ) и блокчейн. Применение алгоритмов ИИ для автоматической классификации товаров или анализа рисков ставит сложные вопросы об ответственности за ошибочные решения, «прозрачности» алгоритмов и защите прав субъектов. Распределенные реестры (блокчейн) для отслеживания происхождения товаров создают новую форму доверия, требующую правового признания. Пока что регулирование таких технологий находится в зачаточном состоянии. Оно формируется преимущественно в сфере «мягкого права» — через руководства и исследовательские отчеты ВТамО, а также в стратегических документах (например, в Стратегии развития таможенной службы Российской Федерации до 2030 года). Традиционные же договоры для таких инноваций слишком статичны, они просто не успевают за изменениями [2, с. 15–16].

Все описанные трансформации — возвышение «мягкого права», ускорение обновления, цифровизация содержания — вместе формируют новую, более сложную

и динамичную архитектуру источников. Однако у этой прогрессивной эволюции есть и обратная сторона: возникают системные противоречия, новые вызовы старым представлениям о легитимности правотворчества. Поэтому, завершая анализ, стоит перейти от простой констатации тенденций к оценке порождаемых ими проблем и к определению того вектора, по которому движется эта гибридная система.

Первая проблема — системные коллизии. Многоуровневая архитектура (право ВТО — право ЕАЭС — национальные законы — технические стандарты ВТамО) неизбежно порождает конфликты. Самые острые — между региональными преференциальными режимами (скажем, ЕАЭС) и принципами ВТО [4, с. 23–24], а также между прямым действием наднациональных норм и сохраняющимся национальным регулированием в смежных сферах (например, в вопросах административной ответственности). Чтобы такие коллизии разрешать, нужно совершенствовать судебные механизмы (разъяснения Суда ЕАЭС) и вводить превентивную экспертизу на соответствие международным обязательствам [12].

Вторая проблема — вызовы легитимности и демократический дефицит. Нормотворчеством занимаются всё больше экспертно-технические органы (комитеты ВТамО, аппарат ЕЭК), и это вызывает справедливую критику в адрес «технократизма». Процесс разработки стандартов часто остается непрозрачным для широкой общественности, а быстрое обновление «мягкого права» и использование динамических отсылок фактически делегируют правотворческие полномочия в обход традиционных демократических процедур. Встает вопрос о подотчетности и о том, как включить в процесс всех заинтересованных, в том числе малый и средний бизнес.

Подводя итоги, отметим, что система источников международного таможенного права сейчас переживает глубокую структурную трансформацию — складывается гибридная, многоуровневая и динамичная модель. «Мягкое право» и технические стандарты ВТамО приобретают *de facto* обязательную силу и по сути определяют практическое содержание регулирования. Классические договоры (вроде СУПТ ВТО) и наднациональные кодексы (Таможенный кодекс ЕАЭС) теперь выполняют другую функцию — легитимируют политико-правовые принципы, выработанные на экспертно-техническом уровне. Обеспечивающим слоем выступают динамичные технические регламенты наднациональных комиссий (ЕЭК) и национальные подзаконные акты, а цифровизация становится главным драйвером — создает новые предметы регулирования (данные, алгоритмы) и требует беспрецедентной скорости адаптации норм.

Вектор развития, судя по всему, ведет к укреплению этой гибридной системы. Однако ее устойчивость и легитимность будут зависеть от того, удастся ли решить ключевые проблемы: обеспечить демократическую подотчетность технократического нормотворчества, выработать эффективные механизмы предотвращения и разрешения коллизий между разными уровнями регулирования, а также преодолеть цифровой разрыв между странами [10, с. 44]. Будущее международного таможенного права, скорее всего, не в возврате к жесткой иерархии источников, а в осознанном развитии и правовом оформлении сложившейся полицентричной нормативной экосистемы — такой, которая способна сочетать глобальную гармонизацию с необходимой адаптивностью в эпоху перманентных технологических изменений.

Литература:

1. Буваева, Н. Э. Международное таможенное право : учебник для магистров / Н. Э. Буваева ; под общ. ред. А. В. Зубача. — М. : Юрайт, 2015. — 376 с.
2. Семенюк, Д. П. Таможенное право в системе международного и национального права / Д. П. Семенюк // Журнал международного права и международных отношений. — 2015. — № 2. — С. 12–17.
3. Овчинников, С. Н. Охранительная функция международного таможенного права / С. Н. Овчинников // Научные исследования и их практическое применение. Современное состояние и пути развития '2014 : сборник научных трудов. — URL: <https://science.vvsu.ru/files/1B88E720-2DC0-4D77-BB2C-A3F37C8A7CD6.pdf>
4. Концептуальные подходы по формированию интеграционного поля продовольственной конкурентоспособности в условиях функционирования единого экономического пространства государств Таможенного союза / В. Г. Гусаков, М. И. Запольский, А. В. Пилипук, Ф. И. Субоч // Весці нацыянальнай акадэміі навук Беларусі. — 2012. — № 4. — С. 23–36.
5. Николаева, Д. В. Место и роль таможенного права в системе российского права / Д. В. Николаева // Аллея Науки. — 2018. — Т. 2, № 9 (25). — С. 651–654.
6. Боброва, А. В. Современные тенденции аутсорсинга в таможенной логистике / А. В. Боброва, А. Б. Чернышева // Таможенное дело и внешнеэкономическая деятельность компаний. — URL: [https://s.esrae.ru/customs/pdf/2017/3\(4\)/7.pdf](https://s.esrae.ru/customs/pdf/2017/3(4)/7.pdf)
7. Проблемы правового регулирования общественных отношений: теория, законодательство, практика : сб. материалов Респ. науч.-практ. конф. (с междунар. участием), Брест, 25 нояб. 2016 г. / БрГУ имени А. С. Пушкина, кафедра теории и истории государства и права ; редкол.: О. В. Чмыга (отв. ред.) [и др.]. — Брест : Изд-во БрГУ имени А. С. Пушкина, 2017. — 563 с.

8. Кожуханов, Н. М. Отраслевая принадлежность таможенного права / Н. М. Кожуханов // Вестник Российской таможенной академии. — 2016. — № 4. — С. 52–61.
9. Гутин, Б. М. Современные тенденции в деятельности таможенных органов по обеспечению экономической безопасности Российской Федерации / Б. М. Гутин, А. А. Литовченко, Н. Е. Симонов // Успехи современного естествознания. — 2004. — № 9. — С. 126–127.
10. Шестопалова, Е. И. Теоретические аспекты международного таможенного сотрудничества / Е. И. Шестопалова, Р. С. Стрельцов // Научные высказывания. — 2023. — № 6 (30). — С. 43–45.
11. Таможенный кодекс Евразийского экономического союза (ред. от 29.05.2019) (приложение № 1 к Договору о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза) // КонсультантПлюс. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_215315/
12. Договор о Евразийском экономическом союзе (подписан в г. Астане 29.05.2014) (ред. от 25.05.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 24.06.2024) // КонсультантПлюс. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163855/
13. WCO Strategic Plan 2022–2025. — Brussels : World Customs Organization, 2021. — URL: https://www.wcoomd.org/-/media/wco/public/global/pdf/about-us/administrative-documents/strategic-plan-2022_2025.pdf?db=web
14. Международная конвенция об упрощении и гармонизации таможенных процедур (Киото, 18 мая 1973 г.) (в редакции Протокола от 26 июня 1999 г.) // ГАРАНТ. — URL: <https://base.garant.ru/2566923/>
15. Рамочные стандарты SAFE. 2021 / Всемирная таможенная организация. — URL: https://www.wcoomd.org/-/media/wco/public/ru/pdf/topics/facilitation/instruments-and-tools/tools/safe-package/ru_safe_framework.pdf?la=fr
16. Соглашение об упрощении процедур торговли. — URL: <https://wto.ru/upload/iblock/d33/duowz3ougy5uu0qyciqkz4cgzr88b7bn.docx>
17. Федеральный закон от 03.08.2018 № 289-ФЗ «О таможенном регулировании в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // КонсультантПлюс. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_304093/
18. Постановление Конституционного Суда РФ от 14.07.2015 № 21-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 1 Федерального закона “О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней”, пунктов 1 и 2 статьи 32 Федерального закона “О международных договорах Российской Федерации”, частей первой и четвертой статьи 11, пункта 4 части четвертой статьи 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 13, пункта 4 части 3 статьи 311 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 15, пункта 4 части 1 статьи 350 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации и пункта 2 части четвертой статьи 413 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы» // КонсультантПлюс. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_182936/

Добросовестность при совершении экстраординарных сделок в корпоративных правоотношениях

Шипунов Егор Игоревич, студент магистратуры
Государственный университет просвещения (г. Москва)

Статья посвящена исследованию принципа добросовестности при совершении экстраординарных сделок в корпоративных правоотношениях. Рассматриваются особенности правового регулирования крупных сделок и сделок с заинтересованностью, анализируются проблемы защиты прав участников корпораций и подходы судебной практики к оценке добросовестности поведения органов управления и контролирующих лиц. Сделан вывод о необходимости дальнейшего совершенствования механизмов корпоративного контроля и повышения прозрачности корпоративного управления.

Ключевые слова: добросовестность, корпоративное право, экстраординарные сделки, крупные сделки, сделки с заинтересованностью, корпоративные споры, защита корпоративных прав.

Развитие корпоративных отношений в современной российской экономике сопровождается усложнением механизмов управления юридическими лицами и увеличением количества корпоративных конфликтов. В таких

условиях особое значение приобретает обеспечение добросовестного поведения участников корпоративных правоотношений, поскольку именно от соблюдения данного принципа во многом зависит устойчивость корпоратив-

ного управления и эффективность защиты прав участников корпораций.

Особое место в системе корпоративных отношений занимают экстраординарные сделки. Несмотря на отсутствие их легального определения, в юридической литературе под такими сделками обычно понимаются крупные сделки и сделки с заинтересованностью, способные оказать существенное влияние на имущественное положение общества и интересы его участников. Подобные сделки нередко становятся причиной корпоративных споров, поскольку затрагивают вопросы распоряжения значительными активами юридического лица и могут использоваться в интересах отдельных участников корпоративных отношений.

Согласно статье 78 Федерального закона «Об акционерных обществах» крупной признаётся сделка, связанная с приобретением, отчуждением либо возможностью отчуждения имущества, стоимость которого составляет 25 и более процентов балансовой стоимости активов общества [1]. Аналогичные положения предусмотрены статьёй 46 Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью» [2].

Кроме того, существенные проблемы возникают при совершении сделок с заинтересованностью. В соответствии со статьёй 81 Федерального закона «Об акционерных обществах» заинтересованными лицами могут признаваться члены органов управления общества, контролирующие лица, а также иные субъекты, имеющие возможность влиять на принятие решений о совершении сделки [1]. Основная цель специального регулирования таких сделок заключается в предотвращении конфликта интересов между лицом, принимающим решение, и самим обществом.

Важнейшее значение в регулировании экстраординарных сделок имеет принцип добросовестности. В соответствии с пунктом 3 статьи 1 Гражданского кодекса Российской Федерации участники гражданских правоотношений должны действовать добросовестно при осуществлении и защите своих прав [3]. Данный принцип распространяется и на корпоративные отношения, определяя пределы осуществления корпоративных прав и полномочий органов управления юридического лица.

Дополнительное значение имеют положения статьи 10 Гражданского кодекса Российской Федерации, запрещающие злоупотребление правом, а также статья 53.1 ГК РФ, устанавливающая обязанность лиц, осуществляющих управление юридическим лицом, действовать разумно и добросовестно в интересах общества [3]. Указанные нормы формируют основу для оценки поведения участников корпоративных отношений и позволяют судам выявлять случаи недобросовестного использования корпоративных механизмов.

Следует отметить, что формальное соблюдение процедуры одобрения сделки далеко не всегда свидетельствует о её соответствии интересам общества. На практике встречаются ситуации, когда контролирующие лица

используют предусмотренные законом механизмы для вывода активов общества, перераспределения корпоративного контроля либо ограничения прав миноритарных участников. В подобных случаях именно принцип добросовестности позволяет оценить не только внешнюю законность действий, но и их фактическое содержание.

В современной судебной практике добросовестность всё чаще рассматривается как самостоятельный критерий оценки поведения участников корпоративных отношений. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 июня 2015 г. № 25 закрепило важное положение о том, что никто не вправе извлекать преимущества из своего незаконного или недобросовестного поведения [4]. Данная правовая позиция активно применяется судами при разрешении корпоративных споров.

Особое значение имеет судебная практика по делам об оспаривании экстраординарных сделок. Верховный Суд Российской Федерации неоднократно указывал, что соблюдение формальных требований законодательства не исключает возможности признания сделки недействительной, если её совершение противоречит интересам общества и причиняет ему ущерб [5]. Такой подход направлен на обеспечение реальной защиты корпоративных прав и предупреждение злоупотреблений со стороны контролирующих лиц.

Немаловажную роль принцип добросовестности играет и в защите прав миноритарных участников. В условиях концентрации корпоративного контроля миноритарии зачастую обладают ограниченными возможностями влияния на деятельность общества. В связи с этим судебный контроль за добросовестностью действий мажоритарных участников и органов управления становится важным инструментом обеспечения баланса корпоративных интересов.

Вместе с тем вопросы оценки добросовестности по-прежнему остаются во многом оценочными. Действующее законодательство не содержит исчерпывающего перечня критериев добросовестного поведения применительно к корпоративным отношениям, что обуславливает значительную роль судебной практики в формировании соответствующих подходов. С одной стороны, это позволяет учитывать особенности конкретного корпоративного конфликта, с другой — может создавать определённые сложности в обеспечении единообразия правоприменения.

Таким образом, принцип добросовестности занимает центральное место в механизме правового регулирования экстраординарных сделок. Современная судебная практика постепенно отказывается от исключительно формального подхода к оценке корпоративных решений и всё чаще учитывает их экономическое содержание, цели совершения и последствия для общества. Представляется, что дальнейшее развитие корпоративного законодательства должно быть связано с конкретизацией критериев добросовестного поведения участников корпоративных отношений и совершенствованием механизмов корпоративного контроля.

Литература:

1. Федеральный закон от 26.12.1995 № 208-ФЗ «Об акционерных обществах» // Собрание законодательства РФ. 1996. № 1. Ст. 1.
2. Федеральный закон от 08.02.1998 № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» // Собрание законодательства РФ. 1998. № 7. Ст. 785.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
4. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Российская газета. 2015. № 140.
5. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 21.03.2024 № 305-ЭС23-28741 // СПС «КонсультантПлюс».

Обеспечительные меры как способ защиты прав участников корпоративных правоотношений

Шипунов Егор Игоревич, студент магистратуры
Государственный университет просвещения (г. Москва)

В статье рассматриваются обеспечительные меры как один из наиболее эффективных способов защиты прав участников корпоративных правоотношений. Исследуются особенности их применения в корпоративных спорах, анализируются современные подходы судебной практики и проблемы правоприменения. Особое внимание уделяется значению обеспечительных мер для сохранения корпоративного контроля и предотвращения неблагоприятных последствий корпоративных конфликтов.

Ключевые слова: обеспечительные меры, корпоративный спор, корпоративные правоотношения, защита корпоративных прав, корпоративный контроль, арбитражный процесс.

Корпоративные споры редко сводятся исключительно к денежным требованиям. Во многих случаях предметом конфликта становится возможность влиять на деятельность общества, участвовать в принятии управленческих решений или сохранять корпоративный контроль. Именно поэтому последствия таких споров нередко выходят за рамки обычных имущественных разногласий и затрагивают саму систему управления юридическим лицом. В подобных условиях особое значение приобретают обеспечительные меры, поскольку именно они позволяют сохранить существующее положение сторон до рассмотрения дела по существу.

Вопрос об обеспечительных мерах в корпоративных спорах имеет не только процессуальное, но и практическое значение. Как показывает судебная практика, даже удовлетворение исковых требований не всегда приводит к фактическому восстановлению нарушенного права. За время судебного разбирательства может измениться состав участников общества, произойти смена руководителя, быть отчуждено имущество либо перераспределён корпоративный контроль. В результате победа в суде может оказаться во многом формальной.

Согласно статье 90 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации арбитражный суд

вправе принять срочные временные меры, направленные на обеспечение иска либо имущественных интересов заявителя [1]. Традиционно их назначение связывается с обеспечением исполнения будущего судебного акта. Однако применительно к корпоративным правоотношениям значение обеспечительных мер существенно шире.

Особенность корпоративного конфликта заключается в том, что объектом защиты зачастую выступает не имущество как таковое, а корпоративные права участника общества. Речь может идти о праве участвовать в управлении обществом, получать информацию о его деятельности, оспаривать решения органов управления или сохранять существующий объём корпоративного контроля. Именно поэтому последствия спорных действий способны наступить значительно раньше, чем будет вынесено судебное решение.

На практике участники корпоративных споров чаще всего обращаются с заявлениями о запрете проведения общего собрания участников, запрете исполнения решений органов управления, запрете внесения изменений в сведения Единого государственного реестра юридических лиц, а также о запрете отчуждения долей участия или акций. Подобные меры направлены на сохранение су-

существующего положения сторон и предотвращение возникновения необратимых последствий.

Особенно остро вопрос об обеспечительных мерах возникает в конфликтах между мажоритарными и миноритарными участниками. Возможности сторон в подобных спорах изначально неравны. Лицо, обладающее корпоративным контролем, зачастую способно оперативно принимать решения, влияющие на деятельность общества. Возможности миноритарного участника значительно более ограничены. В таких условиях обеспечительные меры становятся одним из немногих механизмов, позволяющих сохранить баланс интересов до завершения судебного разбирательства.

Существенное влияние на формирование современных подходов к применению обеспечительных мер оказала судебная практика Верховного Суда Российской Федерации. В Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 01.06.2023 № 15 подчёркивается, что обеспечительные меры являются ускоренным и предварительным средством защиты, поэтому для их принятия не требуется представления доказательств в объёме, необходимом для разрешения спора по существу. Для суда достаточно установить вероятность наступления неблагоприятных последствий, предусмотренных процессуальным законодательством [2].

Данный подход имеет особое значение именно для корпоративных конфликтов. На практике участнику общества зачастую сложно заранее доказать, что спорные действия обязательно приведут к нарушению его прав. Вместе с тем промедление с принятием обеспечительных мер способно сделать последующую судебную защиту неэффективной.

В последние годы Верховный Суд Российской Федерации всё чаще обращает внимание на необходимость защиты корпоративных интересов и сохранения баланса между правами участников общества. Правовые позиции, сформулированные в обзоре практики по корпоративным спорам, связанным с ответственностью контролирующих лиц, свидетельствуют о том, что при разрешении корпоративных конфликтов всё большее значение приобретает оценка реальных последствий спорных действий для общества и его участников [3].

Кроме того, в Обзоре судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 за 2025 год подчёркивается необходимость обеспечения эффективной судебной защиты и недопустимость чрезмерно формального подхода при оценке обстоятельств, способных привести к нарушению прав участников корпоративных отношений [4].

Несмотря на развитие судебной практики, применение обеспечительных мер в корпоративных спорах по-прежнему сопровождается рядом проблем. Одной из них оста-

ётся достаточно осторожный подход судов. Стремление избежать чрезмерного вмешательства в хозяйственную деятельность общества нередко приводит к отказу в удовлетворении соответствующих ходатайств. Между тем последствия корпоративного конфликта могут наступить значительно быстрее, чем будет рассмотрено дело по существу.

Не менее серьёзной проблемой является отсутствие единообразия судебной практики. В сходных ситуациях суды могут по-разному оценивать наличие оснований для принятия обеспечительных мер. Это снижает уровень правовой определённости и затрудняет прогнозирование результатов судебной защиты.

Следует учитывать и то обстоятельство, что действующее процессуальное законодательство не предусматривает специальных обеспечительных мер, предназначенных исключительно для корпоративных споров. На практике суды используют общий процессуальный инструментарий, который не всегда способен учитывать специфику корпоративных конфликтов. В связи с этим представляется целесообразным дальнейшее совершенствование механизмов обеспечения иска с учётом особенностей корпоративных правоотношений.

Необходимость более активного использования обеспечительных мер в корпоративных спорах отмечается и в современной юридической литературе. Так, Д. Д. Гладков обращает внимание на то, что специфика корпоративных конфликтов требует учитывать не только вероятность причинения имущественного ущерба, но и риск изменения корпоративного контроля, структуры управления обществом и иных последствий, способных затронуть права участников корпорации. В связи с этим обеспечительные меры рассматриваются не просто как средство обеспечения иска, а как самостоятельный механизм предупреждения нарушений корпоративных прав и сохранения стабильности корпоративных отношений [5].

Подводя итог, можно отметить, что обеспечительные меры в современных корпоративных спорах давно перестали быть исключительно вспомогательным процессуальным инструментом. На практике именно они нередко позволяют сохранить существующее положение сторон до разрешения конфликта и предотвратить последствия, которые впоследствии будет крайне сложно устранить даже при наличии вступившего в законную силу судебного решения. По мере усложнения корпоративных отношений значение данного механизма продолжает возрастать, что делает его дальнейшее развитие одним из важных направлений совершенствования системы защиты прав участников корпоративных правоотношений.

Литература:

1. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2002. № 30. Ст. 3012.
2. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 01.06.2023 № 15 «О некоторых вопросах принятия судами мер по обеспечению иска, обеспечительных мер и мер предварительной защиты».

3. Обзор практики рассмотрения арбитражными судами дел по корпоративным спорам, связанным с применением статьи 53.1 Гражданского кодекса Российской Федерации, утв. Президиумом Верховного Суда РФ 30.07.2025.
4. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 (2025), утв. Президиумом Верховного Суда РФ 25.04.2025.
5. Гладков Д. Д. Применение арбитражными судами обеспечительных мер при рассмотрении корпоративных споров // Право и государство: теория и практика. 2025. № 6. С. 242–245.

Материальная ответственность работодателя перед работником в условиях дистанционной работы

Яковенко София Дмитриевна, студент магистратуры
Московский финансово-юридический университет МФЮА

В статье автор рассматривает особенности материальной ответственности работодателя перед работником в условиях дистанционной работы. Исследуются проблемы компенсации расходов работников, использования личного имущества при выполнении трудовой функции, а также вопросы возмещения ущерба и применения трудового законодательства в условиях цифровизации трудовых отношений. На основе анализа законодательства, научной литературы и результатов авторского анкетирования определены основные проблемы правоприменительной практики и сформулированы предложения по совершенствованию трудового законодательства.

Ключевые слова: материальная ответственность работодателя, дистанционная работа, дистанционный работник, трудовое право, компенсация расходов работника, цифровизация трудовых отношений, имущественные права работника.

Введение

Расширение сферы применения дистанционного труда привело к возникновению новых правовых проблем, связанных с обеспечением имущественных гарантий работников. После реформирования главы 49.1 Трудового кодекса Российской Федерации дистанционная работа окончательно перестала рассматриваться в качестве исключительной формы занятости и превратилась в самостоятельный способ организации трудового процесса. Вместе с тем механизм материальной ответственности работодателя перед работником продолжает регулироваться преимущественно нормами, сформированными применительно к традиционной модели трудовых отношений.

Актуальными остаются вопросы компенсации расходов и возмещения ущерба при дистанционной работе.

Наиболее существенная коллизия возникает между общими положениями статей 234–237 ТК РФ и специальными нормами главы 49.1 ТК РФ [2; 3]. Несмотря на закрепление в трудовом законодательстве особенностей дистанционной работы, специальный механизм материальной ответственности работодателя, учитывающий специфику данной формы занятости, до настоящего времени не разработан. В результате правоприменитель вынужден использовать нормы, разработанные для стационарного рабочего места, применительно к отношениям, основанным на цифровом взаимодействии сторон трудового договора.

Степень научной разработанности рассматриваемой проблематики остается недостаточной. Отдельные аспекты дистанционной занятости и цифровизации тру-

довых отношений исследовались в трудах А. М. Лушникова, А. М. Куренного, Е. А. Ершовой и других ученых [5–7]. Вместе с тем основное внимание исследователей традиционно сосредоточено на вопросах организации дистанционного труда, электронного документооборота и особенностях возникновения и прекращения трудовых правоотношений. Проблемы материальной ответственности работодателя перед работником в условиях дистанционной занятости до настоящего времени не получили комплексного научного осмысления, а отдельные вопросы продолжают оставаться дискуссионными как в доктрине трудового права, так и в правоприменительной практике.

Цель исследования заключается в выявлении особенностей реализации материальной ответственности работодателя перед дистанционным работником и разработке предложений по совершенствованию действующего трудового законодательства.

Для достижения поставленной цели исследованы особенности применения норм трудового законодательства о материальной ответственности работодателя в условиях дистанционной работы, выявлены основные проблемы правоприменения и предложены направления совершенствования законодательства.

Научная новизна исследования состоит в комплексном анализе института материальной ответственности работодателя применительно к дистанционной работе, а также в использовании результатов авторского анкетирования работников и HR-специалистов для выявления наиболее распространенных проблем правоприменения.

Методологическую основу исследования составили формально-юридический, системно-структурный и сравнительно-правовой методы исследования, анализ судебной практики, а также эмпирический метод анкетирования.

1. Материальная ответственность работодателя в системе дистанционных трудовых отношений

Материальная ответственность работодателя представляет собой один из ключевых механизмов защиты имущественных прав работника. Ее основное назначение заключается в возмещении ущерба, причиненного работнику вследствие неправомерных действий либо бездействия работодателя. В отличие от гражданско-правовой ответственности соответствующий институт обладает выраженной социальной направленностью.

Нормативную основу рассматриваемого института составляют статьи 234–237 ТК РФ [2]. Законодатель предусматривает обязанность работодателя возместить работнику неполученный заработок при незаконном лишении возможности трудиться, компенсировать ущерб имуществу работника, выплатить денежную компенсацию за нарушение сроков выплаты заработной платы и компенсировать моральный вред.

Глава 49.1 ТК РФ не содержит самостоятельного механизма материальной ответственности работодателя, поэтому применяются общие положения ст. 234–237 ТК РФ [2; 3].

Наиболее заметной из них является проблема определения рабочего места дистанционного работника. Статья 312.1 ТК РФ указывает на выполнение трудовой функции вне места нахождения работодателя и вне стационарного рабочего места. При этом законодатель не раскрывает содержание понятия рабочего места применительно к дистанционной занятости.

Отсутствие четкой правовой дефиниции затрудняет разрешение споров о возмещении ущерба, расследование несчастных случаев и определение пределов ответственности работодателя.

Дополнительные вопросы возникают в связи с использованием личного имущества работника. Современная дистанционная работа зачастую осуществляется посредством оборудования, принадлежащего самому работнику. В таких условиях имущественные интересы сторон трудового договора оказываются тесно взаимосвязанными, а риск возникновения споров о размере компенсаций и возмещении ущерба существенно возрастает.

Следовательно, действующее регулирование материальной ответственности работодателя не в полной мере учитывает особенности дистанционной занятости. Это свидетельствует о необходимости дальнейшего совершенствования трудового законодательства с учетом трансформации современных трудовых отношений и расширения сферы цифрового труда.

2. Правовые коллизии материальной ответственности работодателя при дистанционной работе

2.1. Компенсация расходов дистанционного работника

Одним из ключевых вопросов является возмещение расходов работника при использовании личного имущества при дистанционной работе.

ТК РФ предусматривает обязанность работодателя компенсировать расходы работника, однако порядок их определения не урегулирован. На практике работодатели используют различные подходы к компенсации расходов либо вовсе не закрепляют соответствующий порядок в локальных актах и трудовых договорах.

Существенные сложности возникают при определении расходов на интернет-соединение и электроэнергию. Дистанционный работник использует соответствующие ресурсы одновременно для личных и служебных целей, что затрудняет определение объема затрат, непосредственно связанных с исполнением трудовой функции. Отсутствие единых методических подходов к расчету компенсации способствует возникновению конфликтов между сторонами трудового договора.

Отдельного внимания заслуживает проблема амортизации оборудования. Использование персонального компьютера, ноутбука или мобильного телефона в интересах работодателя неизбежно приводит к износу имущества работника. Вместе с тем действующее законодательство не содержит механизма расчета компенсации таких потерь [2; 10].

Сложившаяся ситуация свидетельствует о необходимости законодательной конкретизации порядка определения размера компенсаций и закрепления минимальных гарантий для дистанционных работников.

2.2. Задержка выплат и особенности применения статьи 236 Трудового кодекса Российской Федерации

Цифровизация трудовых отношений не устранила проблему нарушения сроков выплаты заработной платы и иных причитающихся работнику денежных сумм. Напротив, дистанционный формат взаимодействия сторон в отдельных случаях усложняет своевременное выявление нарушений и фиксацию обстоятельств их возникновения.

В соответствии с трудовым законодательством работодатель обязан выплатить денежную компенсацию за каждый день задержки заработной платы, отпускных, выплат при увольнении и иных сумм, причитающихся работнику [2]. Данная гарантия распространяется и на дистанционных работников.

Практические сложности возникают при использовании гибкого режима рабочего времени, сменных графиков и различных цифровых платформ учета рабочего времени. В ряде случаев работодатели связывают момент возникновения обязанности по оплате труда с завершением обработки электронных отчетов либо подтверждением результатов работы через корпоративные информационные

системы. Подобный подход способен приводить к необоснованному смещению сроков выплаты денежных средств.

Следовательно, применение статьи 236 ТК РФ в условиях дистанционной работы сохраняет свою актуальность и требует единообразного подхода со стороны правоприменительных органов. Использование цифровых технологий не должно приводить к снижению уровня гарантий, предоставляемых работникам трудовым законодательством.

2.3. Повреждение имущества работника и проблемы квалификации несчастных случаев на дому

Развитие дистанционной занятости привело к увеличению количества ситуаций, при которых работник использует принадлежащее ему имущество в интересах работодателя. В результате возрастает вероятность возникновения споров, связанных с повреждением оборудования, используемого для выполнения трудовой функции.

При возникновении неисправностей работнику нередко приходится доказывать, что повреждение имущества связано именно с выполнением трудовых обязанностей. В условиях отсутствия специальных процедур доказывания это существенно осложняет реализацию права на возмещение ущерба.

Еще более сложной является проблема расследования несчастных случаев, произошедших по месту дистанционной работы. Традиционная модель охраны труда основывается на существовании рабочего места, находящегося под контролем работодателя. При дистанционной работе подобный контроль объективно ограничен, что создает неопределенность при установлении причин происшествия и определении характера полученной травмы.

На практике возникают ситуации, когда необходимо установить, связана ли травма работника с исполнением трудовых обязанностей либо имеет бытовой характер. Отсутствие четких критериев разграничения данных случаев способно приводить к различным подходам со стороны работодателей, контролирующих органов и судов.

Указанные обстоятельства свидетельствуют о недостаточной нормативной урегулированности вопросов материальной ответственности работодателя при повреждении имущества дистанционного работника и расследовании несчастных случаев на дому [4; 10]. Расширение сферы дистанционной занятости требует выработки специальных правовых механизмов, учитывающих особенности данной формы организации труда.

3. Эмпирический анализ проблем материальной ответственности работодателя при дистанционной работе

3.1. Методика исследования

В период с января по март 2026 года проведено анонимное анкетирование 92 респондентов, в том числе 74 дистанционных работников и 18 специалистов в сфере

управления персоналом. Исследование было направлено на выявление проблем реализации материальной ответственности работодателя перед работником в условиях дистанционной занятости. Включение в выборку как работников, так и представителей кадровых служб позволило сопоставить оценки участников трудовых отношений относительно существующих проблем правового регулирования и правоприменительной практики.

3.2. Результаты анкетирования дистанционных работников и HR-специалистов

Результаты исследования показали высокий уровень использования работниками собственного имущества при выполнении трудовых обязанностей.

Среди дистанционных работников 78 % респондентов указали, что используют для работы личный ноутбук или персональный компьютер. Еще 64 % отметили регулярное использование личного мобильного телефона для решения рабочих вопросов, а 83 % сообщили, что самостоятельно оплачивают интернет-соединение, необходимое для выполнения трудовой функции.

При этом лишь 29 % опрошенных работников указали на получение какой-либо компенсации расходов со стороны работодателя. Большинство респондентов (71 %) сообщили об отсутствии компенсационных выплат за использование личного оборудования, интернета либо иных ресурсов.

Исследование также выявило недостаточную информированность работников о существующих правовых гарантиях. Так, 62 % участников опроса затруднились ответить на вопрос о порядке получения компенсации расходов, предусмотренной трудовым законодательством.

Отдельного внимания заслуживают данные, касающиеся использования личного имущества работников. Около 17 % респондентов сообщили о случаях повреждения либо выхода из строя техники, используемой для выполнения трудовых обязанностей. Вместе с тем только 9 % работников обращались к работодателю с требованием о возмещении ущерба, а положительное решение было принято лишь в 3 % случаев.

Результаты опроса HR-специалистов также свидетельствуют о наличии практических проблем в рассматриваемой сфере. Лишь 22 % представителей работодателей указали на наличие компенсации расходов на интернет-соединение. Компенсация затрат на электроэнергию предусмотрена только в 6 % организаций.

Кроме того, 61 % HR-специалистов сообщили об отсутствии локальных нормативных актов, регулирующих порядок компенсации расходов дистанционных работников. Это свидетельствует о том, что соответствующие вопросы зачастую решаются в индивидуальном порядке либо не регулируются вовсе.

На вопрос о наиболее сложных аспектах дистанционной занятости большинство специалистов по управлению персоналом указали проблемы определения размера компенсации расходов работников и отсутствие

единых законодательных критериев для расчета соответствующих выплат.

3.3. Анализ полученных результатов

Проведенное исследование подтверждает вывод о существовании разрыва между законодательным регулированием и практикой реализации имущественных гарантий дистанционных работников.

Полученные данные свидетельствуют о широком распространении использования личного имущества работников в интересах работодателя. Вместе с тем предусмотренный трудовым законодательством механизм компенсации расходов применяется ограниченно. Большинство работников фактически самостоятельно несут затраты, связанные с организацией рабочего процесса.

Особого внимания заслуживает низкий уровень правовой информированности работников. Более половины опрошенных не обладают достаточными сведениями о порядке реализации предусмотренных законом гарантий. Это снижает эффективность существующих механизмов защиты трудовых прав и затрудняет восстановление нарушенных имущественных интересов.

Результаты исследования также подтверждают наличие проблем в сфере локального регулирования дистанционного труда. Значительная часть работодателей не имеет внутренних документов, определяющих порядок компенсации расходов работников. Отсутствие таких механизмов способствует возникновению конфликтов и формированию неоднородной правоприменительной практики.

Отдельной проблемой остается возмещение ущерба, причиненного имуществу работников. Несмотря на наличие случаев повреждения техники, используемой в процессе трудовой деятельности, работники редко обращаются за защитой своих прав. Это может быть связано как со сложностью доказывания причинной связи между исполнением трудовых обязанностей и повреждением имущества, так и с отсутствием четких процедур возмещения ущерба.

Результаты исследования подтвердили наличие проблем компенсации расходов работников, использования личного имущества и реализации материальной ответственности работодателя при дистанционной работе.

Заключение

Проведенное исследование показало, что развитие дистанционной занятости существенно изменило условия реализации института материальной ответственности работодателя перед работником. Несмотря на проведенную модернизацию главы 49.1 ТК РФ, действующее законодательство не содержит комплексного механизма регулирования имущественных отношений, возникающих при дистанционной работе [2; 3].

Анализ норм трудового законодательства позволил выявить недостаточную согласованность правового регулирования материальной ответственности работодателя между общими положениями статей 234–237 ТК РФ и спе-

циальными нормами главы 49.1 ТК РФ, посвященными дистанционной работе. Законодатель сохранил традиционный подход к материальной ответственности работодателя, сформированный применительно к стационарным рабочим местам, что не в полной мере соответствует современным условиям цифровой организации труда.

Наиболее существенные проблемы возникают в сфере компенсации расходов дистанционных работников. Действующее законодательство предусматривает обязанность работодателя возмещать расходы, связанные с использованием личного имущества работника, однако не устанавливает единых критериев определения размера компенсации и порядка ее расчета. Отсутствие детального регулирования способствует формированию неоднородной правоприменительной практики и создает предпосылки для ограничения имущественных прав работников [5; 6].

Отдельного внимания заслуживает проблема определения правового статуса рабочего места дистанционного работника. Отсутствие легальной дефиниции данного понятия осложняет расследование несчастных случаев, установление причинной связи между исполнением трудовых обязанностей и причинением вреда, а также определение объема обязанностей работодателя в сфере охраны труда.

Результаты проведенного эмпирического исследования подтвердили наличие указанных проблем на практике. Большинство опрошенных дистанционных работников используют личное оборудование при выполнении трудовых обязанностей, самостоятельно несут расходы на интернет-соединение и электроэнергию, а также не получают компенсацию в полном объеме либо не получают ее вовсе. Дополнительным фактором риска является отсутствие в значительной части организаций локальных нормативных актов, регулирующих порядок компенсации расходов дистанционных работников.

В целях повышения эффективности правового регулирования представляется целесообразным:

- закрепить в ТК РФ легальное определение рабочего места дистанционного работника;
- установить минимальные государственные гарантии компенсации расходов на использование личного оборудования, интернет-соединения и иных ресурсов, необходимых для выполнения трудовой функции;
- определить единые критерии расчета компенсационных выплат и порядок документального подтверждения соответствующих расходов;
- разработать специальные правила расследования несчастных случаев, произошедших при выполнении дистанционной работы;
- дополнить положения главы 49.1 ТК РФ нормами, регулирующими особенности материальной ответственности работодателя перед дистанционными работниками.

Реализация указанных мер позволит повысить уровень правовой определенности, обеспечить более эффективную защиту имущественных интересов работников и адаптировать действующее трудовое законодательство к современным условиям цифровой экономики.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) (с учетом поправок, внесенных Законом РФ о поправке к Конституции РФ от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ).
2. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30 декабря 2001 г. № 197-ФЗ (ред. от 26 декабря 2024 г.) // Собрание законодательства РФ. — 2002. — № 1 (ч. 1). — Ст. 3.
3. О внесении изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации в части регулирования дистанционной (удаленной) работы и временного перевода работника на дистанционную (удаленную) работу по инициативе работодателя в исключительных случаях: Федеральный закон от 08 декабря 2020 г. № 407-ФЗ // Собрание законодательства РФ. — 2020. — № 50 (ч. III). — Ст. 8052.
4. О применении судами Российской Федерации Трудового кодекса Российской Федерации: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17 марта 2004 г. № 2 (ред. от 28 декабря 2021 г.) // Бюллетень Верховного Суда РФ. — 2004. — № 6.
5. Лушников А. М., Лушникова М. В. Курс трудового права: в 2 т. Т. 2. Трудовые права в системе прав человека. Индивидуальное трудовое право. — М.: Статут, 2022. — 1152 с.
6. Ершова Е. А. Трудовое право России: учебник. — М.: Проспект, 2023. — 752 с.
7. Куренной А. М. Трудовое право России: учебник. — М.: Норма, 2022. — 672 с.
8. Миронов В. И. Трудовое право России: учебник. — М.: Управление персоналом, 2021. — 1152 с.
9. Гусов К. Н., Толкунова В. Н. Трудовое право России: учебник. — М.: Проспект, 2021. — 496 с.
10. Рекомендации по организации дистанционной работы работников / Федеральная служба по труду и занятости (Роструд). — М., 2021.
11. Таль Л. С. Очерки промышленного рабочего права. — М.: Статут, 2021. — 539 с.
12. Российский ежегодник трудового права. Вып. 14. — СПб.: Издательский дом Санкт-Петербургского государственного университета, 2024.

ИСТОРИЯ

Поведенческие практики Н. С. Хрущева в его публичных выступлениях (на основе материалов периодической печати)

Рыков Никита Витальевич, студент магистратуры
Самарский государственный социально-педагогический университет

Несмотря на значительный ряд исследований, посвященных изучению периода правления Н. С. Хрущева, его поведенческие практики, отраженные в выступлениях, не получили глубокого освещения в отечественной и зарубежной историографии. Между тем, именно в этих практиках проявился новый, отличный от сталинского, тип публичности советского лидера, что делает процесс их изучения и систематизации актуальным как для исследования политической культуры периода оттепели, так и для понимания механизмов функционирования политического образа Н. С. Хрущева.

Целью статьи является изучение поведенческих практик советского лидера, проявившиеся в его публичных выступлениях. Для достижения поставленной цели мы попытались решить следующие задачи: определить наиболее важные речи Н. С. Хрущева, выявить характерные поведенческие практики и провести сравнительный анализ.

Источники исследования — материалы общесоюзной периодической печати [1; 2] и публичные выступления Н. С. Хрущева [4]. В процессе работы были отобраны две речи: речь на митинге трудящихся 13 февраля 1959 г., посвященного вручению Рязанской области ордена Ленина и речь на совещании передовиков сельского хозяйства Целинного края 14 марта 1961 г. Выбор именно выступлений обусловлен контекстом реализации мегапроектов Н. С. Хрущева.

«Рязанская речь» была посвящена первым результатам программы по ускоренному повышению объема молока, масла и мяса на душу населения, а в Казахстане — освоению целины. Текст выступлений позволяет, на наш взгляд, охарактеризовать модели трансляции идей власти обществу в период оттепели. В качестве дополнительного источника были использованы материалы центральной печати (газеты «Правда» [1] и «Известия» [2]).

Необходимо было установить, насколько точно совпадали речи Н. С. Хрущева с газетными текстами. Так как газетный вариант речи готовился после ее одобрения Президиумом ЦК КПСС [4, С. 444], можно сделать вывод о ее

полном соответствии начальному варианту, который готовился пресс-группой Н. С. Хрущева, разумеется, с его поправками и корректировками. Следовательно, поведенческие практики, заложенные в текст речи соответствуют первоначальным целям Н. С. Хрущева.

Поведенческие практики Н. С. Хрущева ярко проявились в ходе его визита в Рязанскую область в феврале 1959 г. Эта поездка была связана с подведением предварительных итогов выполнения областью заданий, намеченных в докладе Н. С. Хрущева в Ленинграде в 1958 г., в частности, по наращиванию производства молока и мяса на душу населения. Эта идея вошла в нашу историю в виде лозунга «Догнать и перегнать Америку» [3, С.1].

Приковать внимание Н. С. Хрущева и всей страны к Рязанской области смог первый секретарь Рязанского обкома партии А. Н. Ларионов, который на Пленуме ЦК КПСС пообещал продать государству 150 тыс. тон мяса [5, С.73]. Вскоре после завершения XXI съезда КПСС состоялась поездка Н. С. Хрущева в Рязань с целью публичного освещения успехов области по достижению поставленного плана.

В речи Н. С. Хрущева на митинге трудящихся, посвященном вручению Рязанской области ордена Ленина, можно выявить следующие поведенческие практики, которые проявлялись в мобилизационной риторике речи. Например, «У вас он есть (потенциал), но цифра весьма скромная. Это приблизительно на том уровне, который должна иметь вся Российская Федерация, чтобы догнать Соединенные Штаты Америки. А вы, мне кажется, имеете большие возможности» [1, С.1]. Помимо этого в выступлении проявляется другая поведенческая особенность Н. С. Хрущева, которую кратко можно охарактеризовать как «хвали, но не перехваливай». Все отмеченное соответствовало глубокой вере первого секретаря ЦК КПСС в скорое построение коммунизма в СССР, во всеобщее равенство.

Не забыл Никита Сергеевич подчеркнуть заслуги главного инициатора плана тройной выработки мяса — первого секретаря Рязанского обкома партии. Хрущев даже

рассказал присутствующим на митинге о том, что он предлагал А. Н. Ларионову должность в Москве, от которой тот отказался, чтобы работать на благо родной области. Такая практика публичной поддержки имела неоднозначные последствия. Во-первых, в декабре 1959 г. А. Н. Ларионов стал Героем Социалистического труда [5, С.75]. Во-вторых, теперь он нес персональную ответственность за все, что он обещал. Не стоит забывать, что публичное признание не допускало вариантов бесшумного ухода в случае провала.

Следует отметить, что яркой чертой поведения Н. С. Хрущева являлась практика «ухода» от заранее заготовленного текста и открытая демонстрация недочетов бюрократической системы. Так, он говорил: «У нас существует в масштабах республик, краев и областей такая форма поощрения передовиков как присуждение переходящих знамен. Однако это дело обюрокрачено и часто не приносит желаемых результатов. Вручение Красного знамени нередко превращается в канцелярское крючкотворство. Разрешите привести такой пример: Красноармейскому совхозу на Кубани было присуждено переходящее Красное знамя Министерства сельского хозяйства и ЦК профсоюза. По этому поводу заместитель министра сельского хозяйства СССР тов. Петров послал совхозу следующую телеграмму: «Получите по бухгалтерской доверенности знамя министерства и ЦК профсоюза, присужденное по итогам первого полугодия 1958 года». (Смех в зале)» [1, С.2]. Данный пример показывает и другую поведенческую особенность Н. С. Хрущева, которая заключается в том, что он не стеснялся информировать обычных граждан о просчетах, допущенных во внутренней государственной политике. По тексту и реакции публики прослеживается, что о серьезных недостатках он сообщал с доверительной интонацией, с юмором, что было не характерно для советских вождей. Так Никита Сергеевич достигал важной для себя цели — формировал внутри страны образ «народного лидера».

Завершая анализ «рязанской речи», приведем пример отхода Н. С. Хрущева от заготовленного текста. Он сказал: «Надо подвести колхозницу к пониманию, что ей невыгодно иметь свою корову. Каждая колхозница — умная женщина, она понимает, что ее любовь привлекает не хвост рыбой или рыжей коровы, а молоко. Поэтому надо создать условия, при которых колхозница сможет получать в колхозе молоко для себя и детей. Тогда она сама продаст корову. У нее будет больше времени для отдыха, чтобы выйти на улицу, как говорят, себя показать и на людей посмотреть» [1, С.3]. Современные маркетологи сказали бы, что Никита Сергеевич отлично знает свою целевую аудиторию. Данная цитата показывает один из любимых приемов Хрущева «работы с народом» — важная, по его мнению, задача ставится путем привлечения внимания граждан к их практическим выгодам, которые они получают в случае «правильного» ее решения. В данном случае Н. С. Хрущев апеллирует к «женскому», так как женщины и в его время являются основой силой сельского хозяйства.

Похожую практику он использовал, когда рассуждал о необходимости выращивания кукурузы: «Товарищи ря-

занцы, поймите меня правильно. Я советую вам выращивать кукурузу, как самую урожайную...» [1, С.3]. Здесь любопытно, что Никита Сергеевич «советует», а не приказывает, выступая в роли умудренного опытом человека, сближаясь с непосредственным исполнителем.

Новые детали выявляются в ходе изучения второй речи Н. С. Хрущева на совещании передовиков сельского хозяйства Целинного края 14 марта 1961 г. Прежде всего, он попытался всячески подчеркнуть важность целинной эпопеи. Первый абзац начинается со слов: «Это и годы первых пятилеток...». В следующем абзаце напомним: «После исторической победы над фашизмом...», а дальше идут три абзаца посвященные освоению космоса, после которых идет логический финал: «Замечательной страницей в истории нашей Родины войдет самоотверженный труд народа по освоению десятков миллионов целинных и залежных земель...». Так Хрущев рассматривает целинный проект как логическое продолжение череды громких побед советского народа, а следовательно, легитимизирует свою идею. Он активно и целенаправленно использует прием противопоставления: «Выдающиеся успехи в освоении целины наглядно показывают, какими жалкими банкротами предстают перед лицом партии и народа отщепенцы из антипартийной группы, которые рьяно выступали против курса Центрального Комитета на освоение целины». Данный прием, в первую очередь, связан с тем, что помимо простых граждан на совещании присутствуют работники ЦК Компартии, Совета Министров, Госплана и Госстроя Казахской ССР, которые прекрасно понимают подтекст его выступления. Н. С. Хрущев уверенно демонстрирует свою правоту своих действий и пусть не напрямую, но предупреждает республиканских чиновников.

Как и в Рязани Н. С. Хрущев говорит о передовиках производства, которые являются образцами для подражания (Д. И. Лизунов, З. А. Франк, И. А. Ильинов, А. А. Цапов и др.). Интересно, что выступая в Казахстане, он расширяет круг передовиков, чтобы доказать важность и масштабность его проекта. Мало того, каждая упомянутая им фамилия имеет четкую социальную привязку — тракторист Михаил Довжик, директор Кайрактинского совхоза Виктор Полянский, свиновод Дамеля Жаксалыкова и т. п. Мало того, он кратко рассказывает о каждом из них. Данная практика свидетельствует о том, что Хрущев стремился показать, что он хорошо знает не только руководящих работников (например, директоров совхозов), но и обычных тружеников, что в свою очередь поддерживает его образ «народного лидера». Важно и другое, а именно личное признание первого лица достижений рядовых работников, превращение общих показателей в персональные образцы для подражания.

Еще одной важной деталью, раскрывающей одну из поведенческих практик Н. С. Хрущева, является его прямой диалог с А. Самайбаевым, который говорит: «Конского мяса мало!». Хрущев дает развернутый ответ, в котором поддерживает оппонента, говоря о нем как авторитетном человеке, хорошо знающем свое дело. Он

выводит проблему нехватки конского мяса за рамки республиканской проблемы: «Сейчас некоторые русские, украинцы, белорусы также едят конское мясо...», делая ее общенациональной, что соответствует идее многонационального освоения целины. Затем Никита Сергеевич апеллирует к национальным традициям казахов и других народов, из которого делает вывод о необходимости увеличения выработки конского мяса. Далее он следует своей отработанной практике не навязывать сразу свое мнение: «Дело добровольное, не хотите конское мясо есть, пожалуйста, кушайте свинину, курятину, утятину, говядину или баранину. А любите конское мясо ешьте его на здоровье!».

Вызывает интерес публичная критика Хрущева кадровой проблемы на местах в рассматриваемой речи. Он приводит малоутешительные данные по совхозам Казахской ССР, называя поименно директоров, снятых с руководящей должности. Возникает вопрос: на кого рассчитана эта информация? Как нам кажется, здесь первый секретарь ЦК КПСС показывает, что он напрямую контролирует не только высшее и среднее, но и низовое звено советских руководителей таких важных учреждений как целинные совхозы.

В завершение обратим внимание еще на один излюбленный прием Н. С. Хрущева, который он использовал в публичных выступлениях для реализации той или иной поставленной им цели.

После критики подбора кадров последовал логический вывод-призыв Никиты Сергеевича: «Мы, старики, поработали, и неплохо поработали, так давайте, товарищи, при жизни нашей дадим возможность молодежи поработать на руководящих постах». Данное утверждение прозвучало не потому, что он отчаялся в старых кадрах и решил резко омолодить состав руководящих работников, а потому что он четко знал, что в данном случае нужно обратиться именно к молодежи. Известно, что в освоении целинных и залежных земель приняли деятельное участие свыше 500 тыс. юношей и девушек [6, С.440]. Следовательно, можно сказать, что Никита Сергеевич данным приемом пытался увлечь молодежь перспективами построения карьеры на целине. Однако громкими речами он не бросался. Как и в рязанском выступлении ему было важно заронить нужную ему мысль в умы конкретной аудитории. Косвенно эту практику подтверждает и первая страница газеты «Известия» [2, С.1].

Рис. 1. Фотография А. Скурихина. Посреди поля пшеницы на переднем плане стоят два молодых человека, а позади старшие товарищи с Никитой Сергеевичем

К этой фотографии имеет отношение и высказывание Н. С. Хрущева: «Мы можем молодым работникам подсказать, посоветовать. Опыта у них меньше, но знаний не меньше...» [2, С.4].

Таким образом, можно сделать вывод, что поведенческие практики Н. С. Хрущева, получившие отражение в его речах,

это продуманный и целенаправленный лексический комплекс, избилующий рядом приемов, которые работали на продвижение, укрепление и реализацию его внутренней политики, формирование выигрышного образа «народного лидера», который старался понимать не только насущные государственные задачи, но и заботы и чаяния «простых граждан».

Литература:

1. Правда. 1959. 14 февраля.
2. Известия. 1961. 18 марта.
3. Правда. 1957. 24 мая.
4. Петрова Т. М. Публичные речи Н. С. Хрущева конца 1950-х — начала 1960-х гг.: Опыт источниковедческого анализа // Via in tempore. История. Политология. 2022. № 2. С. 440–449.

5. Сушков А. В. Высшее руководство СССР и «Рязанское дело» (1959–1961 годы) // Вестник Челябинского государственного университета. 2008. № 35. С.72–82.
6. Брежнев Л. И. Ленинским курсом. Речи и статьи. М., Политиздат, 1974. Т. 4. 488 с.

Древние цивилизации: колыбель современной государственной службы

Симбирева Полина Константиновна, студент магистратуры

Научный руководитель: Павлов Анатолий Петрович, кандидат юридических наук, доцент
Уральский институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации (г. Екатеринбург)

В статье рассматриваются и анализируются исторические этапы становления государственной службы в древних цивилизациях — Древнем Египте, Месопотамии, Древнем Китае, Древней Индии, Древней Греции и Римской империи. На основе анализа научных источников выявляются общие черты и особенности организации государственной службы, включая теократический характер власти, централизацию управления, жёсткую иерархию, а также уникальные подходы к подготовке кадров, финансовому контролю и надзору за деятельностью чиновников. Делается вывод о глубоком влиянии наследия древних цивилизаций на современные системы государственной службы и правового регулирования.

Ключевые слова: государственная служба, древние цивилизации, Древний Египет, Древний Китай, Древняя Греция, Римская империя, бюрократия, управление, иерархия, правовое регулирование.

Ancient civilizations: the cradle of modern public service

Simbireva Polina Konstantinovna, master's student

Scientific advisor: Pavlov Anatoly Petrovich, candidate of legal sciences, associate professor
Ural Institute of Management — a branch of the Russian Academy of National Economy and Public Service under the President of the Russian Federation
(Ekaterinburg)

The article examines and analyzes the historical stages of the formation of public service in ancient civilizations — Ancient Egypt, Mesopotamia, Ancient China, Ancient India, Ancient Greece and the Roman Empire. Based on the analysis of scientific sources, the general features and peculiarities of the organization of public service are identified, including the theocratic nature of power, centralization of management, rigid hierarchy, as well as unique approaches to personnel training, financial control and supervision over the activities of officials. The conclusion is made about the profound influence of the heritage of ancient civilizations on modern systems of public service and legal regulation.

Keywords: public service, ancient civilizations, Ancient Egypt, Ancient China, Ancient Greece, Roman Empire, bureaucracy, management, hierarchy, legal regulation.

История государственной службы уходит корнями в седую древность, зародившись в недрах первых цивилизаций до нашей эры.

А первые человеческие цивилизации, как, например, полагает историк В. В. Биркин (г. Донецк), согласно археологическим изысканиям и раскопкам, возникли по приблизительным подсчётам с помощью радиоуглеродного метода где-то 5–6 тысяч лет назад. [1]

Существует множество научных и иных источников, которые позволяют изучать историю древнего мира и государственный строй различных цивилизаций. Анализ ряда научных статей показал, что развитие государственной службы в древних цивилизациях прошло путь в несколько этапов, от примитивных форм управления, основанных на родоплеменных традициях, до сложных бюрократических систем с чёткой иерархией и разделением функций.

Безусловно, права О. Е. Шевнина (к.и.н., г. Пенза), что первобытное общество является исходным этапом развития человечества и его история охватывает длительный период, составляющий около 99 % всей истории человечества. Основные социальные институты, способы их организации и регулирования общественных отношений берут начало в недрах первобытной эпохи. Их анализ обеспечивает последовательность рассмотрения государства, государственной службы, управления в обществе, понимание основных механизмов их функционирования. [2, с. 48]

Все народы прошли эволюцию на стадии государствообразования через первобытное общество, протогосударственные структуры и первые государственные образования.

Развитие государственной службы связано с усложнением социально-экономических структур, ростом территорий общин и государств, необходимостью централи-

зованного управления. Двигателем этого процесса стала острая потребность в координации грандиозных проектов: возведение величественных дворцов, монументальных пирамид и священных храмов, строительство и поддержание в работоспособном состоянии сложных ирригационных систем, эффективный сбор налогов, обеспечение обороны границ и ведение военных кампаний. Трансформация системы государственной службы осуществлялась на протяжении длительного исторического периода, охватывающего десятки тысяч лет.

Особый расцвет государственная служба обрела в Древнем Египте, Римской империи, Древнем Китае, Древней Индии, Древней Греции и Месопотамии. Оттачиваемая на протяжении столетий, она оставила неизгладимый след, заложив фундамент для формирования государственных институтов в последующие эпохи.

Многие учёные-исследователи (Баранов Н. А., д.п.н., Санкт-Петербург; Борисов А. М. [3], к.и.н., Курск; Лукьяновская О. В. [4], к.и.н., Волгоград; Орловская Е. И. [5], к.и.н., Минск; Суровень Д. А. [6, с. 155], к.и.н., Екатеринбург; Чеботарёва Е. А. [7], к.ф.н., Москва; Фортунатов В. В. [8], д.и.н., Санкт-Петербург и другие) отмечают, что государственные службы древних цивилизаций имели как общие черты и закономерности развития, так и существенные различия, обусловленные географическими, климатическими, социальными и историческими факторами.

К общим чертам древневосточной государственной службы можно отнести:

- теократический характер власти (правитель считался ставленником богов, что усиливало его авторитет);
- централизация управления (концентрация власти в руках правителя и его ближайшего окружения);
- жёсткая иерархия (чёткое распределение обязанностей и рангов среди чиновников);
- многофункциональность чиновников (один человек первоначально, как правило, одновременно совмещал административные, хозяйственные и иные функции). [9]

Подходы древних цивилизаций к организации управления обществом и осмыслению роли государства представляют значительный научный интерес: они во многом предопределили эволюцию бюрократических систем в различных культурах.

Характерной формой государственного устройства для Древнего Египта, Месопотамии, Древнего Китая и Древней Индии стала восточная деспотия. Её ключевые черты — абсолютная власть монарха (стоящая выше любых законов и традиций) и наследственный характер престола. Административный аппарат в таких обществах строился на строгой иерархии: он включал должности разного уровня, от высших до низших.

Именно эта модель с чётким распределением ролей и обязанностей впоследствии легла в основу множества современных управленческих систем. Например, в средневековой Европе правители активно перенимали отдельные элементы римской бюрократии — это помогало

укреплять центральную власть и развивать государственные институты. Следствием такого заимствования стало появление канцелярий, фискальных служб и судебных органов.

В тот период встречались государства с республиканским правлением и даже с демократическим государственно-политическим режимом (Афины, Рим в период республиканского правления). Хотя это было скорее исключением из общего правила. В Древней Греции, Афинах правом и обязанностью всех свободных граждан (кроме женщин, иностранцев и рабов) было участие в Народном собрании — высшем органе власти, где принимались законы, обсуждались вопросы продовольствия, защиты страны, государственных расходов, заслушивались отчёты должностных лиц и прочее по желанию самих граждан. Площадь в Афинах для собрания вмещала 14 тысяч человек. Любой гражданин должен был быть готов к занятию государственного поста, на который назначали по жребию или избирали открытым голосованием (поднятием рук или белыми и чёрными камешками). При решении наиболее важных вопросов для обеспечения кворума осуществлялась плата за посещение Народного собрания в размере прожиточного дневного минимума для семьи из трех человек.

В средневековой Европе, особенно в Италии, в некоторых городских коммунах развивались формы самоуправления, которые частично перекликались с античными традициями. В XIII веке в Древней Руси в Новгородской республике (Господин Великий Новгород) действовал институт народного веча — общего собрания горожан, обладавшего высшими полномочиями. Вече выступало в роли высшего органа управления: оно принимало законодательные решения, определяло внешнеполитический курс (объявляло войну и заключало мир), а также регулировало отношения с князьями — могло как пригласить их на правление, так и изгнать.

В современном мире из древнегреческой практики переняли демократию в том смысле, что граждане имеют право участвовать в принятии решений через выборы и референдумы.

Вклад древних цивилизаций в развитие государственной службы также проявляется в их подходах к обучению и подготовке кадров. В Древнем Египте, Римской империи, Древнем Китае и ряде других государств осознали важность профессионального обучения чиновников — для этого создавались специальные школы. В них будущие служащие осваивали право, риторику, философские учения, принципы управленческой психологии, а также усваивали этические нормы, призванные обеспечить добросовестность и неподкупность на государственной службе. Это наследие можно проследить и в нынешних системах, где акцент на образование, этику и профессионализм играет ключевую роль в формировании кадрового состава.

В древних цивилизациях пристальное внимание уделялось вопросам управления финансами. В Древнем

Египте существовали специализированные ведомства, отвечавшие за сбор налогов и распоряжение ресурсами. [10] В Римской империи эту функцию выполняли финансовые магистраты, контролировавшие государственные доходы и расходы. В Древней Греции народные собрания становились площадкой для обсуждения государственного бюджета, вопросов казённых расходов, заслушивания отчётов должностных лиц о распоряжении общественными средствами. Эти практики подчёркивают жизненную важность финансового управления в государственной службе, что остаётся актуальным и в наши дни.

Древние цивилизации использовали разнообразные методы для контроля и оценки деятельности своих чиновников. Надзор осуществлялся через сочетание личных полномочий правителя (фараона, царя, императора), бюрократического контроля, системы отчётности, судебных механизмов и специализированных надзорных органов. В Древнем Риме, например, существовали механизмы проверки и отчётности, обеспечивавшие прозрачность в управлении и снижавшие риск коррупции. В Древнем Египте в некоторых административных единицах присутствовали чиновники-ревизоры, проверявшие работу нижестоящих служащих. В Месопотамии действовали должностные лица, курировавшие использование земельных фондов, исполнение повинностей, сбор налогов. В Древней Индии существовали цензорные органы, по указу императора контролировавшие деятельность всех должностных лиц, в том числе следившие за их благонадежностью. Эти практики легли в основу современных систем мониторинга и оценки эффективности работы государственных служащих.

В древних цивилизациях государственная служба и законодательство были неразрывно связаны, формируя основу управления, определяя полномочия чиновников.

Анализ правовых систем в древних государствах показывает, что соотношение госслужбы и законодательства в древних цивилизациях было сложным и зависело от конкретных исторических, культурных и политиче-

ских условий. Законодательство в древних цивилизациях служило инструментом систематизации управления. Общие тенденции включали иерархическое устройство управления, божественное происхождение законов и сакральный статус правителя, связь права с религией, дифференцированный правовой статус различных групп населения в большинстве государств. Каждая цивилизация вырабатывала собственные формы организации власти и права, соответствующие ее культурно-историческим особенностям, и не существует единственно правильной модели государственно-правового устройства, законодательного обеспечения государственной службы.

Наследие древних цивилизаций продолжает оказывать влияние на современные правовые системы, предлагая исторические уроки структурирования законов, принципов управления и регулирования общественных отношений, функционирования государственной службы. Свод законов Месопотамии оказал влияние на правовую культуру Древнего Востока и стал образцом продуманного правового регулирования. Римское право послужило фундаментом для многих европейских правовых систем. Законодательство Древнего Китая оказало долговременное воздействие на подходы к государственной службе в Восточной Азии.

Правовое регулирование государственной службы в древних цивилизациях формировалось постепенно — этот процесс, обусловленный объективными историческими потребностями, охватывал тысячелетия. На протяжении длительного времени правовые нормы последовательно эволюционировали: они уточнялись, дополнялись и совершенствовались, закладывая фундамент для дальнейшего развития института государственной службы.

Анализ древних цивилизаций позволяет выявить ключевые принципы и практики, которые продолжают влиять на развитие государственной службы в современных условиях. Изучение исторического контекста может служить отправной точкой для реформирования нынешних государственных институтов и их служб.

Литература:

1. Биркин В. В. Древнейшие цивилизации и государства мира. // Проза.ру: электронный ресурс. — URL: <https://proza.ru/2023/01/29/1092> (Дата обращения: 24.04.2026).
2. Шевнина О. Е. История государства и права зарубежных стран. Древний мир. Средние века: учебное пособие. — Пенза: Изд-во ПГУ, 2017. — URL: https://dep_iogip.pnzgu.ru/files/dep_iogip.pnzgu.ru/07__posobie_2.pdf (Дата обращения: 24.04.2026).
3. Борисов А. М. Обычаи и правовые установления первых древних цивилизаций земли о сообществах людей // Историко-правовые проблемы: новый ракурс. — 2021. — № 4. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obychai-i-pravovye-ustanovleniya-pervyh-drevnih-tsivilizatsiy-zemli-o-soobshchestvah-lyudey/viewer> (Дата обращения: 23.04.2026).
4. Лукьяновская О. В. Право древнего мира: источники и особенности регулирования // Электронный портал. — URL: <https://vtk-portal.ru/about/news/396/> (Дата обращения: 23.04.2026).
5. Орловская Е. И. Возникновение государственного управления в странах Древнего Востока // Электронная библиотека Белорусского государственного университета. — 2021. — URL: <https://elib.bsu.by/bitstream/123456789/267694/1/67-70.pdf> (Дата обращения: 23.04.2026).

6. Суровень Д. А. Ранняя форма государства // Историко-правовые проблемы: новый ракурс. — 2016. — Вып. 16. — С. 149–203. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rannaya-forma-gosudarstva/viewer> (Дата обращения: 23.04.2026).
7. Чеботарёва Е. А., Матвиенко Л. И. Эволюция управленческой мысли с древнейших времен до современности // Мировые цивилизации. — 2021. — № 1. — URL: <https://wcj.world/PDF/17ECMZ121.pdf> (Дата обращения: 24.04.2026).
8. Фортунатов В. В. История мировых цивилизаций: электронный ресурс. — URL: <https://www.litres.ru/book/vladimir-fortunatov/istoriya-mirovyh-civilizacij-583975/chitat-onlayn/?page=1> (Дата обращения: 23.04.2026).
9. Епифанова Е. В. История государства и права зарубежных стран. Особенности развития государства и права стран Древнего Востока // Электронный ресурс. — URL: <https://be5.biz/pravo/i031/1.html> (Дата обращения: 03.05.2026).
10. Косарев А. И. Всеобщая история государства и права. Древний Египет. Государственный строй восточной деспотии // Электронный ресурс. — URL: <https://www.livelib.ru/book/145014/readpart-vseobschaya-istoriya-gosudarstva-i-prava-kosarev-ai/~4> (Дата обращения: 23.04.2026).

ПОЛИТОЛОГИЯ

Как антикитайские настроения в Центральной Азии усугубляют отношения между КНР и странами Центральной Азии

Мелян Виолетта Гамлетовна, студент
Волгоградский государственный университет

В статье автор пытается рассмотреть синофобию в Центральной Азии (ЦА) как один из вызовов для сотрудничества между Китаем и странами ЦА.

Ключевые слова: Китай, синофобия, Центральная Азия.

После развала Советского Союза в 1991 г. на мировую арену вышли новые государства, чей внешнеполитический курс был пока неясен. Расположившийся под боком Китай (Китайская Народная Республика или КНР) оперативно стал устанавливать отношения с постсоветскими странами, уделяя особенное внимание Центральной Азии. Регион Центральной Азии охватывает следующие государства: Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан и Узбекистан. И уже в январе 1992 г. китайские власти признали независимость Казахстана, Узбекистана, Таджикистана, Туркменистана и Кыргызстана.

Такая стремительная смена вектора сотрудничества Китая в сторону ЦА была обусловлена несколькими причинами:

Во-первых, Центральная Азия обладает богатыми запасами природных ресурсов, в число которых входит нефть, природный газ, уголь, цинк, свинец, золото, олово, редкие металлы, железные руды, медные руды, алюминиевые руды, сера, мирабилит, фосфориты, мрамор. В свою очередь, Китай, наоборот, располагает ограниченным количеством ресурсов, поэтому вынужден обращаться к более «обеспеченным» соседям, чтобы продолжать развивать свою экономику и поддерживать образ одного из крупнейших в мире импортеров готовой продукции.

Во-вторых, Кыргызстан, Казахстан и Таджикистан имеют общую границу с КНР, что стало особенно важно в 1990–2000-е гг. из-за роста терроризма и распространения радикального ислама появились серьезные опасения насчет незаконного пересечения границ.

Также дополнительные проблемы создает то, что Синьцзян-Уй-гурский автономный район (КНР) имеет протяженную границу с Центральной Азией. На территории Синьцзян-Уй-гурского автономного района и на приграничных с Китаем центрально-азиатских землях проживают уйгуры, которые являются религиозным и этниче-

ским меньшинством. Согласно приведенным данным от исследователей Гончаренко А. Р. и Манойло А. В., в Казахстане проживает около 300 тыс., Кыргызстане — до 30 тыс., Туркменистане — 12 тыс., что создает дополнительную причину для сотрудничества [2].

Всестороннее взаимодействие со странами Центральной Азии является одним из важнейших направлений для китайской внешней политики. Это выражается в росте кооперации между указанными странами в разных сферах. Затрагивая сферы противодействию терроризму, экстремизму, сепаратизму и пресечению транснациональной преступности в регионе, КНР сотрудничает с соседями в рамках деятельности ШОС. Шанхайская организация сотрудничества была учреждена Китаем, Россией, Казахстаном, Таджикистаном, Кыргызстаном и Узбекистаном в 2001 г. и продолжает помогать в углублении партнерства между государствами. Например, согласно данным исследования Гончаренко А. Р. и Манойло А. В., в 2015 и 2017 гг. совместные проводились военные учения в сфере киберпространства [2].

Во-вторых, тесные взаимоотношения в рамках китайской транспортной инициативы «Один пояс, один путь», неожиданно предложенной в 2013 г. лидером КНР на выступлении в Назарбаев Университете. Программа, согласно словам Си, создана «... с целью укрепления экономических связей, углубления сотрудничества и расширения пространства развития стран Евразии мы можем применять новую модель сотрудничества и общими усилиями сформировать экономическую полосу шелкового пути...» [6]. В рамках проекта с 2013 г. было запущено множество проектов.

В-третьих, предоставление Китаем кредитов для ЦА, что часто в народе воспринимается как зависимость. Например, для Узбекистана Китай является крупнейшим торговым партнером и кредитором одновременно. Согласно данным, за 2024 г. торговый оборот между стра-

нами достиг отметки 13,8 млрд долларов. Из которых только 2 млрд долларов — это экспорт товаров из Узбекистана и 11,8 млрд долларов — это импорт [4]. Затрагивая сферу кредитов, на 2024 г. Узбекистан должен Пекину не менее 3,8 млрд долларов США [4].

На фоне столь активных взаимоотношений не могли не возникнуть некоторые домыслы, мифы и даже опасения среди населения Центральной Азии, плавно переливаясь в синофобию. Возрождение синофобии вытекало из нескольких причин.

ЦА полностью вовлечены в деятельность китайской транспортной инициативы ОПОП, в рамках которого строится множество дорог. Так как по сравнению с Китаем страны ЦА намного беднее, то Китай часто предоставляет кредиты для региона. Такое великодушие со стороны Китая вызывает большие опасения среди центрально-азиатского населения.

Также на территории Западного Казахстана руководящие посты на совместных проектах между странами в основном отдаются китайским специалистам, которые ввозятся на территорию ЦА. Разлад между народами усиливает разница в заработной плате у рабочих: у китайских граждан как иностранных специалистов сумма больше, чем у местных. И как считают исследователи Зуенко И. Ю., Кулинцев Ю. В., Мукамбаев А. А., Рахимов К. К., что приезжие иностранцы наживаются на казахских ресурсах [3].

Эти опасения выливаются в действия. В 2016 и 2019 гг. прокатилась волна антикитайских протестов в Центральной Азии. Нельзя сказать, что синофобия в Центрально-азиатском регионе — что-то новое. Подобные настроения наблюдались ещё в XX веке, особенно в наиболее отдаленных районах. Например, накануне визита президента Казахстана Касым-Жомарта Токаева в Китай (11–12 сентября 2019 г.) в г. Жанаозене (западный Казахстан) прошли митинги, требующие отмены предстоящей встречи глав государств и полной ликвидации китайско-казахстанского сотрудничества. Как выяснилось позднее, в социальные сети Казахстана была произведена анонимная рассылка о скором переносе 55 китайских

заводов в Казахстан. Жители Казахстана, и так опасяющиеся роста влияния могучего китайского соседа, хлынули на улицы. Согласно данным, протестующие скандировали «Мы против переноса производств», «Экспансии Китая — нет», «Против аренды казахстанской земли иностранцами», «Отменить изменения в Земельный кодекс» [5]. На протяжении следующих дней граждане выражали недовольство в Алматы, Нур-Султане, Актобе, Караганде, Актау, Шымкенте. Также стоит отметить, что в социальных сетях очень распространены синофобские настроения. Согласно новостной статье, под популярным роликом (набрал 1,8 млн просмотров) блогера и аналитика Фазлиддина Шахобиддина было оставлено 12 тысяч комментариев, большинство из которых отражали антикитайские настроения, заявляя, что Китай постепенно выкупает Узбекистан [4].

После пандемии антикитайские настроения в Центральной Азии рассматривались по-разному. С одной стороны, некоторые исследователи считают, что синофобия пошла на убыль. Китаевед, основатель Центра изучения Китая и Центральной Азии «Синописис» Руслан Изимов связывает это «внезапное» падение со следующим: количество совместных с китайцами проектов значительно уменьшилось, кое-какие программы заморозили, инвестиции сократились [1]. Также руководство Китая и стран Центральной Азии стали проводить совместные мероприятия в сфере культуры, чтобы разрешить недопонимания между народами.

Другие исследователи, наоборот, наблюдали рост антикитайских волнений. Например, в Кыргызстане на данный момент участились антикитайские провокации. В середине ноября этого года произошла массовая драка, участниками которой были граждане КНР и Кыргызстана [4].

Таким образом, допустимо сказать, что антикитайские настроения в Центральной Азии ухудшают отношения стран с КНР, но в незначительной степени. Тесное экономическое партнерство Китая и Центральной Азии не может развалиться из-за синофобии, но забывать про этот риск не стоит.

Литература:

1. Asia Today. В Киргизии и Казахстане усилились антикитайские провокации. — URL: <https://easdaily.com/ru/news/2025/11/18/v-kirgizii-i-kazahstane-usililis-antikitayskie-provokacii>.
2. Гончаренко А. Р., Манойло А. В. Стратегия Китая в Центральной Азии на современном этапе // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2023. № 3 (76). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/strategiya-kitaya-v-tsentralnoy-azii-na-sovremennom-etape> (дата обращения: 21.12.2025).
3. Зуенко И. Ю., Кулинцев Ю. В., Мукамбаев А. А., Рахимов К. К. Антикитайские протесты на постсоветском пространстве // Россия в глобальной политике. 2020. № 6 (106). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/antikitayskie-protesty-na-postsovetskom-prostranstve> (дата обращения: 21.12.2025).
4. Политика. Китай захватывает Узбекистан? 2025 г. — URL: <https://check-point.kz/publication?id=5107>.
5. Розов М. Антикитайские настроения в Казахстане. Версии и факты. 2019. — URL: <https://www.ritmeurasia.ru/news—2019—09—15—antikitajskie-nastroenija-v-kazahstane.-versii-i-fakty-44863?ysclid=mjgzefbj51116417517>.
6. Си Цзиньпин. Укреплять дружбу народов, вместе открыть светлое будущее. Выступление Председателя КНР Си Цзиньпина в Назарбаев университете (полный текст). 2013 г. Режим доступа: <http://kz.china-embassy.org/rus/zghx/t1077192.htm> (дата обращения: 21.12.2025).

Молодой ученый

Международный научный журнал

№ 25 (628) / 2026

Выпускающий редактор Г. А. Письменная
Ответственные редакторы Е. И. Осянина, О. А. Шульга, З. А. Огурцова
Художник Е. А. Шишков
Подготовка оригинал-макета П. Я. Бурьянов, М. В. Голубцов, О. В. Майер

За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.
При перепечатке ссылка на журнал обязательна.
Материалы публикуются в авторской редакции.

Журнал размещается и индексируется на портале eLIBRARY.RU, на момент выхода номера в свет журнал не входит в РИНЦ.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-38059 от 11 ноября 2009 г., выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

ISSN-L 2072-0297

ISSN 2077-8295 (Online)

Учредитель и издатель: ООО «Издательство Молодой ученый». 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25, пом. 1, 3, 4, 5, 6.

Номер подписан в печать 1.07.2026. Дата выхода в свет: 8.07.2026.

Формат 60×90/8. Тираж 500 экз. Цена свободная.

Почтовый адрес редакции: 420140, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Юлиуса Фучика, д. 94А, а/я 121.

Фактический адрес редакции: 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25, пом. 1, 3, 4, 5, 6.

E-mail: info@moluch.ru; <https://moluch.ru/>

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый», 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25, пом. 1, 3, 4, 5, 6.